

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2018

Том 9

№ 4

Знаки и действия:
актуальные проблемы
социальной семиотики

Специальный выпуск

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2018

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2018
Том 9
№ 4

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2018.
123 с.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением учредителя

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) – главный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) – ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Михаил Васильевич Ильин*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Максим Анисимович Кронгауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Михаил Андреевич Осадчий*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия); *Владимир Александрович Плунгян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Ефим Сергеевич Фидря*, кандидат социологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Сергей Львович Фирсов*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Вадим Александрович Чалый*, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	5
<i>Куль К., Вельмезова Е.</i> О парадоксе «семиотики жизни»: работы последних лет Юрия Лотмана	6
<i>Тулчинский Г.Л.</i> К проблеме смысла в социальной семиотике: глубокая семиотика как концептуальное расширение социальной семиотики	15
<i>Золян С.Т.</i> К проблеме смысла в социальной семиотике: Макс Вебер сегодня	27
<i>Щекотуров А.В.</i> Интерфейс социальных сетей как репрезентация культурных смыслов	43
<i>Согомонян В.Э.</i> Символические комплексы массовой культуры и семиозис политического дискурса в современном обществе	54
<i>Тесля А.А.</i> Риторика и логика репрезентаций русско-турецкой войны 1877–1878 годов в российском публичном пространстве.....	63
<i>Цвигун Т.В., Черняков А.Н.</i> «Слово – язва...»: семиотическая утопия Алексея Чичерина	78

ИЗ ИСТОРИИ СЕМИОТИКИ И ПОЭТИКИ

<i>Васкиневич А.И.</i> Эстетико-семиотическая концепция А.Г. Баумгартена	93
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Словарь народной духовной культуры болгар / З. Барболова, М. Симеонова, М. Китанова, Н. Мутафчиева, П. Легурска. – София: Наука и изкуство, 2018. – 504 с. (<i>Д. Веселинов</i>).....	106
Международная научная конференция «Социальная наука как социальная семиотика: соединяя теории, методы и практики» (Калининград, БФУ им. И. Канта, 25–27 сентября 2018 года) (<i>И.В. Фомин, Т.В. Цвигун</i>)	113

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

<i>Автономова Н.С.</i> Личное письмо на неличную тему (фантазии в мире «интердискурсивности»)	118
---	-----

CONTENTS

<i>Editor's Note</i>	5
<i>Kull K., Velmezova E.</i> The paradox of the 'semiotics of life': Yuri Lotman's later works.....	6
<i>Tulchinskiy G. L.</i> The problem of meaning in Social Semiotics: deep semiotics as a conceptual extension of Social Semiotics	15
<i>Zolyan S. T.</i> The problem of meaning in Social Semiotics: Max Weber today	27
<i>Shchekoturov A. V.</i> Social media interfaces as a representation of cultural meanings	43
<i>Soghomonyan V. E.</i> The symbolic complexes of mass culture and the semiosis of political discourse.....	54
<i>Teslya A. A.</i> The rhetoric and logic of the representations of the Russian-Turkish War of 1877-1878 in Russian public discourse	63
<i>Tsvigun T. V., Chernyakov A. N.</i> 'The Word, an Ulcer...': Aleksey Chicherin's semiotic utopia.....	78

THE HISTORY OF SEMIOTICS AND POETICS

<i>Vaskinevich A. I.</i> A. G. Baumgarten's aesthetic-semiotic concept	93
--	----

REVIEWS AND CONFERENCES

Slovar narodnoy dukhovnoy kultury bolgar (Z. Barbolova, M. Simeonova, M. Kitanova, N. Mutaficheva, P. Legurska) [The Dictionary of the Folk Spiritual Culture of the Bulgarians]. – Sofia: Nauka i izkustvo, 2018 (<i>D. Vesselinov</i>)	106
The 'Social Science and Social Semiotics: Bridging Theories, Methods and Practices' (Kaliningrad, IKBFU, September 25–27, 2018) (<i>I. V. Fomin, T. V. Tsvigun</i>)	113

LETTERS TO THE EDITOR

<i>Avtonomova N. S.</i> A personal letter on a public issue (Fantasies in the world of 'Interdiscursivity')	118
---	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый тематический номер посвящен проблематике, в той или иной мере связанной с семиотическими аспектами человеческой деятельности и социального взаимодействия.

Социальная семиотика представляется той объединяющей трансдисциплинарной платформой, которая создает возможность совместить в рамках единой теории описание как символических, так и акциональных аспектов коммуникации и межличностного взаимодействия. Конструирование различных форм «социального воображаемого» и социальной реальности также оказывается предметом социосемиотического описания. При этом в ряде статей делается попытка совместить методы семиотического и герменевтического анализа, что представляется перспективным направлением дальнейшего развития социальной семиотики. Особое внимание уделяется воздействию новых каналов передачи информации на содержание и формы социальной коммуникации.

Основу выпуска составили исследования, выполненные научным коллективом в рамках гранта РФФИ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках (применительно к авто- и метарепрезентациям “себя” и “другого” в социальной и политической коммуникации)» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. Проблемы социальной семиотики стали для гуманитариев университета одним из магистральных направлений исследований. Так, 25–27 сентября 2018 года в университете состоялась международная конференция «Социальная наука как социальная семиотика: соединяя теории, методы и практики» с участием ведущих зарубежных и отечественных ученых, в том числе основоположников социальной семиотики Гюнтера Кресса и Роберта (Боба) Ходжа, несколькими днями ранее – международная школа для молодых исследователей «Знаки и действия». Нет сомнений, что тематика и проблематика данного выпуска в будущем обязательно получат развитие на страницах журнала.

О ПАРАДОКСЕ «СЕМИОТИКИ ЖИЗНИ»:
РАБОТЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ ЮРИЯ ЛОТМАНА

К. Куль¹, Е. Вельмезова²

¹ Тартуский университет, факультет семиотики
EE51014, Эстония, Тарту, ул. Якоби, 2

² Лозаннский университет, факультет гуманитарных наук
СН-1015, Швейцария, Лозанна, корпус Anthropole, каб. 4086
Поступила в редакцию 29.05.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-1

В ряде интервью начала 90-х годов Юрий Лотман размышлял о границе, разделяющей человека и животных. Всегда интересовавшийся животными, в трудах последних лет жизни ученый говорил о включении коммуникации животных в семиосферу. В то же время, согласно модели Лотмана, для семиозиса требуются как минимум два языка с частичной неперебиваемостью между ними, однако к миру животных эта модель им явно применена не была, в чем состоит очевидный парадокс работ ученого, написанных незадолго до смерти. Это противоречие объясняется тем, что Лотман не успел до конца продумать соответствующие вопросы, хотя в то время о проблемах этого рода уже писали другие исследователи. На сегодняшний день проблема взаимоотношения цикличности и открытости, старого и нового, повтора и новизны, алгоритмичности и неалгоритмичности как аспектов семиозиса и каждого акта интерпретации разработана в семиотике в недостаточной степени, благодаря чему работы позднего Лотмана актуальны и в настоящее время.

Ключевые слова: биосемиотика, общая семиотика, Юрий Лотман, семиосфера, первичные моделирующие системы.

Размышляя над трудами последних лет жизни Ю.М. Лотмана, в том числе над его малоизвестными работами и интервью, мы обратили внимание на один парадокс, связанный с общей семиотикой, а если точнее — с границей семиотического характера, разделяющей человека и животное.

Заметим, что система основных понятий, развиваемая Лотманом в последние годы жизни¹, пока проанализирована недостаточно, в частности с точки зрения общей семиотики. Это касается, к примеру, изучения (логического) взаимоотношения — в рамках лотмановской модели — тесно связанных между собой понятий индивидуальности, непредсказуемости, (не)прерывности², полилингвальности, неперебиваемости, семиозиса. Кроме того, лотмановская система понятий как таковая не была разработана до конца, ряд важных изменений ученый внес в нее уже незадолго до смерти. Однако, несмотря на некоторые

© Куль К., Вельмезова Е., 2018

¹ См. в этой связи: (Автономова, 2014).

² См., например, следующее положение: «В этом смысле непрерывность — это осмысленная предсказуемость» (Лотман, 1992, с. 17).

разногласия в интерпретации понятий в текстах позднего Лотмана (см.: Салупере, 2017), «без сомнения, такая система существует», хотя ее «выявление осложнено» (Чернов, 1997, с. 10; см. также: Kull, 2015). Лотман явно стремился к научной ясности, неоднократно подчеркивая, что семиотика является наукой и что хорошо разработанная система понятий для нее, несомненно, важна. Вот что он писал по этому поводу в 1992 году:

Поэтому тут опасность только в том, что термины будут недостаточно определены. Даже не всегда это можно определить, но, по крайней мере, можно пытаться. <...> Понимаете, у меня очень часто бывает, что, когда приходит новая мысль, я сдвигаю употребление терминов, не предупредив читателей. Вот с этим надо бороться (Kull, Lotman, 2015, p. 177 – 178).

Животными, как известно, Лотман интересовался всю жизнь, и некоторые замечания о зоосемиотике как правомерной части семиотики можно найти уже в его работах 1960-х годов (см., например, Лотман, 1998). Об интересе к «животной проблематике» свидетельствуют и программы семиотических семинаров, которые организовывались под руководством Лотмана в Эстонии, а также содержание сборников «Труды по знаковым системам», издававшихся при его жизни³. Однако очевидно, что в последние годы вопросы семиотики жизни занимали Лотмана больше, чем раньше⁴.

В частности, в некоторых интервью начала 1990-х годов Лотман размышляет о границе, разделяющей человека и животных. Сегодня это сложная, комплексная, во многом семиотическая проблема (к примеру, животные не способны к овладению знаками символического характера, в отличие от людей, в естественных языках которых такие знаки преобладают⁵). Лотман, однако, рассуждал в иных терминах: для него граница между человеком и животным — это граница, разделяющая поведение непредсказуемое и предсказуемое. По Лотману, человек, в отличие от животных, непредсказуем и способен удивлять:

...можно сказать, что поведение человека в принципе отличается от поведения животных тем, насколько значительную роль в нем играет непредсказуемое (Лотман, 2010, с. 134);

...новизна — это результат принципиально непредсказуемых ситуаций (Там же, с. 46).

³ В настоящее время мы готовим исследование на эту тему.

⁴ Проблема различия между человеком и животными обсуждается, например, в ряде глав в книгах «Непредсказуемые механизмы культуры» (Лотман, 2010, гл. «Диалог на разных языках», «Мода — Одежда», «Мастерская непредсказуемости», «Вместо заключения») и «Культура и взрыв» (Лотман, 1992, гл. «Мыслящий тростник», «Мир собственных имен», «Дурак и сумасшедший», «Момент непредсказуемости»). О некоторых контактах Лотмана с биологами и о его интересе к биологии см. также: (Kull, 1999).

⁵ См., например: (Deacon, 1997).

Вот его более подробные высказывания на эту тему:

В этом, между прочим, принципиальная и для меня до сих пор необъяснимая разница между живыми существами, для которых наиболее ответственные моменты жизни запрограммированы, и способом поведения, присущим человеку, который может совершать неожиданные поступки, и эти неожиданные, не запрограммированные наследственно типы поведения охватывают все большую часть жизни и постепенно делаются главными. Это довольно странная вещь, если над этим задуматься.

Семиотика животных изучает такие моменты, как, скажем, половое общение, питание, воспитание; они образуют традиционные формы, и животное усваивает их, передает их. Это поведение является языком, напоминающим наш язык фольклора. Оно повторяется как одинаковое и каждый раз воссоздается заново, между тем как человек относит повторяющиеся формы поведения на второй план и выдвигает вперед непредсказуемое поведение. Неслучайно, видимо, появившийся человек казался животным сумасшедшим, и я думаю, в этом состояла причина того, что относительно слабое существо, предок человека, смогло не только выжить, но и погубить гораздо более сильных животных. Они не могли предсказывать его поведение.

Когда встречаются животные, в семиотических ситуациях, в ситуациях боя, свадьбы, драки между хищниками... они совершают гораздо больше жестов, чем реально сражаются, и с помощью жестов выясняют намерения, силу, поведение противника и отвечают, происходит очень сложный диалог, но он абсолютно ритуален, его можно очень просто описать как балет. Они совершают стабильные движения, конечно, из стабильных движений для разных ситуаций можно создать относительно большой набор, но для животного человек вел себя непредсказуемо. Как нормальному человеку очень трудно драться с сумасшедшим, так и животным, вероятно, было трудно. Животные сильно деформированы под влиянием тысячелетних контактов с человеком. Я думаю, что сейчас животные, те, которые выжили, искажены, и по ним судить о нормальном поведении животных, вероятно, очень трудно. Условное нормальное животное совершало предсказуемые жесты, человек же по своей природе ведет себя непредсказуемо (Lotman, 1990b, l. 15 – 16).

Высказывания Лотмана содержат следующий парадокс. С одной стороны, ученый считал поведение животных предсказуемым, тем самым «отказывая» им в семиозисе (а значит, исключая и способности животных к созданию нового, к интерпретации ситуации некоторым новым образом). С другой стороны, коммуникация животных составляла для него часть семиосферы.

Сегодня положение Лотмана о предсказуемости поведения животных, конечно, следует оспорить. Современные биосемиотики сходятся во мнении, что непредсказуемость и семиозис напрямую связаны (Hoffmeyer, Emmeche, 1991; Hoffmeyer, 2008). Индивидуальность присуща не только людям, но и животным (по крайней мере, если говорить о млекопитающих), если не живым существам вообще. Если же мир животных — это мир, в котором имеет место семиозис (что оправдывает существование зоосемиотики как особой дисциплины), это означает, что и животное по своей природе непредсказуемо: животные также обладают определенной свободой выбора, другое дело, что по сравнению со свободой выбора человека свобода действий животных действительно может казаться очень и очень ограниченной, минимальной.

В последние годы жизни Лотман и не отрицал того, что семиозис имеет место не только в системах, относящихся к человеческой коммуникации, но и в системах, связанных с животными. Процитируем, например, то, что Лотман писал о семиосфере в 1990-е годы:

У нас есть основание утверждать, что единичные акты семиотического характера действительно имеют место быть и что они возможны только как проявления семиотического универсума. По аналогии с биосферой наша планета окружена реальной семиосферой, синхронно включающей в себя все множество сигналов от птичьего пения до радиосигналов искусственных спутников, диахронно же – всю культурную память человечества, от «записей» нейронов в мозгу и генетической памяти до библиотек, коллекций фильмов и музеев. Каждая семиотическая система функционирует, находясь в определенных отношениях с другими системами и уровнями семиосферы. И если мы можем утверждать, что полное развитие сложной структуры характеризуется самоописанием (самоосознанием), тогда возникновение семиотики как науки в середине XX века также является фактом современной культуры, признанием того, что процесс формирования глобальной семиосферы завершился (Lotman, 1991, l. 4).

Обратим здесь особое внимание на «птичье пение» как часть семиосферы для Лотмана: получается, что семиозис существовал для него и за пределами человеческих знаковых систем. Лотман также уточнял определение понятия первичных моделирующих систем, включая в последние и биологические коды:

Семиотические структуры более простого типа называются первичными моделирующими системами: начиная с симптоматиологии (не случайно, что в XIX веке слово «семиотика» означало изучение симптомов болезней, и кафедра диагностики в Тартуском университете называлась кафедрой семиотики), а также со всех сигналов, которые кибернетика помещает на выходе из «черного ящика», и заканчивая дорожными знаками, зоосемиотикой и парасемиотикой, а также системами естественных языков (к примеру, английского, эстонского, польского, русского и т.д.) поверх этого слоя – это все живые и мертвые языки в мире (Ibid., l. 3).

Кроме того, в уже цитированном выше интервью 1990 года, рассуждая о понятии непредсказуемости, Лотман и сам напрямую говорит о включении биологии в теоретическую семиотику:

Семиотика означает две вещи. Одна вещь – это семиотика как описание, как перевод некоторой деятельности на адекватный научный язык. Вторая – понимание самого механизма. Первый аспект более формален; конечно, для ученого слово «формальный» не таит... никакого отрицательного оттенка, а второй касается в большей мере внутреннего механизма.

Применительно к биологии семиотика может повернуться двумя сторонами – как механизм описания различных коммуникаций в животном мире. Мы можем относительно хорошо описывать поведение высших животных, семиотик будет интересоваться этим поведением как формой общения. Гораздо более сложным, я думаю, будет описание поведения насекомых. Я, думаю, знаком с поведением насекомых, когда-то я этим очень интересовался и долгое время, до университета, собирался быть энтомологом. Меня до сих пор это интересует.

Животные с насекомыми (прошу прощения, если буду говорить глупости, это не моя специальность) — в этой сфере для семиотической структуры, которую мы строим, мы невольно должны использовать привычные для человека языки, например понятие «индивидуальности», поскольку семиотика включает человеческую ситуацию передачи информации от одной индивидуальности к другой или же интеллектуальные процессы, тоже связанные с индивидуальностью.

Очень трудно решить, что такое индивидуальность у насекомых и в какой мере это понятие вообще к ним применимо, особенно когда мы имеем дело с муравьями или с теми насекомыми, где нам по аналогии легче всего найти параллель с человеком. Это настолько другие языки и другие миры, что я не знаю, можем ли мы вообще переходить на этот язык. Это мнение невежды, я на нем не настаиваю, я только хотел бы быть осторожным в перенесении категорий, извлеченных из человеческой семиотики, поскольку надо еще доказать, что такие основные семиотические понятия, как индивидуальность, общение, язык, вообще применимы [к насекомым], ведь мы языки все-таки используем как знаковое общение, но возможно, существует незнаковое общение, для которого у нас нет механизмов понимания — пока что, по крайней мере.

Я оптимист и полагаю, что человек сможет очень многое понять с помощью науки, понять совершенно от природы ему не данное, но опасен путь прямых перенесений. Поэтому трудно проникнуть в сознание немлекопитающих, не высших позвоночных, не коллективных млекопитающих или хищников, а насекомых (кстати, почему не допустить общения у одноклеточных?). Как можно забыть идею Выготского об индивидуальности мира вообще, о том, что мир может быть рассмотрен как некоторое живое целое, по крайней мере — живой мир. Но это языки, которые для нас пока закрыты, и я не сторонник научно-фантастических романов. Ученый должен знать, где он ограничивает себя, а наука отличается от приятных научных фантазий тем, что она не может многое, и ученый начинает с того, что ясно понимает, чего он не может. Фантасты всё могут, все добрые пожелания им, но я к ним не принадлежу.

Таким образом, я говорил бы о семиотике млекопитающих. Это мне представляется реальностью, это другая семиотика, другой тип языка — но мы не только люди, мы и млекопитающие, и поэтому мы обладаем возможностями и этого языка. Он может быть загружен, он может быть более динамичен или менее динамичен.

Появление языка в нашем смысле слова было переворотом, может быть, трагическим, но коренным переворотом, и создало совершенно другую ситуацию. Это один аспект подхода семиотики к животным, так сказать, то, что позволяет нам проникнуть в мир семиотических констант, постоянных ситуаций и общения, которое передается по наследству. Но очень интересно и то, что сходно у животных с людьми, и вообще я думаю, что зоосемиотика должна стать частью лингвистики или лингвистика частью зоосемиотики — не будем спорить о чинах, но мне представляется, что зоолог должен быть лингвистом или же, может быть, лингвист должен быть зоологом.

Это вещи связанные, и я думаю, что семиотика, может быть, есть тот мост, который позволяет перекинуть здесь общение. [При этом] семиотика связана не только с человеческим сознанием, но и с автоматическим сознанием, с машинным сознанием. Таким образом, мы можем получить некоторый большой мост: машина — человек — животное (хотя бы высшее животное, доступное нам), и увидеть, что у них общего. Видимо, общего очень много, и только это позволит вычленивать динамику, отличия (Lotman, 1990b, l. 18–19).

Сравнивая животных и человека, Лотман характеризует коммуникацию животных как циклическую, неиндивидуальную, монологичную — но все-таки охватываемую семиотикой⁶. Он пишет:

«Разговор» животных одного и того же вида — общение на одном и том же языке. Это следует понимать в том смысле, что получатель сообщения извлекает из передаваемых ему звуков или жестов лишь то, что содержит определенный смысл — игра языком исключается (Лотман, 2010, с. 38).

С другой стороны, Лотман ясно понимает, что «монологичность» не может быть основой семиозиса:

...абстракция одного языка общения как основы семиозиса — дурная абстракция, ибо она незаметным образом искажает всю сущность механизма. Конечно, мы можем рассматривать случаи, приближающиеся к относительной идентичности передающего и принимающего механизмов, и, следовательно, общение с помощью одного-единственного канала. Однако это не генеральная модель, а частное пространство, абстрагируемое из «нормальной» полилингвальной модели (Лотман, 1992, с. 45).

Мысль о том, что порождение значения требует ситуации непереводимости, которая возможна лишь для — как минимум — двух языков, для Лотмана в 1990-е годы становится столь важной и принципиальной, что он говорит об этом в начальных главах всех трех книг, написанных в это время (Lotman, 1990a; Лотман, 1992; Лотман, 2010). Но чтобы один язык в рамках этой модели вообще оставался семиотической системой, нужно допустить, что и один язык в каком-то смысле состоит из нескольких языков.

Итак, с одной стороны, Лотман считал поведение животных предсказуемым, тем самым «отказывая» животным в семиозисе. С другой стороны, коммуникация животных составляла для него часть семиосферы, а следовательно, предполагала семиозис. Это противоречие можно объяснить тем, что Лотман не успел до конца продумать соответствующие вопросы, хотя в то время о проблемах этого рода уже писали другие исследователи (см., например, Sebeok, 1979). Если точнее, в последние годы жизни Лотман пришел к формулировке фундаментального механизма семиозиса, но, очевидно, не успел в деталях продумать вытекающие из него последствия, коренным образом меняющие семиотическую интерпретацию и понимание различий между человеком и животными. Однако несмотря на это противоречие — а может быть, отчасти и благодаря ему — работы позднего Лотмана сегодня так интересно читать.

---

⁶ Лишь в немногих случаях Лотман прямо говорит о существовании свободы выбора у животных — к примеру, в заключении к книге «Непредсказуемые механизмы культуры»: «Характерно, что даже у тех млекопитающих, у которых элементарной единицей поведения является стадо (коллектив), в период обрядов, связанных с продолжением рода, активизируется индивидуальный выбор. Сам императив выбора... поведения, который возникает в этот момент у стадных животных, а в дальнейшем у человека делается постоянным механизмом, в корне меняет всю систему» (Лотман, 2010, с. 187; цитируется по неотредактированной версии 1992 года).

Впрочем, проблема взаимоотношения цикличности и открытости, старого и нового, повтора и новизны, алгоритмичности и неалгоритмичности как аспектов семиозиса и каждого акта интерпретации является пока недостаточно разработанной и в сегодняшней семиотике.

Список литературы

- Автономова Н.С. Поздний Лотман // Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. М., 2014. С. 219–227.
- Лотман Ю.М. Люди и знаки [1969] // Вышгород. 1998. № 3. С. 133–138.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
- Лотман Ю.М. Непредсказуемые механизмы культуры [1992]. Таллинн, 2010.
- Салупере С. О метаязыке Юрия Лотмана: проблемы, контекст, источники. Тарту, 2017. (Dissertationes Semioticae Universitatis Tartuensium ; 27).
- Чернов И.А. Опыт введения в систему Ю. М. Лотмана // Лотман Ю.М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 5–13.
- Deacon T.W. The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain. N.Y., 1997.
- Hoffmeyer J. Biosemiotics: An Examination into the Signs of Life and the Life of Signs. Scranton, 2008.
- Hoffmeyer J., Emmeche C. Code duality and the semiotics of nature // On Semiotic Modeling / eds. M. Anderson, F. Merrell. Berlin, 1991. P. 117–166.
- Kull K. Towards biosemiotics with Juri Lotman // Semiotica. 1999. Vol. 127, iss. 1/4. P. 115–131.
- Kull K. A semiotic theory of life: Lotman's principles of the universe of the mind // Green Letters: Studies in Ecocriticism. 2015. Vol. 19, iss. 3. P. 255–266.
- Kull K., Lotman Y. Au sujet de la sémiotique de la vie et de l'évolution. (Entretien de Kalevi Kull avec Youri Lotman. Tartu, Juin 1992) // Slavica Occitania / éd. E. Velmezova. 2015. Vol. 40 : L'École sémiotique de Moscou-Tartu / Tartu-Moscou. Histoire. Épistémologie. Actualité. P. 165–182.
- Lotman Ju. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture / transl. A. Shukman. L., 1990a.
- Lotman Ju. "Vita aeterna" intervjuu. (Tammara, Toomas, toim.) // Vita aeterna : [рукописный журнал]. 1990б. № 5. L. 12–20.
- Lotman Ju. Eessõna eestikeelsele väljaandele // Lotman Ju. Kultuurisemiootika: Tekst – kirjandus – kultuur. Tallinn, 1991. L. 3–6.
- Sebeok Th.A. Prefigurations of art // Semiotica. 1979. Vol. 27, iss. 1/2. P. 3–73.

Об авторах

Калеви Куль, профессор, Тартуский университет, Эстония.
E-mail: kalevi.kull@ut.ee

Екатерина Вельмезова, профессор, Лозаннский университет, Швейцария.
E-mail: ekaterina.velmezova@unil.ch

Для цитирования:

Куль К., Вельмезова Е. О парадоксе «семиотики жизни»: работы последних лет Юрия Лотмана // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 6–14. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-1.

THE PARADOX OF THE 'SEMIOTICS OF LIFE':
YURI LOTMAN'S LATER WORKS

K. Kull¹, E. Velmezova²

¹ Department of Semiotics, University of Tartu, Jakobi 2, EE51014, Tartu, Estonia

² Faculté des lettres, Anthropole, Bureau 4086, Université de Lausanne,
CH-1015 Lausanne, Suisse

Submitted on May 29, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-1

In a series of interviews given in the early 1990s, Yuri Lotman contemplated the boundary between the human and the animal. Keenly interested in animals, the scholar stressed in his later work the need to include animal communication in the semiosphere. Lotman's model holds that semiosis requires at least two languages between which instances of untranslatability occur. However, he did not extend this model to animal communication. This is the apparent paradox of Lotman's later work. Lotman might not have had enough time to think these problems through, although these issues had been addressed earlier by other authors. The problem of the relationship between cyclicity and openness, the old and the new, repetitions and novelty, the algorithmicity and non-algorithmicity as aspects of semiosis and of each act of interpretations has not been sufficiently investigated. Therefore, Lotman's later work deserves attention today.

Keywords: Yuri Lotman, biosemiotics, general semiotics, animal semiosis, semiosphere, primary modelling systems.

References

Avtonomova, N.S., 2014. Pozdnij Lotman [Late Lotman]. In: N.S. Avtonomova. *Otkrytaya struktura: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov* [Open Structure: Jakobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. Moscow, pp. 219–227 (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 1998. *Lyudi i znaki* [People and signs]. In: *Vyshgorod*, 3, pp. 133–138 (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 1992. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 2010. *Nepredskazuemye mekhanizmy kul'tury* [Unpredictable culture mechanisms]. Tallinn (in Russ.).

Salupere, S., 2017. *O metazykyke Yuriya Lotmana: problemy, kontekst, istochniki* [On the metalanguage of Yuri Lotman: problems, context, sources]. Ph.D. University of Tartu (in Russ.).

Chernov, I.A., 1997. Opyt vvedeniya v sistemu Yu.M. Lotmana [Introduction experience to the system by Yu. M. Lotman]. In: Yu.M. Lotman. *O russkoi literature: Stat'i i issledovaniya (1958 – 1993)* [On Russian literature: Articles and studies (1958 – 1993)]. St. Petersburg, pp. 5–13 (in Russ.).

Deacon, T.W., 1997. *The Symbolic Species: The Co-Evolution of Language and the Brain*. New York: W.W. Norton.

Hoffmeyer, J., 2008. *Biosemiotics: An Examination into the Signs of Life and the Life of Signs*. Scranton: Scranton University Press.

Hoffmeyer, J., Emmeche, C., 1991. Code duality and the semiotics of nature. In: M. Anderson, M. Floyd, eds. *On Semiotic Modeling*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 117–166.

Kull, K., 1999. Towards biosemiotics with Juri Lotman. *Semiotica*, 127(1/4), pp. 115–131.

Kull, K., 2015. A semiotic theory of life: Lotman's principles of the universe of the mind. *Green Letters: Studies in Ecocriticism*, 19(3), pp. 255–266.

Kull, K., Lotman, Yu., 2015. Au sujet de la sémiotique de la vie et de l'évolution. (Entretien de Kalevi Kull avec Youri Lotman. Tartu, Juin 1992.) *Slavica Occitania*, 40, pp. 165–182.

Lotman, Yu., 1990a. *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*. London: Tauris.

Lotman, Ju., 1990b. "Vita aeterna" intervjuu. (Tammaru, Toomas, toim.). *Vita aeterna*, 5, pp. 12–20.

Lotman, Ju., 1991. Eessõna eestikeelsele väljaandele. In: Ju. Lotman. *Kultuurisemiootika: Tekst – kirjandus – kultuur*. Tallinn: Olion, pp. 3–6.

Sebeok, T. A., 1979. Prefigurements of art. *Semiotica*, 27(1/2), pp. 3–73.

The authors

Prof. Kalevi Kull, University of Tartu, Estonia.

E-mail: kalevi.kull@ut.ee

Prof. Ekaterina Velmezova, University of Lausanne, Switzerland.

E-mail: ekaterina.velmezova@unil.ch

To cite this article:

Kull K., Velmezova E. 2018, The paradox of the 'semiotics of life': Yuri Lotman's later works, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 6–14. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-1.

К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛА
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКЕ:
ГЛУБОКАЯ СЕМИОТИКА
КАК КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ

Г. А. Тульчинский^{1,2,3}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

³ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 29.05.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-2

Знаковые системы связаны с социальными практиками, в которых они служат средством фиксации, хранения и распространения социального опыта. Они воздействуют на сознание человека с целью изменения характера осмысления действительности, смысловой картины мира и поведения. Знаковая функция выполняется практически каждым артефактом культуры. Развитие знаковых систем породило специальные знаки, которые замечают артефакты, обозначая их. Иконические знаки делают это на основании отношения подобия, индексные знаки на основе каузального отношения, символы – на основе социальной конвенции. Язык является важнейшей системой символизации. Фактически язык является путеводителем по нормативно-ценностным системам социально-культурной практики. В работе представлена модель глубокой семиотики как смысловой структуры социального опыта, которая опредмечивается в материальной форме знака (означающем). Эта структура включает материальную форму знака, его предметное значение, социальное значение и личностный смысл (оценочное отношение и переживание). Эта структура представляет уровни и динамику процесса усвоения социального опыта, его субъективацию (распредмечивание, понимание). Одновременно модель демонстрирует объективацию (опредмечивание, воплощение) опыта. Компоненты смысловой структуры предстают также уровнями осмысления: идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием).

Ключевые слова: воплощение, герменевтика, глубокая семиотика, осмысление, смыслообразование, социальная семиотика, социальный опыт.

От экономики культурных индустрий и образовательных технологий до символической политики и информационных – постепенно, но убедительно социальная семиотика демонстрирует возможности междисциплинарной интеграции исследований широкого круга состояний и динамики социально-культурной действительности (Кошелев, 1994; Halliday, 1978; Leeuwen, 2005; Randviir, 2004; Press, 1991). В этой связи

хотелось бы обратить внимание на возможные перспективные расширения ее концептуального аппарата. Речь идет о систематизации смысловой структуры социального опыта, воспроизводимого и транслируемого с помощью знаковых систем.

Животное распознает мир через генетическое *apriori*. Генетический «код» делает мир «его миром». Человек — не просто социальное существо. Он вырвался из зависимости от природных условий, обрел способность приспособления к среде не за счет эволюции *homo sapiens* как вида, а за счет «эволюции» самой системы стимулов и детерминаций своей жизнедеятельности посредством вспомогательной системы таких детерминаций.

В узелке на память, в пирамиде, в книге, в дискете, в техническом инструменте, в научном приборе проявляется то глубинное и существенное, что отличает регуляцию деятельности и сознания человека как существа исторического. Если опыт исторического человека рассматривать как специфический вид памяти, то особенность такой «памяти» отнюдь не в объемных характеристиках, а в качественно ином ее характере. От непосредственных запоминаний и удерживаний впечатлений человек переходит к опосредованным с помощью социальных средств, позволяющих ему регулировать и направлять свою память и опыт. Причем делается это в историческом развитии все более осознанно, целенаправленно и дифференцированно. С этой точки зрения, любое средство, предмет и продукт социальной жизнедеятельности выступает средством распредмечивания опредмеченного в нем социального опыта, регуляции этого опыта.

Будучи связанными с определенными программами социально-практической деятельности, любые элементы культуры носят знаковый характер. Вещи, поступки, явления природы в контексте определенных культур обладают семиотичностью не меньшей, чем языковые тексты. Национальный костюм, постройки и утварь (в принципе — любая вещь) обладают целым спектром значений (функций), определяемых видом деятельности, в котором они фигурируют (Богатырёв, 1971). Словесный текст является лишь частным случаем реализации модели мира наряду с другими знаковыми системами: жилищами, орудиями труда, бытовыми предметами и т. д. Каждая вещь существует, указывая на другие вещи, с которыми она находится в реальном взаимодействии, и чем шире круг этих взаимодействий, тем она осмысленнее.

Предметы и явления действительности становятся знаками, когда они используются как средства распредмечивания опредмеченного в них социального опыта, то есть как средства осмысления действительности. Знаком оказывается «всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением — чужим или собственным» (Выготский, 1960, с. 111–112). Значения знаков суть социально-практическая деятельность. Поэтому, когда мы говорим о детерминации осмысления действительности, то имеем в виду регулирующую роль самой социальной практики. Ее средства (орудия и предметы) выполняют свою знаковую функцию, распредмечивая

опредмеченное в них значение: либо собственное, либо несобственное — как это имеет место в случае с языковыми знаками, сквозь которые «просвечивают» другие значения.

Знаки, будучи связанными с программами социальной деятельности служат средством фиксации, хранения и распространения социального опыта. Своим объектом воздействия они имеют сознание человека, а целью — изменение характера осмысления действительности, смысловой картины мира и поведения.

Передача социального опыта осуществляется прежде всего путем прямого вовлечения в совместную деятельность. Поэтому первичными знаками выступали (и выступают сейчас в процессе индивидуального развития) непосредственно орудия и предметы социальной практики. Особую роль при этом играют орудия труда. Неосознанно выработанные, также неосознанно, путем подражания, передаваемые от одного индивида к другому, трудовые операции, опредмеченные в орудиях труда, были сначала эквивалентом знака, то есть способом социального воздействия на индивидуальное поведение. Точнее, орудия труда были и есть не эквиваленты знаков, а собственно первичные знаки, имеющие собственное предметное значение. Однако по мере усложнения и дифференциации общественной практики все меньше остается возможностей для непосредственной передачи социального опыта. Возникает необходимость в объектах-заместителях. Появляются знаки, по которым судят о других, находящихся с ними в причинной связи: жесты, признаки и т.п. Кроме этих — индексных — знаков начинают использоваться также знаки иконические, не имеющие реальной связи с обозначаемым, но внешне подобные им: рисунки, схемы, подражательные звуки.

Следует подчеркнуть, что изначально индексные и иконические знаки предназначались не только и не столько для целей коммуникации, сколько для целей познания и практического освоения мира. Даже в таких формах, как магические. С индексными и иконическими знаками связаны соответствующие основные виды магии: контагиозная и гомеопатическая. Первая апеллирует к отношениям части и целого, причины и следствия. Например, когда пытаются, воздействуя на часть предмета или тела (осколок, ноготь, волос, пища), добиться определенных целей относительно самого предмета. Вторая апеллирует к отношению подобия, когда манипуляции с изображением, рисунком, фотографией предполагают воздействие на изображаемый предмет. В принципе эти фундаментальные отношения сохраняются и в современной науке. Так, прямым аналогом контагиозной магии является эксперимент, а моделирование — прямой аналог магии гомеопатической.

Полный разрыв замещаемого и замещающего происходит в языке, где эти стороны знака становятся «независимыми». Обусловлено это тем, что языковые знаки являются знаками вторичными, знаками знаков. Их функция состоит в передаче социального опыта без непосредственного обращения к средствам практики, уже осмысленным в деятельностином контексте. За время исторического развития цивилизации языковые средства прошли радикальное развитие от языка жестов и звуковой речи через письменность и печать к современным электронным средствам языковой коммуникации.

Любой язык — русский, английский, японский — задает *a priori* личности, формируя код, делающий мир «моим миром». И этот мир всегда — русский, японский, китайский... Язык как «путеводитель по культуре» выполняет программирование личности конкретной культурой. Платон, Аристотель, Гегель, Хайдеггер, Витгенштейн — великие исследователи этой возможности языка¹.

Однако редукция знака к языковому знаку вряд ли является корректной. Она обусловлена большей явностью, эксплицитностью соотношения означающего и означаемого в языке по сравнению с другими знаковыми системами. Эксплицитность эта предопределена несобственностью значения языковых знаков. Поэтому в определенном плане осмысление природы языкового знака является ключом к знаковому анализу в других сферах практики. Этим объясняется и феномен большей изученности языковых знаковых систем по сравнению с другими.

Таким образом, предметное поле социальной семиотики образуют следующие виды знаков и знаковых систем:

- первичные знаки — сами предметы и инструменты социально-культурной деятельности, имеющие собственное значение, когда означающее и означаемое совпадают;
- знаки с несобственным значением, в которых означающее и означаемое не совпадают;
- индексы, когда означающее находится в причинно-следственной связи с означаемым;
- иконы, находящиеся с означаемым в отношении подобия;
- символы, не имеющие никаких «естественных» отношений со своими значениями, когда связь означающего и означаемого чисто конвенциональна, задается некоей культурной традицией.

Ч.У. Моррис был не так уж далек от истины, когда утверждал, что «понятие знака может оказаться таким же фундаментальным для науки о человеке, как понятие атома для физики, химии, а понятие клетки для биологии» (Morris, 1938, p. 42). Эта роль знака заключается в его посредующей роли в освоении и осмыслении человеком действительности: «детерминация со стороны смыслов и значений... составляет специфическую детерминацию человеческого бытия» (Какабадзе, 1985, с. 300). Знаковые механизмы, средства и детерминации познания и осмысления являются выражением и результатом конкретной динамики социальных и личностных факторов развития человеческого познания и опыта. Поэтому простое различие в знаковой структуре означающего и означаемого — а именно на этом останавливаются адепты постструктурализма — нуждается при всей своей эвристичности в дальнейшей детализации и уточнении.

В предыдущих работах был экстрактирован инвариант идей Г. Фреге, Б. Паскаля, Ф. де Соссюра, В. Гумбольдта, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, А.Н. Леонтьева и других относительно содержания смысловой структуры и уровней осмысления (Тульчинский, 1985, с. 108–127; Тульчинский, 1986; Тульчинский, 2001; Тульчинский, 2006). Исходным является различие в любом элементе культуры, рассматриваемом как знак, двух сторон: означаемого, то есть содержания той деятельности,

¹ В русской культуре к такой работе подступил в свое время К. Аксаков.

того опыта, с которым связан и к которому отсылает данный знак, а также означающего — собственно материальной формы знака, с помощью которой он выполняет свою знаковую функцию. Такой формой может быть материал, из которого изготовлен предмет, пятна краски, звук, телодвижения, электромагнитная запись и т. д.

В структуре означаемого, в свою очередь, можно вычленить два основных компонента: во-первых, социальное значение — собственно социально-культурную программу, некий культурный инвариант — и, во-вторых, личный смысл, значение этого социального значения для конкретной личности.

Вспользуемся метафорой, предложенной в несколько другом контексте П. А. Флоренским. Соотношение материальной формы знака, социального значения и личного смысла подобно соотношению в двух треугольниках, образованных от пересечения двух прямых (рис. 1).

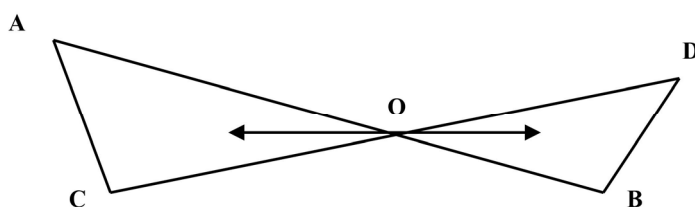

Рис. 1. Соотношение материальной формы, социального значения и личного смысла

Эти два треугольника имеют общую вершину и общий угол при этой вершине. Все остальные параметры (конфигурация, площадь и т. д.) у этих треугольников могут быть самыми разными. Личностный смысл подобен этим треугольникам. Люди общаются ради смыслов. Но возможно это только при двух условиях: наличии материальной формы знака (общей вершины) и инварианта социального осмысления — социального значения (общей величины угла при общей вершине). Например, слово «лето» у каждого вызовет свой поток ассоциаций (личный смысл): у кого-то это будет отдых на море, у кого-то — лес, грибы, ягоды, а у кого-то — огород, огород, огород... Но все понимают, что речь идет о некоем словарном инварианте социального значения, самом теплом времени года в северном полушарии.

В социальном значении можно вычленить также два аспекта: предметное значение (предметное содержание опыта) и функциональное социальное значение (собственно технологическое содержание программы деятельности). В принципе различие предметного и функционального социального значения соответствует различию объема и содержания понятия — эти логические характеристики являются точным концептуальным выражением данного различия. В общем случае предметное социальное значение может быть собственным, отсылать к материальной форме знака (например, стол имеет самого себя в качестве предметного значения), и несобственным (например, слово «стол»). Языковые знаки в своем обычном употреблении имеют несобственные предметные значения.

В личностном смысле также можно вычленить два аспекта: оценочное отношение личности к данному значению и переживание этого отношения, непосредственный опыт ощущений и восприятий. Эту систематизацию можно представить в виде схемы (рис. 2).

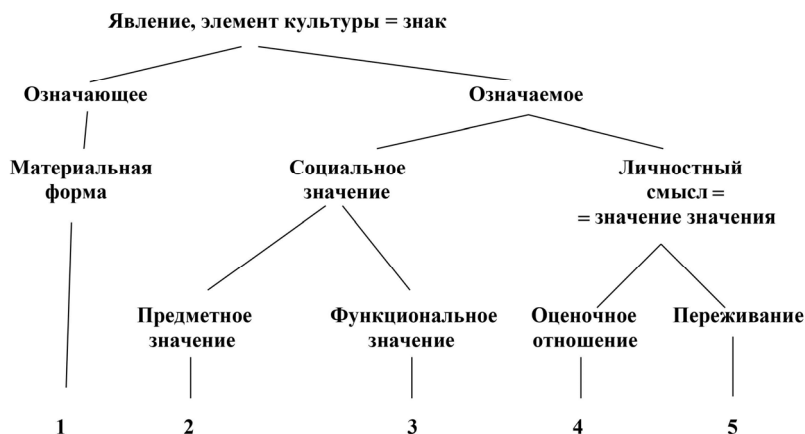

Рис. 2. Смысловая структура социального опыта

Эти компоненты могут быть выстроены в структуру, подобную детской «матрешке» (рис. 3).

Прохождение этого ряда сверху вниз демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию (распредмечивание, понимание), прохождение же этого ряда снизу вверх — объективацию (опредмечивание, воплощение) опыта.

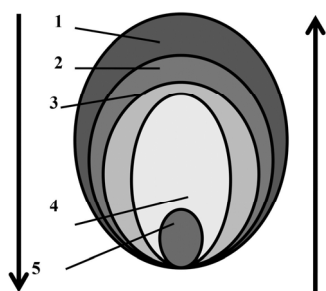

Рис. 3. Определенное и распредмечивание смыслового содержания социального опыта

Компоненты смысловой структуры предстают также уровнями осмысления: идентификацией, референцией, интерпретацией, оценкой и эмпатией (сопереживанием, вчувствованием).

Центральную роль в смысловой структуре и в осмыслении играет функциональное социальное значение, которое задается соответствующими видами нормативно-ценностных систем культуры: функционально-операционными, научно-техническими, художественными и идеологическими.

Каждый из видов нормативно-ценностных систем задает соответствующие блоки осмысления (интерпретации): функционализацию, конструктивизацию, «стилизация» (дизайн) и символизацию (Тульчинский, 1987). Один и тот же элемент культуры может иметь функционально инвариантные смысловые характеристики (например, топор должен состоять из топорика и топора с лезвием и обухом), мо-

жет иметь различные конструктивные исполнения (топор может быть металлический, каменный и т. д.), выполняться в различном стиле и иметь различные символические характеристики (например, обусловленные использованием в ритуалах).

Социальные значения не сводимы ни к собственно предмету или обозначаемому другому предмету, ни к ментальному образу этого предмета. Они — и здесь ведущую роль играют функциональные смысловые социальные значения — суть характеристики способов деятельности с данной вещью, система связей и функций предмета. Эта система и воссоздается в процессе и в результате осмысления, которое, по сути дела, есть процесс создания и воссоздания программ социально-практической деятельности, выявления и осознания идеи «сделанности» предмета. Причем сам предмет выступает как единство значения и его воплощения.

Выделенные аспекты фактически подчеркивают единую деятельностную природу смыслового содержания опыта: предмет деятельности (предметное значение), способ деятельности (функциональное смысловое значение), отношение к этой деятельности (оценка) и ее переживание. «Повторяются, возвращаются не смысловые аспекты в их предметности (то есть отвлеченные от личностной активности), а моменты живого ощущения деятельности, активности. Деятельность не теряет себя в предмете, а снова и снова чувствует единство в себе самой, в напряжении души и тела» (Бахтин, 1975, с. 64). Такое единство есть единство личностного переживания деятельности. Причем особую роль в сохранении и возврате чувства единства деятельности играет ритм, имеющий значение в организации трудового процесса, поэтической речи, в изобразительном, пластическом искусстве. Очевидно, можно говорить о фундаментальной смыслообразующей функции повторов — именно с их помощью закрепляются нейронные сети, формируя память, которая, в свою очередь, почти эвфемизм сознания, вмещаема.

Смысловое содержание социального опыта предстает, таким образом, как целостная система, элементы которой — материальная форма знака, социальное значение (включающее предметное и смысловое значения) и личностный смысл (включая оценочно-эмоциональное отношение и переживание) — суть уровни осмысления. Прохождение компонентов смысловой структуры от материальной формы (ее идентификации в восприятии) через социальное значение вплоть до глубин личностного смысла предстает как поэтапное погружение в смысловое содержание опыта. Обратное прохождение этих уровней дает представление о поэтапном воплощении, опредмечивании и объективации социального опыта.

Личностный смысл не просто наслаивается на социальное значение, выражая индивидуальное отношение к надиндивидуальному значению (Леонтьев, 2003). Содержанием как оценки, так и переживания являются оба основных компонента социального значения (предметный и смысловой) как ценностное отношение к деятельности и ее

предмету, а также как переживание этой деятельности. Поэтому точнее будет сказать, что систематизация смысловых компонентов может быть представлена в различных моделях — в зависимости от целей анализа. С позиций анализа уровней опредмечивания и распределенного социального опыта достаточна упомянутая модель. С позиций теоретико-познавательного и логико-семантического анализа центральным звеном является предметное значение, на которое наслаиваются смысловое значение и компоненты личностного смысла. С позиций психологического анализа центральным моментом становятся феномены и диспозиции сознания — компоненты личностного смысла, рассмотрение которых приводит к выявлению в них деятельностно-предметного содержания.

Обычно выделяются две семиотические традиции: одна восходит к американскому прагматизму Ч. Пирса и Ч. Морриса (семиотика), вторая — к Ф. де Соссюру и французскому структурализму (семиология). Думается, однако, что можно говорить и о третьей традиции, восходящей к В. Гумбольдту, В. Вундту, А. Фосслеру, А. Марти, продолженной в работах А.А. Потебни, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, Н.М. и М.М. Бахтиных, Л.С. Выготского, А.Н., А.А. и Д.А. Леонтьевых, подчеркивавших особую роль личности в формировании и развитии знаковых систем и смысловых структур.

Личность не только и не столько пассивный реципиент «вращения» смысловых структур. Смысл принципиально суть порождение конечной системы, каковой является человек, стремящейся постичь бесконечное разнообразие мира и вынужденной делать это всегда с какой-то позиции, точки зрения, ракурса — в каком-то смысле. Вне человека, наделенного сознанием, смыслы не существуют. Именно личностные переживания, их эмоционально-оценочная окраска — первичная среда смыслообразования и осмысления (Анкерсмит, 2003; Анкерсмит, 2014). Р. Инглхарт подчеркивает, что эмоции первичны по отношению к рационально-когнитивным факторам, которые представляют собой позднюю рационализацию эмоционально окрашенных переживаний и реакций (Инглхарт, 2018).

Поэтому для социальной семиотики важен учет именно всей полноты компонентов смыслового содержания опыта, он значим и при анализе эффективности социальной коммуникации, особенностей осмысления действительности в научном познании и в искусстве, политической деятельности и юриспруденции, в различных формах религиозности. Смысловая структура предстает как бы направленной вглубь ее содержания, выражая соотношение социального и индивидуального в динамике реализации опредмеченного социального опыта и осмысления. Очевидны и источники трудностей некоторых концепций и подходов, связанные с абсолютизацией акцента на отдельных компонентах смысловой структуры. Если общесемиотические и аналитические построения связаны с акцентированием материальной формы и предметных значений, то феноменология и герменевтика в духе философии жизни акцентируют роль неповторимых феноменов индиви-

дуального сознания. Обе крайности совпадают в главном — они в частностях ищут целое, тогда как конкретное живое осмысление предполагает актуализацию полной смысловой структуры опыта. Нет проблемы выбора между интуитивизмом, растворяющим смысл и осмысление в индивидуальной психике, и трансцендентализмом, превращающим смысл в самодовлеющую сущность. Скорее имеются два полюса — предметно-вещный и индивидуально-феноменологический, между которыми реализуется процесс опредмечивания социального опыта.

В некотором смысле такой подход аналогичен переходу в физике от кинематики, прослеживающей траектории движения, к динамике, рассматривающей силы, порождающие это движение. Поэтому такой подход можно было бы назвать «семиодинамикой». Однако использование такого термина требует дополнительных уточнений и обобщений. Скорее такой подход можно обозначить как «глубокую семиотику» («deep semiotics»). Этот термин напоминает «deep play», используемый И. Бенгемом в его «Theory of legislation», когда он говорит о процессе порождения законодательства (Bentham, 1896). Однако предлагаемая концепция «глубокой семиотики» не зависит от бенгемовской интуиции, хотя совпадение может оказаться интересным и перспективным в анализе соотношения нарративов и перформативов.

Предпосылки и ряд идей, важных для развития глубокой семиотики, содержатся в работах вышеупомянутых авторов, с которыми может быть связана прерванная традиция теории и философии знаковых систем, дополняющая традиционную семиотику и семиологию именно в направлении социальной семиотики как аппарата анализа социально-культурной реальности, факторов поведения человека в этом контексте.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

- Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003.
- Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М., 2014.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М., 1975.
- Богатырёв П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960.
- Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., 2018.
- Какабадзе З.М. Проблема человеческого бытия. Тбилиси, 1985.
- Кошелев А.Д. (ред.). Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла. М., 2003.
- Тульчинский Г.Л. В каком смысле возможна теория смысла // Философские основания научной теории. Новосибирск, 1985. С. 108–127.

- Тулчинский Г.Л. Нормативно-ценностная природа осмысления действительности. Л., 1987.
- Тулчинский Г.Л. Проблема осмысления действительности. Л., 1986.
- Тулчинский Г.Л. Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. Lewiston; Queenston; Lampeter, 2001.
- Тулчинский Г.Л. Тело свободы. СПб., 2006.
- Bentham J. Theory of Legislation [1802]. L., 1896.
- Halliday, M. A. K. Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning. Maryland, 1978.
- Leeuwen T. van. Introducing Social Semiotics. N. Y., 2005.
- Morris Ch. W. Foundation of the Theory of Signs. Chicago, 1938.
- Press Thibault P. J. Social semiotics as praxis: Text, social meaning making, and Nabokov's *Ada*. Minneapolis, 1991.
- Randoiir A. Mapping the World: Towards a Sociosemiotic Approach to Culture. Tartu, 2004.

Об авторе

Григорий Львович Тулчинский, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тулчинский Г.Л. К проблеме смысла в социальной семиотике: глубокая семиотика как концептуальное расширение социальной семиотики // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 15 – 26. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-2.

THE PROBLEM OF MEANING IN SOCIAL SEMIOTICS: DEEP SEMIOTICS AS A CONCEPTUAL EXTENSION OF SOCIAL SEMIOTICS

G. L. Tulchinskiy^{1,2,3}

¹ St. Petersburg State Economic University
21, Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia

² Higher School of Economics' National Research University
16, Soyuza Pechatnikov St., St. Petersburg, 190008, Russia

³ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russia

Submitted on May 29, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-2

Semiotic systems are closely associated with social practices, within which the former record, store, and disseminate social experience. These systems affect the human consciousness to change the semantic picture of the world, behaviour, and the way one perceives reality. Almost all cultural artefacts perform the function of a sign. As a semiotic system develops,

special signs emerge to replace the artefacts by denoting them. Iconic signs are based upon resemblance, index signs upon a causal relationship, and symbols on social conventions. Language is the most important system of symbolisation. Indeed, language serves as a guide to the systems of rules, values, and socio-cultural practices. In this paper, I present a model of deep semiotics, which is interpreted as a semantic structure of social experience objectified into a sign. This structure includes the material form, the referential meaning, and the personal meaning (attitudes and experiences) of the sign. This model describes the levels and dynamics of the assimilation and subjectification (de-objectification, understanding) of social experience. At the same time, the model demonstrates the objectification of experience. The components of the semantic structure represent the levels of understanding – identification, referencing, interpretation, evaluation, and empathy.

Keywords: understanding, deep semiotics, hermeneutics, meaning formation, objectification, social semiotics, social experience.

References

- Ankersmit, F., 2003. *Narrativnaya logika. Semanticheskii analiz yazyka istorikov* [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians]. Moscow (in Russ.).
- Ankersmit, F., 2014. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i tsennosti* [Aesthetic policy. Political philosophy on the other side of fact and value]. Moscow (in Russ.).
- Bakhtin, M.M., 1975. *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics: Studies of different years]. Moscow (in Russ.).
- Bogatyrev, P.G., 1971. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Questions of the theory of folk art]. Moscow (in Russ.).
- Vygotskii, L.S., 1960. *Razvitie vysshikh psikhicheskikh funktsii* [The development of higher mental functions]. Moscow (in Russ.).
- Inglehart, R., 2018. *Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural evolution. How human motivation changes and how it changes the world]. Moscow (in Russ.).
- Kakabadze, Z.M., 1985. *Problema chelovecheskogo bytiya* [The problem of human existence]. Tbilisi (in Russ.).
- Koshelev, A.D., ed., 1994. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartus-Moscow Semiotic School]. Moscow (in Russ.).
- Leontyev, D.A., 2003. *Psikhologiya smysla* [Psychology of meaning]. Moscow (in Russ.).
- Tul'chinskii, G.L., 1985. In what sense is the theory of meaning possible. In: V.V. Tselishchev, V.N. Karpovich, eds. *Filosofskie osnovaniya nauchnoi teorii* [Philosophical foundations of scientific theory]. Novosibirsk, pp. 108–127 (in Russ.).
- Tul'chinskii, G.L., 1987. *Normativno-tsennostnaya priroda osmysleniya deistvoitel'nosti* [The normative value nature of the understanding of reality]. Leningrad (in Russ.).
- Tul'chinskii, G.L., 1986. *Problema osmysleniya deistvoitel'nosti* [Problem understanding of reality]. Leningrad (in Russ.).
- Tul'chinskii, G.L., 2001. Freedom and meaning. A new shift in the humanitarian paradigm. In: *Rossiiskie issledovaniya v gumanitarnykh naukakh* [Russian studies in the humanities]. Vol. 16. Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press (in Russ.).
- Tul'chinskii, G.L., 2006. *Telo svobody* [Body freedom]. St. Petersburg (in Russ.).
- Bentham, J., 1896. *Theory of Legislation*. London.

Halliday, M. A. K., 1978. *Language as social semiotics: The social interpretation of language and meaning*. Maryland: University Park Press.

Leeuwen, T., 2005. *Introducing Social Semiotics*. New York: Routledge.

Morris, Ch. W., 1938. *Foundation of the Theory of Signs*. Chicago: The University of Chicago Press.

Thibault, P. J., 1991. *Social semiotics as praxis: Text, social meaning making, and Nabokov's Ada*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Randviir, A., 2004. *Mapping the World: Towards a Sociosemiotic Approach to Culture*. Tartu: Tartu University.

The author

Prof. Grigoriy L. Tulchinskiy, Saint Petersburg State University; 'Higher School of Economics' National Research University, Saint Petersburg; Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskiy G. L. 2018, The problem of meaning in Social Semiotics: deep semiotics as a conceptual extension of Social Semiotics, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 15–26. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-2.

**К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕМИОТИКЕ:
МАКС ВЕБЕР СЕГОДНЯ**

С. Т. Золян^{1,2}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Институт философии, социологии и права НАН Армении
Армения, 375010, Ереван, ул. Арами, 44
Поступила в редакцию 05.08.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-3

Деятельность человека основана на постоянном процессе создания, передачи и трансформации смыслов и текстов. Разнообразные формы представления этой деятельности (культура, история, литература, искусство, политика, право и т. д.) можно рассматривать как семантические ансамбли, состоящие из значимых действий. Понятие «смысл» имеет основополагающее значение не только в лингвистике и семиотике, но и в «понимающей» социологии Макса Вебера: предметом социологии является понимание «смысла поведения». Основываясь на его определениях и их возможной модификации, мы предлагаем трансдисциплинарный синтез относительно изучения проблемы значений и их манифестации. Порождение смысла понимается как результат соположения лингвистических и внеязыковых систем в процессе социального взаимодействия и коммуникации. Это позволяет преобразовать акциональные (поведенческие) смыслы в лингвистические значения, и наоборот.

Ключевые слова: *смысл, социальная семиотика, Макс Вебер, поведение, субъективные и объективные смыслы.*

1

1.1. Человеческая деятельность основана на таких ценностях, как смысл и значение. Деятельность и действительность (а также все формы их проявления и репрезентации – культура, история, литература, искусство, политика, право и т. п.) могут быть рассмотрены как смысловые ансамбли. Вопросы смысла в той или иной форме являются объектом изучения как всего комплекса гуманитарного знания в целом, так и отдельных гуманитарных дисциплин. Но вместе с тем каждая из этих дисциплин подходит к проблеме смысла со своих позиций, используя собственный методологический инструментарий, который, как правило, остается без возможности приложения в смежных областях гуманитарного знания. Поэтому остается недостаточно проясненным вопрос, а что же объединяет эти столь различные «смыслы смысла», или «значения значения» (в первую очередь это различие между пониманием смысла как сущности, функции, цели некоторого объекта или явления, и смысла как семиотической характеристики знака или текста). Более того, само наличие этой объединяющей сферы еще требует обоснова-

ния. В этом отношении одним из трансдисциплинарных мостов может стать социальная семиотика. Представим возможные методологические основания для подобного подхода.

1.2. Если воспользоваться определением социологии Вебера — Лумана (см. ниже), то можно увидеть основы трансдисциплинарного симбиоза вокруг изучения проблемы смыслов и их манифестации: предмет социологии — изучение самой системы «конституирования смыслов» и ее механизмов, тогда как изучение смыслов и их конституирования станет уделом лингвистической семантики, семиотики культуры и социальной семиотики. Разумеется, здесь требуется как дифференциация, так и учет того, что между этими дисциплинами будет множество пересекающихся исследовательских сфер. В данном случае может оказаться плодотворной лотмановская концепция семиосферы, предполагающая взаимодействие и пересечение различных подобластей и языков (см.: Лотман, 1984). Исходным может стать положение о семиотическом компоненте как необходимой составляющей человеческой деятельности: «Сигнификативная структура (связанная с активным употреблением знаков)», является «общим законом построения высших форм поведения» (Выготский, 1999, с. 125). При этом очевидно, что из всех семиотических систем, на основе которых осуществляется деятельность и коммуникация, языку принадлежит особое место. Помимо наиболее явной функции средства коммуникации язык является важнейшим компонентом личной и коллективной идентичности, он имеет огромное символическое значение во всех социальных и культурных процессах, а также создает основу для социальной солидарности и взаимопонимания внутри общества. По меткому выражению Майкла Халлидея, язык и есть социальная семиотика, в которой общество описывает себя и конституирующие его смыслы (*constitutive meanings*) (Hallyday, 1978, p. 2). Это несомненно, находит свой отклик в теории автореферентных (самоописывающих) систем Н. Лумана: общество рассматривается как система, конституирующая смыслы. Раскрыть этот потенциал языка и коммуникации можно будет только рассматривая проблему комплексно и в трансдисциплинарном ключе. И наоборот — без лингво-семиотического инструментария процессы формирования и передачи смысла в социуме оказываются без должной экспликации.

В этом отношении особо значимым представляется рассмотрение возможностей синтеза лингво-семиотического понимания смысла, основанного на операциях над знаками и знаковыми системами, с тем пониманием, которое характерно для социологии. Социальная семиотика, в особенности в ее мультимодальной версии, представляется той дисциплиной, в которой социальная и лингвистическая теория должны дополнять друг друга. Однако в социальной же семиотике связь с теоретической социологией практически отсутствует; заявленные исследовательские декларации¹ в большинстве своем остались лишь благим

---

¹ Ср.: «То же самое относится к термину “социальная” в социальной семиотике. Он может стать самим собой только тогда, когда социальная семиотика будет полностью связана с социальной теорией. Такая междисциплинарность является абсолютно необходимой характеристикой социальной семиотики» (Leeuwen, 2005, p. 2).

пожеланием, а сама она свелась к изучению кейсов. Возможной причиной была неразработанность именно ключевого вопроса соотношения между языковыми и социальными смыслами. Именно этот вопрос станет предметом нашего рассмотрения: будет предложена возможная лингвистическая интерпретация веберовского понимания смысла как основания социально интерпретируемого действия². Определив «социальное действие» как такое, смысл которого направлен и ориентирован на *другого*, Вебер, по сути, ввел понятие коммуникации: межличностное взаимодействие предполагает передачу некоторого смысла. Можно продолжить: следовательно, модели коммуникации и модели социального (взаимо)действия могут быть сведены друг к другу. Например, рассмотреть возникающие при коммуникации процессы трансформации и генерации смысла. И если применительно к языковому поведению уже имеются глубоко разработанные теории, описывающие его как социальное поведение (теории перформативов Остина, речевых актов Сёрля, максим и имплицатур Грайса), то обратное — описание социальных действий как семиотических операций — все еще остается в стадии становления и может стать основой новой версии социальной семиотики³.

2

2.1. Понятие «смысла» является основополагающим в социологической теории Макса Вебера, а сам предмет социологии определяется им как *истолкование и понимание* «социального действия», то есть приписывание поведению некоторой осмысленной интерпретации:

Социология... есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие. «Действием» мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится к невмешательству или терпеливому принятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*. «Социальным» мы называем

---

² Другим перспективным направлением, при котором возможен синтез социальной и лингвосомиотической теории, но с опорой на языковые структуры и правила их употребления, в философии языка является теория перформативов и речевых актов Джона Остина и затем Джона Сёрля, в особенности разработанная последним в дальнейшем теория институциональных фактов (Searle, 1995). Само употребление языка справедливо рассматривается как социальное действие, а возникающие социальные институты и нормы описываются как семиотические объекты. Однако применительно к рассматриваемой проблеме все эти аспекты могут быть оставлены без внимания, поскольку в данном случае направление анализа оказывается противоположным: в теории Остина — Сёрля требуется определить языковой акт в терминах социального действия, тогда как в нашем случае мы пытаемся найти лингвистический коррелят для социализированных поведенческих актов, в том числе и невербальных.

³ Контуры подобной, к сожалению, не до конца доведенной версии социальной семиотики были обрисованы в работах представителей Московско-тартуской школы (Ю. Лотман, А. Пятигорский, Б. Успенский, И. Чернов и др.); подробнее см.: (Золян, 2017).

такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него (Вебер, 1990, с. 602–603).

«Мотивом» называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия (Вебер, 1990, с. 611).

Крайне важным считаем то положение, что, по Веберу, в объяснении поведения смысл предшествует действию — нечто становится действием только потому, что с ним связывается определенный смысл. Как видим, первичным оказывается не нечто наблюдаемое (действие), а смысл, который с ним связывают действующие индивиды. Однако возникает вопрос — откуда индивид черпает эти смыслы? Говоря о смыслах, смысловых связях и единствах, классик социологии, видимо, считал это само собой разумеющимся и не утруждал себя определениями того, что есть смысл и как он возникает. Смысл — это то, с чем агент действия связывает свое действие и что обусловлено *мотивом* — некоторым *смысловым единством*, что, очевидно, также должно быть рассмотрено как смысл, но более высокого уровня — как смысл-комплекс, объединяющий отдельные ситуации на основе некоторой смысловой *связи*. Последнее же выделяется как то, что соотносит это единство (мотив) с субъективным смыслом действия. Очевидна тавтологичность подобных определений, но она же есть свидетельство рекурсивности *смысла поведения* — осмысленность *смысла поведения* определяется относительно некоторого единства и некоторой связи, но эти мотивы и связи выводятся («объясняются») наблюдателем на основании *доступного непосредственному пониманию действия*. Но при этом это *смысловое единство* предшествует самому действию — и логически, поскольку именно оно наделяет нечто субъективным смыслом и тем самым делает его действием, и каузально — поскольку оно представляется причиной действия, и, видимо, предшествует и хронологически — причина должна существовать до следствия. Забегая вперед, заметим, что представляется возможным дополнить схему Вебера введенным уже Луманом механизмом повторного вхождения одного и того же элемента (Луман, 2004, с. 45–62), при котором оно может менять смысл. *Доступное непосредственному пониманию действие* обречено изменить свой смысл при соотнесении с опосредующими его мотивами, при которых неизбежно изменятся конституирующие его связи (так, один и тот же сам по себе лишенный значения жест — махать рукой — становится действием, уже будучи связан с некоторой ситуацией, в которой ему может быть приписан смысл — «прощаться», «выражать свое эмоциональное состояние», «выражать уважение» или же «пытаться остановить поезд», «запретить нечто». Непосредственное действие — «махание рукой» — в последующих описаниях будет заменено его смысловым коррелятом). Однако таким неявным образом в схему Вебера проникают знаковые отношения, которые будут усложняться при переходе от простейших поведенческих актов к сложным структурам⁴.

⁴ Ср.: «Согласно нашему определению, всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением — чужим или собственным, — есть знак» (Выготский, 1983, с. 77).

Нет никаких резонов считать, что под смыслом поведения Вебер понимал некоторый семиотический объект, соотносящий «означающее» («действие») и означаемое (скажем, *каузальное объяснение его процесса и воздействия*). Однако нет и никаких методологических препятствий для такой лингвосомиотической экспликации. В этом случае «субъективный смысл» может быть отождествлен со смыслом лингвистического выражения, посредством которого может быть описано действие агента применительно к некоторому тексту (мотиву) и логико-лингвистических средств связи данного выражения с выражениями текста. Заметим, что языковые смыслы — видимо, ввиду их очевидности — не замечаются Вебером. С этой точки зрения крайне любопытно, что, приводя дисциплины, изучающие смысл, Вебер не упоминает... лингвистику:

Слово «смысл» имеет здесь два значения. Он может быть: а) смыслом, действительно субъективно предполагаемым действующим лицом в данной исторической ситуации, или приближенным, средним смыслом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным чистым типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации. Здесь вообще не идет речь о каком-либо объективно «правильном» или метафизически постигнутом «истинном» смысле. Этим эмпирические науки о действии — социология и история — отличаются от всех догматических наук — юриспруденции, логики, этики, — которые стремятся обнаружить в своих объектах «правильный», «значимый» смысл (Вебер, 1990, с. 603).

В самом деле, лингвистическое понимание смысла есть некоторое знаковое отношение *замещения* знаком физического или мыслимого объекта, тогда как для Вебера это некоторое *каузальное* отношение между действием и его мотивом — *смысловым единством*. Языковые смыслы не вмещаются в дихотомию *субъективное — объективное*⁵. Они, с одной стороны, вполне могут быть определены как «конструированный чистый тип смысла, субъективно предполагаемый гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации» (Вебер, 1990, с. 603), — мы опустили слово «теоретически», но и оно может быть восстановлено, поскольку любое семантическое описание языковых смыслов уже основано на некоторой теоретической модели⁶. С другой стороны, языковый смысл в процессе оперирования ими вполне может быть определен и как субъективный — то есть быть *приближенный, средний смысл, субъективно предполагаемый действующими ли-*

⁵ Ср.: «Уже Гумбольдт в своем тонком анализе разрабатывал как объективный, так и субъективный характер языка. Согласно этому, говорящий должен выбирать объективную форму и отказываться от своей собственности на произнесенное слово, следствием чего является то, что в языковой коммуникации никто из ее участников как раз и не думает о том, что думает другой. Язык как форма получает самостоятельность относительно своих творцов (!)» (Луман, 2007, с. 114).

⁶ Заметим, что подобное определение Вебера очень точно можно соотносить с таким принятым в когнитивистике метаописанием семантики языка, как представление смысла языковых выражений в виде фрейма или прототипических сценариев.

цами в определенном числе ситуаций, то есть опять-таки конструкт, но не научный, а языковой. С этой точки зрения, если воспользоваться разграничением Луи Ельмслева, разница между этими смыслами сводится к различию между двумя метасемиотиками: научной и ненаучной (Ельмслев, 1960). Другое дело, что и в том, и в другом случае «правильность» будет определяться не как отношение «истинности», а как адекватность одной модели другой: насколько адекватно научная метасемиотика описывает модели ненаучной.

2.2. Говоря об объективности и субъективности, Вебер вводит еще одно измерение. Помимо вышеуказанного разграничения между изучаемыми наблюдаемыми действиями эмпирическими дисциплинами (история, социология) и претендующими на раскрытие *какого-либо объективно «правильного» или метафизически постигнутого «истинного» смысла догматическими науками (юриспруденция, логика, этика)*, это разграничение может относиться и к степени адекватности. Тогда *объективность* будет выступать как степень конгруэнтности между смыслом полагаемого агентом действия и тем смыслом, который может быть приписан этому действию наблюдателем. Процесс понимания поведения выступает в данном случае как экспликация изначального субъективного смысла:

В науке, предметом которой является смысл поведения, «объяснить» означает постигнуть смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие... Во всех этих случаях, в том числе и тех, где действуют аффекты, мы будем определять субъективный смысл событий, а также и смысловые связи как предполагаемый смысл (выходя тем самым за рамки обычного словоупотребления, где о «предположении» в таком понимании говорят только при рациональном или целенаправленном поведении) (Вебер, 1990, с. 608).

Однако выясняется, что этот предполагаемый смысл может не совпадать с неким «подлинным» смыслом, который «на самом деле» определяет действия агента:

«Предполагаемый смысл» реального поведения в подавляющем большинстве случаев сознается смутно или вообще не сознается. Действующий индивид лишь неопределенно «ощущает» этот смысл, а отнюдь не знает его, «ясно его себе не представляет»; в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой. Очень редко люди, а при массово-однородном поведении лишь отдельные индивиды отчетливо осознают его (рациональный или иррациональный) смысл. В реальной действительности подлинно эффективное, то есть полностью осознанное и ясное по своему смыслу, поведение — всегда лишь пограничный случай (Вебер, 1990, с. 624).

И тут возникает серьезное осложнение — в какой степени объективен данный субъективный смысл, вкладываемый агентом в свое действие. Помимо того, что наблюдатель вполне может приписать совсем иные смыслы, сам агент может и не сознавать «истинных» мотивов своего действия:

Каждое толкование стремится, конечно, к ясности. Однако сколь бы ясным по своему смыслу ни было толкование, оно тем самым еще не может претендовать на каузальную значимость и всегда остается лишь наиболее вероятной гипотезой. «Мотивы», которые данный индивид приводит, и те, которые он «подавляет» (то есть скрытые мотивы), часто настолько маскируют — даже в сознании самого действующего лица — подлинную связь его действий, что и субъективно искренние свидетельства имеют лишь относительную ценность (Вебер, 1990, с. 609).

Поэтому происходит определенная замена понятий — место «субъективного» смысла, которым — как ему самому кажется — руководствуется агент действия, замещает некий «объективный», а точнее, объективированный смысл, который ему приписывает наблюдатель-социолог:

В этом случае задача социологии — выявить связь между отдельными мотивами и посредством истолкования установить ее подлинный характер, невзирая на то что она обычно (или большей частью) не может считаться полностью конкретно предполагаемой, осознанной индивидом (Вебер, 1990, с. 609).

В результате эмпирическая методология социологии приближается к методологии «догматических» наук, оперирующих некоторыми идеализированными типами:

Конструированные социологические понятия идеально-типичны не только в применении к внешним событиям, но и к явлениям внутренней жизни людей (Вебер, 1990, с. 624).

Как видим, эти конструкты («идеальные типы») стремятся заменить «субъективные смыслы» реально действующих агентов. Заявленный «эмпиризм» Вебера противоположен эмпиризму бихевиоризма, в котором исчезает непосредственно ненаблюдаемое понятие смысла, а каузальная связь заменяется отношением «стимул — реакция». Между тем у Вебера, конструкты, а не психические состояния оказываются как предметом, так и инструментом описания. Поэтому такой подход открывает дорогу не только собственно социологическому, но и лингво-семиотическому описанию — если для социологического описания приемлемы веберовские (или какие-либо другие) идеализированные модели описания, то социальная семиотика может опираться на лингвистические и культурологические модели. Например, в качестве таковых могут выступать как зафиксированные в языке относящиеся к поведению фреймы, так и другие моделирующие системы (литература, религия, ритуал, драматургия, исторические описания и т.д.), также предоставляющие некоторые идеализированные поведенческие типы.

Что касается вопроса об объективности/субъективности «субъективного смысла» (в веберовском понимании), то, как представляется, целесообразно его перевести в иную плоскость: рассматривая как проблему соотношения между самоописанием и иноописанием. Она достаточно хорошо известна и в семиотике, и в социологии, к ней неод-

нократно обращался Юрий Лотман, а Никлас Луман сделал ее одной из центральных для своей социологической теории. «Объективность» в этом случае получает совсем иную трактовку — как адекватность тех или иных описаний и метаописаний. Именно в такой плоскости вопрос, насколько объективно описание «субъективных» смыслов, то есть насколько сделанное наблюдателем описание поведения может совпадать или не совпадать с самоописанием агента, частично он был нами рассмотрен ранее совместно с Игорем Черновым. Мы показали, что сама идентификация смыслов и мотивов есть уже метаязыковой акт и факт. Индивид и его поведение, представляющие перед чужим (или отстраненным) сознанием, требуют перевода на некий метаязык, который может выступать как эталон. Представление об этом было отчетливо сформулировано достаточно давно, например в Посланиях апостола Павла: «А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования» (1Кор. 14: 13). Там же отмечалось и несоответствие самоописания реальности — «Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно» (Ин. 5: 31) (см.: Золян, Чернов, 1977, с. 162).

Это евангельское высказывание воспроизводит дихотомию, которая позднее воплотится в веберовском подходе: приведенную выше противоречивую ситуацию применительно к адекватному описанию «субъективного» смысла. Что надлежит считать «подлинным»: тот смысл, который связывает со своим действием его агента, или же идеализированный смысл-конструкт, приписываемый этому действию наблюдателем-социологом? Подобная логика применительно к евангельской максиме приводит к противоречию: если только я не лгу, мое свидетельство о себе (вкладываемый мною в мое действие мой субъективный смысл) истинно и не может быть неистинно именно в силу соответствующей рекурсии, поскольку описанию подлежит именно тот смысл, который я вкладываю в свое действие в соответствии с некоторым смысловым единством (мотивом). Но наблюдатель может связать это же действие уже с другим мотивом, и ему может быть приписан уже иной смысл. Тем самым евангельская максима требует, чтобы агент действия встал на позицию наблюдателя, что согласуется с продолжением этого эпизода:

Есть другой, свидетельствующий о Мне; и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует о Мне (Ин. 5: 32).

Как видим, при подобной процедуре самоотстранения для оценки истинности нужен еще один наблюдатель, чтобы можно было бы оценить адекватность свидетельства. Это согласуется с общими принципами метаязыкового описания: в корреспондентной теории истины она не может быть установлена высказываниями на языке-объекте, а требует обращения к метаязыку. Само «свидетельство» есть уже некоторое публичное описание, то есть действие, переводящее агента действия в автора описания, наблюдателя. Учет публичного (то есть обращенного на других) и экстериоризированного (то есть эксплицитно выраженного в вербальной форме) характера свидетельства снимает указанное

противоречие: свидетельство о себе может быть как истинным, так и неистинным, и истинным становится в случае совпадения само- и ино-описаний. Говоря словами Вебера: «...все это — понятные нам смысловые связи, понимание их мы рассматриваем как объяснение фактического действия» (Вебер, 1990, с. 608).

Примечательно, что указанное возможное понимание высказанного Христом как противоречия было отмечено отцами Церкви, в частности в Толковании Иоанна Златоуста. Противоречие это не могло быть незамеченным и потому, что в том же Евангелии от Иоанна Христос утверждает прямо противоположное:

Иисус сказал им в ответ: если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я и куда иду (Ин. 8: 14)

Пояснения Иоанна Златоуста, как бы предвосхищая и теорию истины Альфреда Тарского, и теорию автометаописаний Никласа Лумана, сводятся именно к тому, что в первом случае Христос встает на позицию внешнего наблюдателя, почему и требуется еще одно, «эталонное» описание (в данном случае — Иоанна Крестителя). Во втором же случае единственным наблюдателем может быть сам субъект высказывания, почему и истинность в данном случае оказывается рекурсивным (автореферентным) отношением: свидетельствующая о себе (описывающая себя) истина есть истина, поскольку именно она и есть истина. Различие между двумя противоречащими фрагментами Евангелия, согласно Златоусту, кажущееся, оно объясняется различием между словесными выражениями, а не выражаемыми смыслами. Требуется учесть не только сами смыслы слов, но и воздействующие на их осмысление контекстуальные прагмасемантические факторы⁷, и в таком случае оба высказывания выражают одно и то же положение дел⁸.

⁷ «Много внимательности нужно нам иметь или, лучше, благодати Божией, чтобы не останавливаться на одних словах: потому и еретики заблуждаются, что не обращают внимания ни на цель говорящего, ни на свойства слушателей. Итак, если мы не вникаем в это, а также и в другие обстоятельства, как то: время, место, дух слушателя, то может произойти много нелепостей» (Творения Иоанна Златоуста, 1902, с. 152).

⁸ «Где мы найдем истину, если сама Истина говорит: свидетельство Мое несть истинно? И не это только противоречие здесь представляется, а еще и другое, не меньшее. Он говорит далее: аще Аз свидетельствую о Себе, истинно есть свидетельство Мое (8: 14). Что же, скажешь, нам принять? Которое из этих двух изречений считать не истинным? Если мы примем эти слова просто так, как они сказаны, не обращая внимания ни на лицо, ни на причину, ни на что другое, — в таком случае и то и другое будет ложно. Если вообще свидетельство Его не истинно, то и эти самые слова не истинны, — не только последние, но и первые. Что же означают эти изречения?... Иудеи намеревались возразить Ему: Ты о Себе Сам свидетельствуеши: свидетельство Твое несть истинно (8: 13); а Он, предупреждая их, и сказал это, как бы так говоря: вы, конечно, скажете Мне: мы не веруем Тебе потому, что между людьми никто, свидетельствующий о самом себе, никогда не заслуживает веры. Потому выражение: свидетельство Мое несть истинно надобно разуметь не просто, а приспособительно к поня-

Экстериоризация высказывания приводит к тому, что субъект высказывания выступает с позиции наблюдателя, почему и должен соотносить свое высказывание с позицией адресата и другого наблюдателя. Поэтому и в социологии, и в какой-либо иной системе описания, например в теории речевых актов, агент действия может «не знать» «подлинных», то есть приписываемых ему внешним наблюдателем смыслов своих действий. Для наблюдателя он выступает как внешний объект, своего рода «черный ящик», и адекватность описания определяется не внутренними состояниями этого объекта, а параметрами описывающей системы (упрощая — соответствием исходных и конечных характеристик, «входа» и «выхода»). Когда же речь идет о собственно описании намерений и ожиданий субъекта, то его описание при всех возможных вариациях смысла в новых контекстах, не может не быть единственным *подлинным*: только он может знать, «откуда он пришел и куда идет». По этой причине и предлагаемые гуманитарными дисциплинами описания не могут претендовать на то, что они в состоянии эксплицитировать «подлинное», неведомое самому субъекту смысловое содержание его действий. Они не вправе заменить те субъективные смыслы, которые агент соотносит со своими действиями, на некоторые идеализированные конструкты, они могут только его репрезентировать — то есть пытаться не конструировать, а реконструировать его, объективировать в той или иной принятой социумом знаковой форме. Раскрытие смысла поведения — своего и чужого — это не только проблема гуманитарных наук, но прежде всего проблема интерперсонального взаимодействия, повседневной деятельности и коммуникации. В качестве языков и метаязыков описания, которыми пользуются члены социума для описания себя и другого, выступают не исследовательские конструкты и идеальные типы, а некоторые общезначимые для общества знаковые системы смыслов.

2.3. В приведенных определениях Вебера отсутствует понятие более широкой системы, относительно которой может быть определена *категория того, что имеет смысл*, а именно — культура. Как бы уточняя и расширяя подходы «понимающей социологии», Юрий Лотман указал ту область, откуда черпаются смыслы:

Культура в семиотическом аспекте предстает как некоторый континуум языков, которыми пользуется самосознающее мышление человека, а действия, как вербальные, так и совершаемые с помощью разнообразных поступков, могут быть истолкованы как тексты на некоторых языках. Понять смысл исторических поступков людей, их поведения и их сочинений означает овладеть языками их культур (Лотман, 2008, с. 510).

тию иудеев, то есть: для вас не истинно. Таким образом, Он сказал эти слова не вопреки достоинству Своему, а приспособительно к их мнению. Итак, когда Он говорит: свидетельство Мое несть истинно, — этим обличает их мысли и преднамеренное с их стороны возражение Ему; а когда говорит: аще Аз свидетельствую о Себе, истинно есть свидетельство Мое, — этим показывает самую сущность дела, то есть что Его, как Бога, следует почитать достойным веры и тогда, как Он говорит о Самом Себе» (Творения Иоанна Златоуста, 1902, с. 151–152).

«Язык культуры» связывается с пониманием смысла человеческих действий, но до этого следует рассмотреть роль естественного языка, на котором пишутся тексты и метатексты поведения. Как было отмечено нами ранее, «конструирование метаязыкового самоописания является "эпифеноменом" любого поведенческого акта. Относительно любого временного среза поведения индивиду может быть задан вопрос "что ты делаешь?" Предполагается, что метаязыковая экспликация (хотя бы в общей форме) не вызовет затруднений, поскольку поведение предполагает (имплицитно) возможность его метаязыкового представления» (Золян, Чернов, 1977, с. 152).

Это положение может быть конкретизировано следующим образом. Язык предоставляет как бы набор простейших метаязыковых шаблонов (класс местоименных слов и каузальных коннекторов), позволяющих выделить «субъективный» смысл действия — *делать, кто, что, для чего, для того, почему, потому, зачем* и пр. Так, все описания наблюдаемого поведения, предполагающего экспликацию субъективного смысла некоторого действия, может быть представлена как конкретизация схемы:

X делает Y (из-за того, что было A, для того, чтобы стало B),

где предполагается, что действие Y способно каузировать переход от состояния A к состоянию B. На эту шаблонную формулу могут накладываться операторы пропозициональных установок (*хотеть, думать, верить*) и модальных операторов (*возможно, должно, желательно, необходимо, запрещено* и т.п.). Безусловно, эти шаблоны могут усложняться, комбинироваться, редуцироваться и т.п., но основная схема остается той же. В подтверждение можно привести столь же шаблонные модели, направленные на объяснение непонятого поведения — тех случаев, когда становится неясной причина или цель действия («мотив», по Веберу): *Почему ты это делаешь? Для чего ты это делаешь?* Наконец, можно предусмотреть и шаблон, эксплицирующий социализацию смысла: *для кого ты это делаешь?* Это может быть не только бенефициарий, но и потенциальный толкователь данного действия — тот, который способен понять и должным образом описать субъективный смысл данного действия. Так, в случае пожертвования бенефициарий (например, больница) и адресат (избиратели) могут не совпадать.

Все эти простейшие формы, будучи «правильно» заполнены лексическими единицами, вполне могут рассматриваться как вербальные репрезентации смыслов действий: смысл описывающих действие предложений можно считать моделью смысла самих действий. Безусловно, это упрощение: возможны как многозначные предложения, так и действия, допускающие различные описания, могут быть различные «единства» (мотивы), относительно которых интерпретируется действие и т.п. Встречаются и другие переходные случаи (например, преобразование состояния в действие: «Что ты делаешь? — Сплю, скукаю, загораю»), когда подобная экспликация вызовет трудности, но она связана не с самой лингвистической процедурой, а с идентификацией поведенческих актов и наличием / отсутствием у них социального, то есть

ориентированного на другого, смысла. Однако семантические возможности языка вполне достаточны, чтобы моделировать не только простейшие, но и достаточно сложные, в том числе и принципиально не допускающие однозначной интерпретации, смысловые структуры (ср. с возможностями поэтического языка). Усложненным структурам социального смысла социального опыта можно найти соответствия в сложных языковых формах его текстуализации⁹.

С этой точки зрения представляется целесообразным говорить не столько о субъективных и объективных смыслах, сколько об их субъективации и объективации. Агент, совершающий действие, и Агент, описывающий свое же действие, даже будучи одним и тем же индивидом, выступают в разных ипостасях. В одном случае, смысл объективируется — свой субъективный смысл агент объективирует, сделав его языковым выражением. Однако, с другой стороны, некоторые объективно существующие смыслы (смыслы выражений русского языка) этот же агент субъективирует, делая его — *субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций* (вновь воспользуемся прекрасной дефиницией Вебера). При этом мотив — некоторое смысловое единство — становится описывающим данное единство нарративом. Тем самым становится понятным, на каких основаниях в социальной семиотике можно совместить оба вышеприведенных понимания смысла — веберовскую каузальную интерпретацию и лингвосомиотическую. Вторая есть знаковая репрезентация первой — языковая или какая-либо иная модель действия, которая заменяет саму ситуацию действия. Действие остается как память о событии в его вербальной или мультимодальной форме, как его иконическое воспроизведение (рисунок, видеосъемка), При этом текстуализация действия или события неизбежно привносит каузальные отношения и тем самым смысл в веберовском понимании. *Смысл, субъективно предполагаемый действующим лицом в данной исторической ситуации*, заменяется теми смыслами, которые объективно (то есть на основании некоторого приемлемого режима прочтения и стратегии интерпретации) могут быть выведены из описания данной ситуации. Но эта объективность в свою очередь носит опосредованный характер — в зависимости от того, как она описана, при помощи каких языковых средств. Так, в российской историографии победителем при Бородине считается Кутузов, и описание его поведения дано как последовательность действий, приведших к победе. Но во французской историографии победителем признается Наполеон. И та, и другая позиция может быть одинаково успешно выражена лингвистически, но лингвистические смыслы в данном случае суть только средства выражения иных, в данном случае — идеологических, которые, в свою очередь, потребуют знакового воплощения. Даже если в самом действии не было смысла, оно приобретает его в процессе интерпретации.

⁹ Текстуализация в данном случае понимается по Халлидею — как социальное событие, процесс обмена конституирующими общество смысловыми структурами (Halliday, 1978, p. 128–153).

Заключая, нужно отметить следующее. Поднятые вопросы вытекают из рассмотрения возможности соотнесения понятия смысла поведения в социологической теории Вебера как каузальной связи с лингво-семиотическим пониманием его как знакового отношения между означающим и означаемым. Они получают решение уже в рамках не собственно лингвистики, а социальной семиотики и семиотики культуры, когда формирование смысла понимается как результат соположения языковой и внелингвистических систем в процессе коммуникации, что может быть описано как механизм соотнесения языковых выражений текста и множества актуальных и латентных контекстов с множеством его возможных значений (интерпретаций, миров, текстов) и дискурсов (языковых игр). Однако, несмотря на различные сферы приложения и используемые методы, и в лингвистике, и в семиотике, по сути, объектом семантического анализа оказывается некий единый принцип – это механизм структурирования смысловых структур – начиная с уровня субтекстовых структур и прослеживая формирование смысловых структур текста в процессе их соотнесения с интертекстуальными (множество текстов), прагмасемантическими (множество коммуникативных контекстов функционирования данного текста) и экстралингвистическими структурами значения (стратифицированными областями интерпретации, мирами). Основная проблема семиотики поведения заключается в том, каким образом поведение может быть рассмотрено как знаковая система (язык) и каким образом оно может быть описано посредством языка, который будет выступать уже как метаязык. Любое действие может быть зафиксировано, связно интерпретировано и рационально объяснено, только будучи оформлено в лингвистических структурах и получив вербальное объяснение. Поведение можно рассматривать как текст, объяснение и интерпретация которого возможны только на уровне более глубинном, чем само непосредственно наблюдаемое поведение (это уровень концептуальных структур, предполагающих целеполагание и оценку). Поведение можно рассматривать на различных уровнях, но его объяснение и оценка могут быть достигнуты только при обращении к ненаблюдаемым концептуальным уровням, которые надстраиваются над семантическим уровнем языка. Это дополнительные по отношению к языку социокультурные коды, принятые и функционирующие в данном социуме. Эти концептуальные модели также должны быть зафиксированы в некоторой символической форме, но уже как метаязыковые тексты. Поведение субъекта предполагает постоянную рефлекссию как над самим поведением (текстом), так и над описывающим его метаязыком. Интерпретация и объяснение поведенческого факта могут быть описаны как правила соответствия между дескриптивным текстом поведения и используемым метаязыком (система норм, адекватность поставленным результатам и т. д.). Взаимодействие, понимание и сотрудничество между различными субъек-

ектами достигается не потому, что они пользуются единым (мета)языком, а благодаря множественности и переводимости кодов, равно как и благодаря поведенческому многоязычию членов социума.

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

- Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произведения. М., 1990. С. 602–643.
- Виготский Л. С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1983. Т. 3 : Проблемы развития психики.
- Виготский Л. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М., 1999.
- Ельмслев Л. Прологомены к теории языка [1943] // Новое в лингвистике / под ред. В. А. Звегинцева. Вып. 1. М., 1960. С. 264–389.
- Золян С. Т., Чернов И. А. О структуре языка описания поведения // Тр. по знаковым системам. [Сб.] 8. 1977. С. 151–163. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та ; вып. 411).
- Золян С. Юрий Лотман и социальная семиотика: к постановке проблемы // Сборник Матице Српске за славистику = Matica Srpska Journal of Slavic Studies. 2017. Vol. 92. С. 123–150.
- Лотман Ю. М. О семиосфере // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984. С. 5–23. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та ; вып. 641. Тр. по знаковым системам ; [сб.] 17).
- Лотман Ю. Несколько вводных слов // Sign Systems Studies. 2008. Vol. 36, № 2. С. 509–511.
- Луман Н. Общество как социальная система / пер. А. Антоновского. М., 2004.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. И. Д. Газиева. СПб., 2007.
- Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе : в 12 т. СПб., 1902. Т. 8 : Толкование на Евангелие от Иоанна.
- Halliday M. A. K. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore, 1978.
- Leeuwen Th. van. Introducing Social Semiotics. L. ; N. Y., 2005.
- Searle J. The construction of social reality. N. Y., 1995.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении, Армения.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

Для цитирования: Золян С. Т. К проблеме смысла в социальной семиотике: Макс Вебер сегодня // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 27–42. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-3.

THE PROBLEM OF MEANING IN SOCIAL SEMIOTICS:
MAX WEBER TODAY

S. T. Zolyan^{1, 2}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

² Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia
44 Arami St., Yerevan, 375010, Armenia

Submitted on August 05, 2018

doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-3

A human activity is based on the constant creation, transmission and transformation of meanings and texts. All the forms of representation of this activity (culture, history, literature, art, politics, law, etc.) can be considered as semantic ensembles consisted from meaningful actions. The concept of "meaning" is fundamental not only in linguistics and semiotics, but also in M. Weber's theory: the subject of sociology is the understanding of "the meaning of behavior". Based on the Weber's definitions and their possible modification, we suggest the transdisciplinary synthesis around the study of the problem of meanings and their manifestation. Meaning production is understood as a result of the conjunction of linguistic and extralinguistic systems in the process of social interaction and communication. This allows to convert actional meanings into linguistic meanings, and vice versa.

Keywords: Sense, social semiotics, Weber, behavior, subjective and objective meanings.

References

- Weber, M., 1990. Basic sociological concepts. In: Yu.N. Davydova, ed. *Weber Maks. Izbrannye proizvedeniya* [Weber Max. Selected Works]. Moscow, pp. 602–643 (in Russ.).
- Vygotsky, L.S., 1983. *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of the development of the psyche]. Vol. 3. Moscow (in Russ.).
- Vygotsky, L.S., 1999. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speaking]. Vol. 5. Moscow (in Russ.).
- Elmslev, L., 1960. Prolegomena to the theory of language. In: V.A. Zvegintsev, ed. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Vol. 1. Moscow, pp. 264–389 (in Russ.).
- Zolyan, S.T., Chernov, I.A., 1977. On the structure of the language of behavior description. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Tartu State University], 411, pp. 151–163 (in Russ.).
- Zolyan, S., 2017. Yuri Lotman and social semiotics: to the problem statement. *Zbornik Matice Srpske za slavistiku = Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 92, pp. 123–150 (in Russ.).
- Lotman, Yu.M., 1984. About semiosphere. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Tartu State University], 641, 5–23 (in Russ.).
- Lotman, Yu., 2008. A few introductory words. *Sign Systems Studies*, 36(2), pp. 509–511 (in Russ.).
- Luman, N., 2004. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Moscow (in Russ.).
- Luman, N., 2007. *Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii* [Social systems. Essay on a general theory]. St. Petersburg (in Russ.).

Zlatoust, I., 1902. *Tvoereniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo* [The works of our holy father John Chrysostom, Archbishop of Constantinople]. Vol. 8. St. Petersburg (in Russ.).

Halliday, M.A.K., 1978. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. Baltimore: University Park Press.

Leeuwen, T., 2005. *Introducing Social Semiotics*. London – New York: Routledge.

Searle, J., 1995. *The construction of social reality*. New York.

The author

Dr Suren T. Zolyan, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Leading Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

To cite this article:

Zolyan S.T. 2018, The problem of meaning in Social Semiotics: Max Weber today, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 27–42. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-3.

ИНТЕРФЕЙС СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ

А. В. Щекотуров¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 21.08.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-4

Проблемой набирающих популярность кросс-культурных исследований различных социальных сетей является смешивание влияния характеристик пользователя и архитектуры интерфейса виртуальной платформы, в результате чего обнаруженные культурные отличия являются недостоверными. Предлагаемое решение – проведение сравнительного исследования исключительно интерфейса социальных сетей с целью обнаружения культурно обусловленных смыслов, заложенных в дизайн виртуальных платформ и определяющих виртуальную самопрезентацию пользователей. В качестве анализируемых платформ были выбраны Facebook и ВКонтакте как наиболее крупные социальные сети, созданные в странах с различными культурными ценностями и социальными ожиданиями. Исследовательский фокус сконцентрирован на ключевых категориях идентификации и виртуальной самопрезентации: гендер, сексуальность и семейное положение, жизненная позиция и личные предпочтения пользователя. Сравнительный анализ интерфейсов проведен в том числе и с позиции смены лингвистической проекции (при переключении языка интерфейса с русского на английский и наоборот). В результате обнаружены значимые отличия во всех категориях анализа. Автор приходит к выводу, что ВКонтакте отражает ценности традиционного патриархального уклада, в то время как Facebook – ценности плюрализма и субъект-центричности.

Ключевые слова: социальная сеть, ВКонтакте, Facebook, смысл, самопрезентация, идентификация, интерфейс, репрезентация культуры.

Благодаря развитию технологии web 2.0 во всем мире социальные сети за последние десять лет стали транснациональным проектом. Глобальное признание получила социальная сеть Facebook, являясь, по сути, образцом платформы для виртуальной коммуникации и самопрезентации. Однако, несмотря на международную экспансию таких социальных медиа, как Facebook, Twitter, Instagram и прочие, во многих странах мира существуют и успешно развиваются собственные платформы социальных сетей. К примеру, Cyworld в Южной Корее, Mixi в Японии, Qzone и WeChat в Китае, ВКонтакте и Одноклассники в России. Широкая увлеченность как национальными, так и международными социальными сетями поставила новые вопросы для социальных исследователей: отражает ли социальная коммуникация и самопрезентация в социальных сетях культурные различия между странами, и если да, то каковы механизмы и особенности этого феномена.

Все компаративные исследования использования как национальных, так и международных социальных сетей условно можно объеди-

нить в две группы: межпредметные (between-subject) и внутрипредметные (within-subject) (Zhao et al., 2017). Межпредметные исследования сравнивают опыт использования социальных сетей между странами и объясняют наблюдаемые вариации культурными отличиями пользователей. Например, сравнивая комментарии японских пользователей Mixi с комментариями американцев, сделанными ими на Facebook, исследователи обнаружили, что пользователи Mixi более склонны к тому, чтобы просить о помощи или давать советы, а пользователи Facebook — к выражению собственных чувств и личного мнения. Авторы объясняют это различными культурными ценностями, которые свойственны японцам и американцам (коллективизм и индивидуализм, соответственно) (Dou, 2011). Внутрипредметные исследования сравнивают опыт использования различных социальных сетей внутри какой-либо страны. Полученные результаты таких исследований объясняются культурными особенностями тех стран, в которых эти социальные сети были созданы. Примером может стать исследование японских пользователей Mixi и MySpace (Takahashi, 2010). Т. Такахаши обнаружил, что молодежь Японии старалась по-разному себя позиционировать на этих двух виртуальных платформах, которые, по его мнению, отражают «две различные системы культурных ценностей» (Takahashi, 2010, p. 453).

Результаты подобных кросс-культурных и мультиплатформенных исследований довольно интересны, но в них есть одна методологическая неточность. Она заключается в смешивании влияния характеристик пользователя и архитектуры интерфейса социальных сетей, поскольку пользователи, относящиеся к одной культуре, могут вести себя неодинаково в разных социальных сетях в силу различий, имеющих в дизайне интерфейса социальной сети. Так, в сравнительном исследовании трех американских социальных сетей (Facebook, LinkedIn и ASmallWorld) З. Папачарисси обнаружила, что социальная интеракция и самопрезентация обусловлены «архитектурными возможностями, предлагаемыми социальными сетями» (Papacharissi, 2009, p. 205). «Архитектура» социальных сетей есть не что иное как «элемент дизайна и структуры» виртуальной платформы, цель которой — «облегчить или упростить технологическую возможность» использования социальной сети (Papacharissi, 2009, p. 216). Папачарисси привела убедительное доказательство того, что различия в интерфейсах Facebook, LinkedIn и ASmallWorld повлияли на модели поведения пользователей этих социальных сетей.

Выводы Папачарисси ставят следующий вопрос: если сравнивать модели поведения пользователей из разных стран на платформах различных социальных сетей, каждая из которых является культурным продуктом своей страны, то как исследователь может быть уверен в том, что наблюдаемые вариации в использовании социальных сетей обусловлены различиями в характеристиках пользователя, а не различиями в дизайне социальных сетей? В большинстве случаев наблюдаемые сходства и отличия — это комбинация характеристик пользователя и особенностей интерфейса социальной сети. По этой причине обычно некорректно приписывать наблюдаемые различия в опыте использования различных социальных сетей только характеристикам пользователя, игнорируя возможные эффекты особенностей интерфейса социальной сети.

Один из способов решить эту проблему — взять в качестве неизменной величины само использование социальной сети. Исключив из анализа особенности поведения пользователей, мы можем провести сравнительное исследование интерфейса социальных сетей и вскрыть культурно обусловленные смыслы, заложенные в дизайн виртуальных платформ. Сравнение интерфейсов нескольких социальных сетей, созданных в одной стране, будет некорректным методом для понимания культурных кодов, поскольку в такой ситуации сама культура является константой. Только сравнение интерфейсов различных социальных сетей, созданных в разных странах, поможет понять, какие социокультурные смыслы закодированы в виртуальной платформе.

Мы исходим из предположения о том, что интерфейс социальной сети, являясь устойчивым мультимодальным семиотическим ансамблем, включает в себя не только технологические, но и культурные коды для самопрезентации. Как и любой другой технологический продукт, социальная сеть имеет отличительные черты той культуры, в которой она была создана и должна получить признание. Таким образом, цель данной статьи — определить культурные смыслы, заложенные в интерфейс социальных сетей, посредством сравнения двух популярных платформ: американской сети Facebook и российской сети ВКонтакте.

Методология

ВКонтакте и Facebook были выбраны по ряду причин. Во-первых, Россия и США — две большие страны с богатой культурой и различными системами социальных ценностей. Во-вторых, обе социальные сети наиболее популярны в своих странах. В-третьих, ВКонтакте является своего рода клоном Facebook, что делает эти платформы функционально сопоставимыми. В-четвертых, несмотря на то что Facebook представлен в России, ВКонтакте остается гораздо более популярной социальной сетью как среди россиян, так и русскоговорящего населения постсоветского пространства. Данный факт свидетельствует о более успешной адаптации ВКонтакте к особенностям российского и постсоветского социокультурного контекста. Таким образом, изучив интерфейсы этих социальных сетей, мы сможем выявить технологические ресурсы, лежащие в основе формирования и репрезентации культурных смыслов в процессе виртуальной самопрезентации пользователей.

Интерфейс социальной сети представляет собой мультимодальный семиотический ансамбль категорий идентификации. К наиболее значимым категориям идентификации мы относим аватар, социально-демографическую паспортную (пол, возраст, семейное положение), а также интересы и жизненную позицию. Каждая категория предоставляет пользователю возможность обозначить различные аспекты своего «Я». В соответствии с целью нашего исследования анализ будет сфокусирован на следующих категориях идентификации: гендер, сексуальность и семейное положение, жизненная позиция и личные предпочтения пользователя. Более того, будет проведен сравнительный анализ интерфейсов и с точки зрения языка самоописания. Другими сло-

вами, мы посмотрим, насколько сильно меняется интерфейс социальной сети при переходе в другую лингвистическую проекцию (на примере русского и английского языков).

Как уже было отмечено, мы считаем, что набор возможностей для идентификации и самопрезентации в социальной сети задан неслучайно. Что предложить пользователю, а что исключить из интерфейса социальной сети является взвешенным решением разработчика платформы, который руководствуется тем, насколько интерфейс сети соответствует установленным в данном обществе культурным нормам. В связи с этим наше внимание будет сфокусировано на сравнительном анализе присутствия или отсутствия вышеуказанных категорий идентификации в интерфейсах ВКонтакте и Facebook. Наличие определенной категории в интерфейсе будет свидетельствовать о ее значимости для личностной идентификации, отсутствие категории не обязательно будет означать ее нерелевантность. Она может отсутствовать и по другим причинам, например в силу противоречия культурным канонам или социального неодобрения. Исключая ту или иную категорию из интерфейса профиля, его разработчики делают некоторые «проблематичные» аспекты идентификации недоступными для пользователей.

Гендер, сексуальная ориентация и семейное положение

В таблице 1 представлено сравнение интерфейсов Facebook и ВКонтакте с точки зрения таких категорий, как гендер, сексуальная ориентация и семейное положение, в том числе и при переключении языка использования платформы. В сети Facebook пользователям доступна возможность не только идентифицировать себя по вышеуказанным категориям, но и представить их публично. Для выражения своей гендерной идентичности Facebook предусмотрел три варианта: *male* (англ. «мужской»), *female* (англ. «женский») или *custom* (англ. «произвольный») — опция, позволяющая пользователю описать свой гендер так, как он захочет. Однако эта опция сохраняется только при использовании интерфейса на языке оригинала — английском. При переключении платформы на русский язык пользователю становятся доступными только две опции — мужской и женский пол. Получается, что на примере анализа языковой модальности интерфейса мы видим классическое разделение на гендер как социальный конструкт для англоговорящих пользователей и пол как биологическую дихотомическую данность для русскоговорящих посетителей Facebook.

Возможность для самопрезентации собственной сексуальности сохраняется как на английском, так и на русском языке интерфейса Facebook. Однако в обоих случаях она ограничена тремя опциями, отсутствует возможность выразить ее другие формы (например, асексуальность). Обратим внимание на то, что есть определенная разница в наборе статусов семейного положения при переключении языков интерфейсов. В частности, русскоговорящему пользователю Facebook предлагается дополнительный вариант — «раздельное проживание». Такая опция, видимо, призвана максимально отразить палитру воз-

можных отношений между партнерами, в том числе и раздельное проживание супругов, предусмотренное правовой нормой Семейного кодекса РФ (Семейный кодекс РФ, 1995, ст. 38, п. 4).

Что касается социальной сети ВКонтакте, то ее пользователям недоступна категория пола других пользователей: платформа предполагает, что пользователь может указать пол только своего профиля, который сразу становится невидим для остальных. Одно из очевидных объяснений в том, что большинство имен россиян гендеризированы, то есть их можно склонять в соответствии с полом человека, что, возможно, делает избыточной эту категорию в профиле. Отсутствует и возможность идентифицировать себя и публично выразить собственную сексуальную ориентацию. На наш взгляд, категории гендера (а не пола) и сексуальности являются сенситивными темами для российского социокультурного контекста, поскольку проблематизируют такие категории населения, как, например, трансгендеры или люди с бисексуальной ориентацией. Таким образом, отсутствие категории гендера и сексуальной ориентации в интерфейсе ВКонтакте как бы исключает существование данных форм идентификаций, поскольку они потенциально не соответствуют общепринятым нормам российского общества.

Таблица 1

Гендер, сексуальная ориентация и семейное положение

Английский язык			Русский язык		
Item	Facebook	Vkontakte	Категория	Facebook	ВКонтакте
Gender	– Male – Female – Custom	None	Пол	– Мужской – Женский	Отсутствует
Sexual Orientation	– Male – Female – Male and female	None	Сексуальная ориентация	– Мужчины – Женщины – Мужчины и женщины	Отсутствует
Relationship Status	– Single – In a relationship – Engaged – Married – In a civil union – In a domestic partnership – In an open relationship – It's complicated – Divorced – Widowed	– Single – In a relationship – Engaged – Married – In a civil union – In love – It's complicated – Actively searching	Семейное положение	– Без пары – В отношениях – Помолвлен (-а) – В браке – В гражданском браке – В домашнем партнерстве – В свободных отношениях – Все сложно – Раздельное проживание – В разводе – Вдовец / вдова	– Не женат / не замужем – Встречаюсь – Помолвлен (-а) – Женат / замужем – В гражданском браке – Влюблен / влюблена – Все сложно – В активном поиске

Еще одним убедительным доказательством наличия культурно обусловленных различий в интерфейсах социальных сетей является категория семейного положения. Обе социальные сети предоставляют примерно одинаковые категории, однако есть два существенных отличия. Во-первых, несмотря на всю схожесть, в социальной сети ВКонтакте, по сравнению с Facebook, отсутствуют такие категории, как «в домашнем партнерстве», «в свободных отношениях», «раздельное проживание», «в разводе» и «вдовец/вдова». Вместо этого ВКонтакте предлагает выразить свой статус через категории «влюблен(-а)» или «в активном поиске». Во-вторых, и это, пожалуй, самое главное, статус семейного положения в ВКонтакте строго подчинен той бинарной категоризации по полу, которую выбирает пользователь в настройках профиля. Другими словами, если пользователь определил себя как женщину, то система предложит ему выбрать статус, ориентированный только на противоположный пол, например, «замужем» или «помолвлена». А в качестве мужа/жениха/партнера ВКонтакте предложит только представителей противоположного пола из списка друзей пользователя. Такие технологические особенности российской социальной сети мы называем «гетеросексуальной матрицей ВКонтакте» (Щекотуров, 2017), которая сохраняется и при смене языка интерфейса.

Таким образом, с помощью лексических подмен в настройках профиля и гетеросексуальной матрицы российская социальная сеть делает возможным только гендерно типичный способ виртуальной самопрезентации. Сравнительный анализ интерфейсов в лингвистической плоскости показал целостность культурных смыслов, отражающих российский менталитет: как в русскоязычной версии Facebook, так и в ВКонтакте (вне зависимости от языка интерфейса) пользователь будет вынужден определиться со своим полом, сексуальностью и семейным положением в соответствии с патриархальными традиционными ценностями.

Жизненная позиция и личные предпочтения

Публичное выражение личных взглядов и мнений с помощью социальной сети является важной частью конструирования виртуальной идентичности. В таблице 2 показаны различия в интерфейсах Facebook и ВКонтакте применительно к этим аспектам самопрезентации. Социальная сеть ВКонтакте позволяет пользователям выражать их позицию относительно курения, потребления алкоголя, главных качеств других людей, главного в жизни, а также их политические предпочтения, мировоззрение и источники вдохновения. Примечательно, что практически ничего подобного нет в американской социальной сети.

Таблица 2

Жизненная позиция и личные предпочтения

Критерий сравнения	Facebook	ВКонтакте
Источники вдохновения	Отсутствует	Открытый вопрос
Мировоззрение	Отсутствует	Открытый вопрос (но платформа предлагает несколько связанных с религией вариантов)

Критерий сравнения	Facebook	ВКонтакте
Отношение к алкоголю	Отсутствует	<ul style="list-style-type: none"> – Резко негативное – Негативное – Компромиссное – Нейтральное – Положительное
Отношение к курению	Отсутствует	<ul style="list-style-type: none"> – Резко негативное – Негативное – Компромиссное – Нейтральное – Положительное
Главное в людях	Отсутствует	<ul style="list-style-type: none"> – Ум и креативность – Доброта и честность – Красота и здоровье – Власть и богатство – Смелость и упорство – Юмор и жизнелюбие
Главное в жизни	Отсутствует	<ul style="list-style-type: none"> – Семья и дети – Карьера и деньги – Развлечение и отдых – Наука и исследования – Совершенствование мира – Саморазвитие – Красота и искусство – Слава и влияние
Политические предпочтения	Укажите ваши политические взгляды (открытый вопрос)	<ul style="list-style-type: none"> – Индифферентные – Коммунистические – Социалистические – Умеренные – Либеральные – Консервативные – Монархические – Ультраконсервативные – Либертарианские
Религиозные взгляды	Каковы ваши религиозные убеждения? (открытый вопрос)	Отсутствует

Довольно близкими по смыслу оказались такие категории, как «мировоззрение» во ВКонтакте и «религиозные взгляды» в Facebook. Дело в том, что оба этих вопроса являются открытыми, то есть пользователь может написать ответ так, как ему кажется правильным. Однако российская социальная сеть все же предлагает на выбор несколько вариантов, каждый из которых связан с религией (от иудаизма до пастафарианства). Другими словами, ВКонтакте подталкивает к тому, что понимание мира строится на основе религиозного выбора человека. Несомненно, для глубоко верующего человека религиозные убеждения яв-

ляются основными постулатами, объясняющими все социокультурные процессы. Однако из внимания упускаются люди, чья картина мира является сугубо научной, художественной или вовсе построенной на основе собственного жизненного опыта.

Отличительной самопрезентацией в социальной сети ВКонтакте является возможность публично выразить, что, по мнению пользователя, является главным в людях и жизни. Данная опция имеет ограниченный набор возможных выборов. Примечательно, что разработчики платформы сделали возможным публичный выбор в пользу таких «капиталистических» элементов, как «власть и богатство», «карьера и деньги», «слава и влияние» — всего того, что противоречит системе жизненных ценностей и приоритетов более старшего поколения россиян. Наличие такого аспекта в виртуальной самопрезентации, характерной для российской социальной сети, возможно, является реакцией на смену социокультурной и экономической парадигмы, связанной с переходом к рыночным отношениям.

В отличие от Facebook, ВКонтакте снова предлагает ограниченный набор вариантов для публичного выражения политических предпочтений. С одной стороны, это может показаться вполне рациональным: социальная сеть помогает сориентироваться в основных политических течениях. Но с другой, идентифицируя себя с определенным политическим направлением, пользователь противопоставляет себя иным течениям и движениям. У пользователя отсутствует возможность обозначить себя, как, например, социал-коммуниста или консервативного либерала и прочее, поскольку все предложенные сетью варианты являются взаимоисключающими. На наш взгляд, такое технологичное устройство ВКонтакте отражает отсутствие идеологического консенсуса в российском обществе, фрагментацию политических норм и ценностей российского общества, находящегося на пути самоидентификации и поиска национальной идеи после развала Советского Союза. Интерфейс Facebook позволяет пользователям выразить свою политическую позицию и религиозные взгляды так, как они считают нужным. Подобная технологическая особенность Facebook репрезентирует такой культурный смысл, который можно обозначить термином плюрализм — возведение в статус нормы разнообразия политических и конфессиональных отношений, существующих в американском обществе.

Выводы

Целью данной статьи было обнаружение культурных смыслов, заложенных в интерфейс Facebook и ВКонтакте. Выше мы показали, что существуют ярко выраженные различия в том, что составляет основную идентификационную часть анализируемых социальных сетей — гендер, сексуальность и семейное положение, жизненная позиция и личные предпочтения пользователя — в том числе и при языковой смене интерфейса виртуальной платформы.

В то время как «англоязычный» Facebook позволяет своим пользователям выражать гендерную идентичность, «русскоязычный» Facebook предоставляет возможность категоризации уже только по признаку пола. Для большего сближения с российским правовым контекстом в «русскоязычном» Facebook появляется дополнительный статус семейного положения — раздельное проживание, отражающий правовые нормы Семейного кодекса РФ. В оригинальной российской социальной сети не виден пол пользователя, а сексуальная ориентация и вовсе исключена из категорий для самоидентификации и самопрезентации. ВКонтакте, по сравнению с Facebook, не имеет некоторых статусов семейного положения («в свободных отношениях» и «в домашнем партнерстве»), сеть заменяет их категориями «влюблен» и «в активном поиске». Еще больше любопытных результатов мы получили, обнаружив «гетеросексуальную матрицу ВКонтакте»: семейное положение, как и публичный выбор партнера, подчинено гетеронормативному стандарту.

Что касается жизненной позиции и личных предпочтений, то Facebook позволяет выразить пользователю свои политические предпочтения и религиозные взгляды так, как тот считает нужным, вне зависимости от языка интерфейса. ВКонтакте же, напротив, предлагает пользователю ограниченный набор вариантов для публичной презентации этих аспектов личности, подталкивая к религиозной картине мира и политической сегментации.

Выходя на уровень культурных смыслов, мы заключаем, что интерфейс социальной сети ВКонтакте отражает традиционный патриархальный канон, при котором все строится на довольно простых и четких правилах, дозволениях и ограничениях. Возможно, именно по этой причине большинство россиян считает ВКонтакте гораздо более понятной и удобной платформой. Интерфейс Facebook, напротив, отличается неоднозначностью, как в случае с гендером и сексуальностью, и порой неформатным характером самопрезентации, что в итоге репрезентирует сложность, многоаспектность и субъект-центричность культурного ландшафта американского общества.

Не все различия между социальными медиа являются отражением культурных смыслов, поскольку разные медиа служат разным целям: обмен фотоконтентом, текстовыми сообщениями или видео. Так же и не всякое сравнение виртуальных платформ выявляет отличительные особенности их аудиторий. Однако при любом типе исследований важно учитывать, что сами социальные медиа, их интерфейс содержат определенные культурно обусловленные смыслы, что удалось показать в данной статье.

Работа выполнена в рамках исследования «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» при поддержке гранта Российского научного фонда №18-18-00442 в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

Семейный кодекс Российской Федерации. М., 1995.

Щекотуров А. В. От флирта до смены пола онлайн: подростковые практики альтернативных самопрезентаций в социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. №6 (142). С. 327–343.

Dou X. The Influence of Cultures on SNS usage: Comparing Mixi in Japan and Facebook in the U.S. // Public Relations Journal. 2011. Vol. 5 (4). P. 1–16.

Takahashi T. MySpace or Mixi? Japanese Engagement with SNS (Social Networking Sites) in the Global Age // New Media and Society. 2010. Vol. 12 (3). P. 453–475.

Papacharissi Z. The Virtual Geographies of Social Networks: a Comparative Analysis of Facebook, LinkedIn and ASmallWorld // New Media and Society. 2009. Vol. 11 (1–2). P. 199–229.

Zhao S., Shchekoturov A. V., Shchekoturova S. D. Personal Profile Settings as Cultural Frames: Facebook versus Vkontakte // Journal of Creative Communications. 2017. Vol. 12 (3). P. 171–184.

Об авторе

Александр Вячеславович Щекотуров, кандидат социологических наук, доцент, заведующий социологической лабораторией анализа, моделирования и прогнозирования рисков, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ASHCHEkoturov@kantiana.ru

Для цитирования:

Щекотуров А. В. Интерфейс социальных сетей как репрезентация культурных смыслов // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 43–53. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-4.

SOCIAL MEDIA INTERFACES AS A REPRESENTATION OF CULTURAL MEANINGS

A. V. Shchekoturov¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia
Submitted on August 21, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-4

A problem of the growing popularity of cross-cultural social media studies is the lack of discrimination between the effects of user characteristics and those of the architecture of a virtual platform interface. This makes the detected cultural differences unreliable. A way to solve this problem is a comparative study of social media interfaces only, seeking to identify the culturally constituted meanings embedded in the design of virtual platforms. These meanings are employed in the users' virtual self-presentation. I analysed Facebook and VKontakte – two large social media platforms originating from the countries with different cultural values and social expectations. My focus was on the principal categories of identification and virtual self-presentation. These are gender, sexuality, marital status, attitudes, and personal

preferences. The comparative analysis of interfaces was carried out from the perspective of a change in the linguistic projection (which happens when the user switches from Russian to English and vice versa). I detected significant differences in all the categories analysed. I conclude that the VKontakte platform reflects traditional patriarchal values and the Facebook platform those of pluralism and subject-centricity.

Keywords: social media, VKontakte, Facebook, meaning, self-presentation, identification, interface, representation of culture.

References

Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 N 223-FZ [“Family Code of the Russian Federation” of 12/29/1995 N 223-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ [Accessed 23 June 2018].

Shchekoturov, A. V., 2017. From flirting to sex change online: teenage practices of alternative self-presentations on the social network VKontakte. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 6(142), pp. 327–343 (in Russ.).

Dou, X., 2011. The Influence of Cultures on SNS usage: Comparing Mixi in Japan and Facebook in the U.S. *Public Relations Journal*, 5 (4), pp. 1–16.

Takahashi, T., 2010. MySpace or Mixi? Japanese Engagement with SNS (Social Networking Sites) in the Global Age. *New Media and Society*, 12 (3), pp. 453–475.

Papacharissi, Z., 2009. The Virtual Geographies of Social Networks: a Comparative Analysis of Facebook, LinkedIn and ASmallWorld. *New Media and Society*, 11 (1–2), pp. 199–229.

Zhao, S., Shchekoturov, A.V., Shchekoturova, S.D., 2017. Personal Profile Settings as Cultural Frames: Facebook versus VKontakte. *Journal of Creative Communications*, 12 (3), pp. 171–184.

The author

Dr Aleksandr V. Shchekoturov, Associate Professor, Head of the Laboratory of Sociology and Risk Analysis, Modelling, and Prediction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ASHChekoturov@kantiana.ru

To cite this article:

Shchekoturov A. V. 2018, Social media interfaces as a representation of cultural meanings, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 43–53. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-4.

**СИМВОЛИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ
И СЕМИОЗИС ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

В. Э. Согомонян¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 18.08.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-5

Рассматривается влияние современной массовой культуры, ее символической системы, сюжетов и героев на политический дискурс. Отмечается, что анализ образов популярных героев современной массовой культуры (МК) может открыть целостный образ того или иного общества, серийно «воспроизводящего» этих героев и уподобляющегося им. Соответственно, модус продуцирования реально эффективного политического дискурса (ПД) в современном обществе не может не учитывать тиражируемые (МК) образцы поведения и особенности унификации социальных институтов/ролей, а потребление ПД в плане семиозиса его отдельных актов в социуме будет неизбежно коррелировать со структурными особенностями сюжетов МК.

Ключевые слова: политический дискурс, массовая культура, мимезис, избыточность, тираж.

Результатом слияния традиционных публичных медийных пространств с новыми и образования современной (хочется сказать — тотальной) публичной сферы, вопреки гипотетическим ожиданиям, стало не поглощение традиционных медиапространств новыми или наоборот, а их математическое приплюсование друг к другу, с установлением *by default* новых правил продуцирования коммуникации в качестве «общих». В итоге, с одной стороны, печатные издания, информационные агентства, радио и телевидение с их традиционными формами и форматами транслирования информации в полной мере сохранили статус легитимных и релевантных публичных пространств, вне зависимости от обстоятельства их взаимопроникновения с Сетью. С другой — тот же статус приобрели и новые медиа, успешно внедрившие в обиход целый ряд новых форм и способов непосредственного распространения информации — от коротких текстовых сообщений до медиафайлов и проведения прямых видеотрансляций. Акторм публичного дискурса и, в частности, ПД в условиях сложившейся беспрецедентной ситуации **избыточности пространств распространения и потребления информации** по отношению к продуцируемому «обычному» объему политической информации, с учетом лишь фраг-

ментарно совпадающих многомиллионных аудиторий различных традиционных и новых медиа, как и необходимости соответствовать современным условиям продуцирования коммуникации, пришлось параллельно использовать значительное количество из предлагаемых различными медиа разнообразных возможностей; лишь немногие из более или менее видных общественных деятелей и политиков провели для себя «медийную сегрегацию», остановив свой выбор на каком-нибудь одном сегменте.

В свою очередь, использование новых возможностей экстерииоризации, как и значительное расширение репертуара возможных и допустимых в плане информирования общества действий, совершаемых, в частности, носителями власти в публичном пространстве, привело к возникновению явления **избыточности информации**¹. Кроме того, результатом диверсифицированной медийной деятельности адресантов ПД стала еще и **избыточность сообщений псевдоинформационного характера** в публичном пространстве: речь идет о значительном количестве сообщений, которые по сути неинформативны в плане субъекта или явления, к которому принадлежат, как и в плане объекта или феномена-экстенционала, о котором сообщают, однако в силу тождественности ряда формальных и содержательных характеристик фигурируют в различных медиа именно в качестве информационных сообщений и наряду с ними.

Теперь обратимся к рассмотрению аспекта, имеющего онтологическую взаимосвязь с этим рядом явлений с общей характеристикой избыточности. Речь идет о *многократном увеличении «тиража»* символических комплексов массовой культуры (МК) за прошедшее десятилетие. В условиях умножения количества медийных пространств, каналов транслирования медиа-продукции, как и в условиях разграничения физического пространства и времени потребления «продуктов» МК — по точной аналогии с рассмотренным выше модусом потребления общественно-политической информации, — диверсифицированная и разножанровая представленность в публичной сфере, как и частота демонстрируемости символических комплексов МК² в медиапространстве, многократно увеличилась. В результате герои и сюжеты (или концепты, если речь идет об интернет-культуре как сегменте МК) наиболее популярных произведений МК представлены сегодня в публичной сфере беспрецедентно широким образом.

На наш взгляд, данный аспект может стать предметом отдельного политологического исследования (трансдисциплинарного характера с

---

¹ Здесь интересно обратиться к наблюдению У. Эко из работы «От древа к лабиринту: исторические исследования знака и интерпретации»: «Если уже при Фемистокле и Цицероне существовал страх избытка информации, то с изобретением печати эта проблема будет все больше и больше возрастать, ведь печать не только предоставляет огромное количество текстуального материала, но и облегчает любому человеку доступ к информации» (Эко, 2016, с. 82).

² Вкупе — «тираж» символических комплексов МК.

использованием инструментария и методов лингвистики, семиотики и социальной психологии) прежде всего в свете вызванных им к жизни двух явлений — *увеличения миметической составляющей в социальных действиях индивидов и формирования унифицированного конвенционального эмотивного «языка»*, так как их актуализация оказывает значительное влияние на характер продуцирования и потребления ПД.

Попробуем показать, каким образом это происходит.

Функционирование в обществе основанных на подражании героям МК различных субкультур (например, так называемой субкультуры косплея³) — одна из наиболее ярких форм проявления мимезиса в социальном действии; по сути, это перманентное коллективное социальное действие, содержащее элементы подражательной ролевой игры. Так, косплей подразумевает, во-первых, перевоплощение индивида в персонажей различных фильмов, комиксов, аниме, а также типичных представителей той или иной национальной культуры (рыцарей, гейш, императриц и др.) (Самойлова, 2012, с. 168). «Первостепенную роль в отождествлении себя со своим персонажем, несомненно, играет костюм, подражание манере поведения и жестам. Косплееры, которые полностью соотносят себя с персонажем, стараются воспроизвести всё до мельчайших деталей, включая и особенности мира, где действует персонаж» (Самойлова, 2012, с. 168). Последователи этой субкультуры, перевоплощаясь, перенимают и нормы / особенности поведения объектов подражания. «Знать, как ведет себя персонаж, не менее важно, чем шить хороший костюм (имеется в виду — похожий на костюм конкретного героя. — В. С.). Некоторых героев без правильной подачи не узнать» (Аташева. Косплей как стиль жизни). Мимезис здесь, таким образом, выражается через форму полного подражания тем или иным героям МК посредством всестороннего уподобления (через стиль одежды, говорения, полноценное повторение или имитацию повторения отдельных поступков и др.). Как отмечает один из исследователей косплея, человек, становящийся приверженцем этой субкультуры, более не отягощает себя мыслями о том, как прожить данный отрезок жизни: что отвечать, во что одеться, как себя вести, потому что все это уже придумано создателями образа (Черникова, 2013, с. 75–79). Во-вторых, косплей подразумевает совершение индивидом направленных на социум публичных действий в выбранном образе, с тем чтобы подтвердить реальное существование персонажа, создать для него возможность «перцептивного присутствия» в объективном мире. «Персонаж словно перестает быть вымышленным героем и мыслится как реальный, контакт с которым возможен. Таким образом, косплей становится своеобразным “мостом” между реальным и ирреальным мирами» (Самойлова, 2012, с. 168).

Очевидно, что трансформирование того или иного образа МК в объект косплея или иной подобной ему миметической субкультуры прежде всего обусловлено массовой популярностью представляющих

---

³ Сокр. от англ. *costume play*.

его символических комплексов МК, существованием конвенционального культурного и оценочного контекста в обществе по отношению к этим произведениям, наличием общих и общедоступных знаний об особенностях конкретных объектов подражания и т. п. Соответственно, трансформация какого-либо образа или концепта МК в объект так называемого фэндома⁴ или косплея практически невозможна без обеспечения больших тиражей распространения: анализ генезиса этих субкультур выявляет аспект массового знания о конкретном герое МК и его характеристиках в качестве основного⁵. Именно этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что в XX веке (с его ограниченными по сравнению с современным периодом медийными возможностями) единственными общепризнанными объектами косплея были персонажи переведенного на многие языки мира и опубликованного даже в СССР произведения английского писателя Джона Толкина «Властелин Колец», несмотря на очевидность существования и иных, больших или малых (наподобие дворовых игр в Робина Гуда), локальных или транснациональных фэндом-движений. Тогда как за последнее десятилетие, вместе с увеличением количества символических комплексов МК и их «тиража» в медиaprостранстве, ансамбль объектов косплея многократно расширился и продолжает расширяться, охватывая героев не только кинофильмов или комиксов, но и мультфильмов (таких, например, как «Холодное сердце» студии Disney), и компьютерных игр («Lineage», «Ragnarok», «Assassin's Creed» и др.) (Самойлова, 2012). Более того, на фоне широкой распространенности косплея в современном мире и формирования обслуживающих его коммерческих инфраструктур, с учетом обусловленной рыночными требованиями художественной «выверенности» продуцируемых крупными медиа- и кинокомпаниями символических комплексов МК, как и расширяющей свои границы благодаря возможностям интернет-торговли «героической индустрии» (символика, одежда, игрушки, атрибутика и т. п.), практически любое произведение МК имеет шанс на трансформирование своих героев в объект «фэндома».

Уже только в силу этих обстоятельств увеличение миметической составляющей в социальных действиях индивидов в современном обществе должно выглядеть естественным. Однако следует учитывать еще и массовые «тиражи» другого, нового сегмента МК – концептов интернет-культуры (например, типичных гримас, наподобие известной «дакфейс»; фотографирования еды; различных челленджей; эмоциональных стикеров и т. д.), где мимезис является единственным смыслом символического взаимодействия; в этом сегменте аспект тиража имеет без-

⁴ От англ. *fandom* – сообщество фанатов.

⁵ В качестве примера можно рассмотреть TOP-10 за 2016 год сайта IMDb – профессиональной организации по присуждению рейтингов художественным фильмам. URL: https://www.imdb.com/best-of/top-movies-of-2016/ls066361114/?mo de=desktop&ref=m_ft_dsk

условно доминирующее значение в ущерб как художественному содержанию (или содержанию вообще), так и гипотетической включенности концепта в общепринятую систему ценностей того или иного общества. В общем итоге следует констатировать, что в наши дни «культура подражания» из специфического проявления общества превратилась в элемент повседневных — межличностных и публичных — интеракций.

Обратимся также и к процессу формирования унифицированного конвенционального «языка» эмоций в системе современных коммуникаций. Поясним: речь идет об аутопойетическом, вызванном новыми условиями публичного символического взаимодействия процессе «перевода в знаки», стандартизации и структурировании в иконические знаковые системы универсума человеческих эмоций, иными словами — о формировании стандартизированного и визуализированного эмотивного «языка», имеющего собственный «словарь», «слова» которого, при переводе на любой из национальных языков будут обозначать аналогичные эмоции. Самым простым примером здесь, безусловно, может стать тот же язык «эмоджи», представляющий из себя именно такую знаковую систему с указанными только что характеристиками, наднациональная конвенциональность которой была обеспечена вновь при помощи массового тиража⁶ — как известно, этим языком оснащены все современные операционные системы, устанавливаемые на смартфонах и гаджетах. В качестве примера можно привести и «иконизацию» в серии мемов и «стикеров» отдельных антропологических качеств, чувств и ощущений, или — в терминах Ж. Делёза — «ощущений-вещей» и сущностей (Делёз, 2016, с. 119); это такие общеизвестные серии, как «Pokerface» (качество невозмутимости), «Like a boss» (качество вальяжности); серия «Склонивший голову персонаж» (чувство грусти), серия «No words» (чувство бессилия перед обстоятельствами); серия «Раненый персонаж» (ощущение боли), «Заткнувший уши персонаж» (ощущение невыносимого шума или нежелания слушать) и т. д.

Однако рассматриваемый процесс имеет и гораздо более сложные проявления, заслуживающие, на наш взгляд, особого внимания. В условиях беспрецедентно массовых тиражей концептов МК, как и с учетом их транснационального характера, в многоплановые объекты «иконизации» и образного унифицирования автоматически трансформируются как различные социальные институты, так и разные социальные роли. Ю.С. Белоусова отмечает: «Каждый современный человек западной культуры знает, как выглядит, например, идеальная семья. Эти коды заложены в сознание человека и создаются с помощью медиа: кинематографом, ток-шоу, телевидением, рекламой. Поэтому, когда в рекламе папа, мама и сын, обедающие за круглым столом, первое сообщение, которое декодируется потребителем, — перед

⁶ Интересно отметить, что кинокомпания «Pixar» сняла анимационный фильм о персонажах «эмоджи», который пользуется большой популярностью.

ним идеальная семья» (Белоусова, 2012, с. 28). Современное медийное пространство изобилует подобными комплексными «иконическими» объектами (из социальных институтов — «семья», «коллектив» «друзья»; из социальных ролей — «мать-одиночка», «честный полицейский», «современная женщина», «приверженец здорового образа жизни» и т.д.); они распознаются индивидами-адресатами в силу их ратифицированности и частой встречаемости в более или менее унифицированных вариациях в различных символических комплексах/концептах МК. Эти объекты (назовем их *ингениумами*⁷) по сути представляют собой полностью оформленные и практически законченные сложные образы, наделенные уже «придуманными» своеобразными нормами поведения, собственным стилем говорения, особой манерой одеваться, а также собственной «судьбой»: наиболее распространенные и повторяющиеся сюжетные структуры МК очерчивают определенные границы «прошлого» и «будущего» этих образов. Кстати, возвращаясь к явлению увеличения миметической составляющей в социальных действиях и перефразируя уже приведенную выше цитату, отметим, что человек, уподобляющийся одному из ингениумов, может более не отягощать себя мыслями о том, как прожить данный отрезок жизни, — все уже придумано создателями образа. Здесь уместно вспомнить идею К. Леви-Стросса о том, что на самом деле не люди мыслят в мифах, а мифы мыслят в людях без их ведома (люди лишь частично и не непосредственно осознают их структуру и способ действия) (Леви-Стросс, 2006, с. 20).

Каким же образом продемонстрированные выше явления, вызванные к жизни аспектом увеличения «тиража» символических комплексов МК, влияют на продуцирование и потребление ПД в современном обществе?

«Извлекаемые из социального опыта нормы поведения, которые и З. Фрейд (в понятии *суперэго*), и Э. Дюркгейм (в понятии *коллективного сознания*) считали составной частью личности, должны считаться и частью социальной системы» (Парсонс. Системы действия и социальные системы), — отмечает Т. Парсонс. Особенности транслируемых в публичном пространстве образцов и норм поведения, которые перенимаются индивидами для миметического продуцирования социальных действий, таким образом, становятся определителями сущностных характеристик конкретного социума в целом, тем более, если речь идет о беспрецедентных объемах «тиражей» и аспект наиболее полного охвата аудитории не вызывает споров. Постулат К. Юнга о том, что при попытке понять какой-либо символ мы сталкиваемся не только с самим символом, но и с целостностью индивида, воспроизводящего эти символы (Юнг, 1991, с. 207), в данном контексте должен прочитываться в том плане, что анализ образов популярных героев современной МК и

⁷ От многозначного лат. *ingenium* — характер, талант, дар, природное свойство, знания.

наиболее популярных инжениумов может открыть целостный образ того или иного общества, массово «воспроизводящего» этих героев и уподобляющегося им. Соответственно, модус продуцирования реально эффективного ПД в современном обществе не может не учитывать тиражируемые МК образцы поведения и особенности унификации социальных институтов/ролей, а потребление ПД в плане семиозиса его отдельных актов в социуме будет неизбежно коррелировать со структурными особенностями сюжетов МК (преображаемых через коллективный мимезис в определенные последовательности социальных действий). Как справедливо отмечает Д. Карцев, выбирая, за кого отдать голос, современный избиратель будет все больше напоминать посетителя кинотеатра, который ищет фильм поувлекательнее (Карцев. Больше, чем партия).

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

Аташева К. Косплей как стиль жизни. URL: <https://www.mirf.ru/geek/kosphey-chto-takoe> (дата обращения: 05.03.2018).

Белоусова Ю. В. Медийный образ как средство коммуникации // Грамота. 2012. № 12 (26). С. 27 – 31.

Делёз Ж. Кино / пер. Б. Скуратова. М., 2016.

Карцев Д. Больше, чем партия. Что показали выборы в Голландии. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=68321> (дата обращения: 22.12.2017).

Левин-Стросс К. Мифологии: сырое и приготовленное / пер. А. З. Акопяна и З. А. Сокулер. М., 2006.

Парсонс Т. Системы действия и социальные системы. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/parsons_modern_soc_systems.html (дата обращения: 05.03.2018).

Самойлова Е. О. Семиотические и онтологические аспекты феномена «косплей» // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании : матер. науч. конф. Тверь, 2012. С. 165 – 171.

Черникова П. Г. Парадокс трансцендентального в массовой культуре // Общество, среда, развитие (Terra Humana). М., 2013. С. 203 – 206.

Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / пер. О. А. Поповой-Пле. М., 2016.

Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991.

Об авторе

Виктор Эрнестович Согомонян, доктор политических наук, кандидат филологических наук, руководитель канцелярии экс-президента Республики Армения; исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: victorsoghomonyan@gmail.com

Для цитирования:

Согомонян В. Э. Символические комплексы массовой культуры и семиозис политического дискурса в современном обществе // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 54–62. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-5.

THE SYMBOLIC COMPLEXES OF MASS CULTURE
AND THE SEMIOSIS OF POLITICAL DISCOURSE

V. E. Soghomonyan¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on August 18, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-5

In this article, I address the influence of modern mass culture (MC), its symbolic system, narratives, and protagonists on the political discourse. I emphasise that an analysis of the images of mass culture protagonists can give a complete picture of the society that continuously reproduces these protagonists and seeks to resemble them. Therefore, the mode of the production of effective political discourse (PD) in modern society cannot ignore either the patterns of behaviour replicated in MC or the features of the unification of social institutions and roles. In terms of semiosis and its individual acts, the consumption of PD in society will necessarily correlate with the structural features of MC.

Keywords: political discourse, mass culture, mimesis, redundancy, circulation.

References

- Atasheva, K., 2015. *Kosplei kak stil' zhizni* [Cosplay as a lifestyle]. Available at: <https://www.mirf.ru/geek/kospley-cto-takoe> [Accessed 05 March 2018].
- Belousova, Yu. V., 2012. Media image as a means of communication. *Gramota* [Diploma], 23(26), pp. 27–31 (in Russ.).
- Delez, Zh., 2016. *Kino* (Movie). Moscow (in Russ.).
- Kartsev, D., 2017. *Bol'she, chem partiya. Chto pokazali vybory v Gollandii* [More than a party. What the elections in Holland showed]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=68321> [Accessed 22 December 2017].
- Levi-Strauss, K., 2006. *Mifologiki: syroe i prigotovlennoe* [Mythology: raw and cooked]. Moscow (in Russ.).
- Parsons, Y. *Sistemy deistviya i sotsial'nye sistemy* [Action systems and social systems]. Available at: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/parsons_modern_soc_systems.html [Accessed 05 March 2018].
- Samoilova, E. O., 2012. Semiotic and ontological aspects of the phenomenon of "cosplay". In: *Ponimanie i refleksiya v kommunikatsii, kul'ture i obrazovanii. Materialy nauchnoi konferentsii* [Understanding and reflection in communication, culture and education. Proceedings of the scientific conference]. Tver, pp. 165–171 (in Russ.).
- Chernikova, P. G., 2013. The paradox of transcendental in popular culture. *Obshchestvo, sreda, razvitie* [Society, environment, development], 1(26), pp. 203–206 (in Russ.).

Eco, U., 2016. *Ot dreva k labirintu. Istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii* [From the tree to the maze. Historical studies of the sign and interpretation]. Moscow (in Russ.).

Jung, C., 1991. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow (in Russ.).

The author

Prof. Viktor E. Soghomonyan, Head of the Office of the ex-President of the Republic of Armenia; Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: victorsoghomonyan@gmail.com

To cite this article:

Soghomonyan V.E. 2018, The symbolic complexes of mass culture and the semi-osis of political discourse, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 54–62. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-5.

**РИТОРИКА И ЛОГИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877—1878 ГОДОВ
В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*А. А. Тесля*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 10.08.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-6

Балканский кризис 1875–1876 годов и последовавшая за ним русско-турецкая война 1877–1878 годов стали первыми масштабными внешнеполитическими столкновениями Российской империи в принципиально новых условиях существования публичной сферы, вовлеченности широких слоев населения в происходящие события в силу военной реформы 1874 года, изменившей принцип комплектования армии с рекрутских наборов на службу по призыву и т.д. Новая реальность в виде публичной сферы, активно формировавшейся с 1850-х годов, предполагала новые языки как описания, так и преобразования реальности в целях формирования коллективного действия. Широкое общественное возбуждение, охватившее самые разные слои Российской империи в 1876–1877 годах, демонстрирует наличие работающей мобилизующей риторики, в то время как быстрое последующее разочарование и фактическое «аннулирование» со стороны общественного мнения событий тех лет заставляют предполагать, что наличный язык мобилизации был санкционирован властью, но не контролировался ею или контролировался далеко не в полной мере. Проанализировано устройство общественного языка 1876–1877 годов, на котором разные участники формировали и фиксировали свое отношение к происходящим событиям. Выделяется ряд ключевых оппозиций, используемых большинством участников и анализируемых с точки зрения проблематики ориентализма. Показано, что ориентальное видение конфликта позволяло одновременно осуществить подразумеваемое «вестернизирование» образа Российской империи, в то время как критика этой модели осуществлялась через помещение обеих конфликтующих сторон в общую ориентальную рамку, однако без уравнивания сторон: самоориентализация оказывается здесь политическим вызовом, требующим вестернизации, в отличие от «сущностного востока» другой стороны конфликта. Политические власти Российской империи оказались не способны вполне контролировать предложенную ими широкую риторическую рамку, и осознание этих проблем, среди прочего, привело к качественным переменам в риторике официальной репрезентации наличного режима в 1880-е годы.

Ключевые слова: ориентализм, политическая семиотика, политическая репрезентация, риторика власти, русско-турецкая война 1877–1878 годов.

Вера Аксакова, дочь Сергея Тимофеевича, реагируя на события Крымской войны, писала 28 марта 1855 года своей ближайшей подруге и кузине, Марии Карташевской, в Петербург:

Ты не можешь, конечно, себе представить, мой милый друг, живучи в Петерб^б<урге>, какая разительная перемена совершилась в продолжение этих двух лет в простом народе. <...> Ум, участие и знание русского народа были заключены до сих пор в тесных пределах их быта, их собственных нужд, но все эти события, эта война, вопросы о защите веры, поднятые ею, до такой степени потрясли его, возбудили его участие, его любознательность, расширили его знания, что мы истинно бываем часто поражены их вопросами, рассуждениями, их знанием подробным и верным всех настоящих обстоятельств; конечно, я могу тебе говорить только об окружающих крестьянах, но и в них прежде этого не было. *Крестьяне, которые ездят в Москву, нарочно ходят в иные трактиры, где им читают ведомости, а где есть грамотные, то достают прочитанные газеты и привозят к себе в деревню, где и бабы слушают и все знают* (курсив наш. — А. Т.) (Дмитриев, Федоров, 2016, с. 133).

Этот рядовой текст показателен тем, что на ранних стадиях демонстрирует изменения, ставшие очевидными два десятилетия спустя:

— во-первых, быстро идет формирование новой, публичной сферы, что в рамках славянофильской лексики в начале 1860-х годов Иван Аксаков зафиксировал как появление «общества», придавая ему новое, отличное от ранее бытовавшего в языке, значение. Если ранее мы видим один ряд связанных словесных форм, через которые легко просматривается значение ключевого понятия — «хорошее общество», «светское общество», «свет», «быть в обществе», то теперь значение меняется — новое «общество» не может быть увидено «лицом к лицу», круг лиц, участвующих в публичной коммуникации, неопределен;

— во-вторых, стремительно расширяется круг вовлеченных в обсуждение «общественных» вопросов и тех, кто так или иначе испытывает к ним интерес. Правда, к «народу» (в значении «простонародья») это в большинстве ситуаций не относится, однако именно 1855 год впервые меняет ситуацию. На долгое время этот опыт так и будет оставаться единичным и не получит своего осмысления, что вполне закономерно, поскольку в последующие годы ситуация вернется в привычные границы: крестьянский мир в подавляющем своем большинстве окажется вновь за пределами «большой информационной повестки», реагируя лишь на новости, связанные с аграрными реформами и налоговыми обязательствами.

Лишь в ситуации 1876—1878 годов, на новом уровне повторившей предшествующую, сложится новый тип поведения: появится новый тип читателя и новая большая читающая аудитория — крестьянская и низовая городская (между ними нельзя будет провести четкого разграничения, поскольку большая часть городских фабричных и заводских работников, как и многих служащих в мелких лавках и т. п., будут сезонными работниками, а даже в случае, когда их работа станет постоянной, они будут на протяжении десятилетий сохранять свои связи с деревней).

Появление первых заметных черт этой новой аудитории в 1855 году связано с формированием ополчения. Если до этого момента, до 1854 года, война воспринималась весьма схоже с предшествующими конфликтами, то к осени того же года ситуация изменилась.

Следует отметить, что для первой половины XIX века в Российской империи, как и в Великобритании (и во всех европейских странах в XVIII веке), война была состоянием, не изымающим «из обычного порядка вещей», не противоположным повседневности, а ее частью (за исключением войны 1812 года). Войны велись профессиональными армиями, солдаты набирались через рекрутские наборы, то есть для офицеров и их семей война была именно тем, ради чего офицеры и жили. Войне радовались и в том смысле, что она изымала из рутины провинциальной жизни, и в том, что давала шансы на продвижение и карьеру и поднимала достаток за счет как увеличенного походного содержания, так и ослабления контроля по распоряжению средствами отряда, выводившимися из-под бдительности казначейства и ревизоров. Для подавляющего же большинства — тех, кто являлся поставщиком рекрутов, — следить за военными действиями не представляло интереса, поскольку эти события оказывались не связаны с их жизнью, за исключением разве что возможности усиленного рекрутского набора, поскольку, попадая в армию, рекрут практически навсегда изымался из семейной среды и, соответственно, был потерян для последней.

Ополчение, созыв которого был объявлен в 1854 году, принципиально меняло ситуацию. Ополченцы призывались лишь на время, они были зачастую уже людьми семейными, так что для крестьян теперь следить за происходящими событиями становилось непосредственно связанным с их интересами (тем более что ходили слухи, что ополченцев затем освободят от крепостной зависимости). Военные действия, дипломатические переговоры, правительственные заявления переплелись с заботами повседневности¹.

¹ Здесь следует оговориться о двойном значении понятия «повседневности» при характеристике восприятия войны в первой половине XIX века. Во-первых, само положение империи в состоянии войны или мира не выступало как два прямо противоположных порядка, меняющих реальность, поскольку войны этого времени не только были регулярны, но и практически не прекращались. Напомним, что только с Османской империей Российская империя с 1800 года была в состоянии войны с 1806 по 1812 год и с 1828 по 1829 год, в 1833 году оказав, напротив, активное военное содействие Порте в ее конфликте с Египетским хедивом; с Персией Россия воевала с 1804 по 1813 год и с 1826 по 1828 год. Вторая четверть XIX века для Европы была периодом мира после длинной череды Наполеоновских войн, из которых Россия принимала участие сначала в войне 1805 года, затем — вместе с Пруссией — в войне 1806—1807 годов, а после в войне 1812 года, продолжившейся коалиционной войной 1813—1814 годов. В войне «ста дней» 1815 года российская армия принять активное участие не успела, но затем играла большую роль в рамках оккупационного корпуса, размещенного во Франции во время Второй Реставрации. Во второй четверти XIX века, как уже говорилось, Европа преимущественно наслаждалась миром, но и здесь российская армия сражалась с армией Царства Польского в ходе мятежа 1830—1831 годов, фактически вылившегося в полноценную войну, а в 1848—1849 годах играла решающую роль в подавлении Венгерского восстания, придя на помощь правительству Австрийской империи. О среднеазиатских экспедициях, в первую очередь походе Перовского, можно не упоминать, но отметим, что военные столкновения на этих границах империи

За два десятилетия, отделяющих Крымскую войну от начала балканского кризиса (1875), в Российской империи успели произойти кардинальные изменения: сформировалось публичное пространство, сфера общественного мнения (см.: Тесля, 2017а), военная реформа 1874 года создала армию, комплектуемую по призыву, распространение грамотности определило развитие массовой печати. В последнем отношении показательны примеры издательских успехов А. А. Суворина и И. Д. Сытина — если первый, создав «Новое время», ориентировался на широкие городские круги (и разветвленная корреспондентская зарубежная сеть, быстрота доставки новостей с театра военных действий стали в 1877 году источником его успеха, сделавшего «Новое время» самым популярным общенациональным изданием, сохранявшим свои позиции вплоть до начала нового столетия), то Сытин, начинавший свою карьеру коробейником, ориентировался на малограмотную публику, обнаружив в ней в ходе войны 1877—1878 годов новый рынок для печатных изданий, соответствующих ее восприятию — близких к лубку и аналогичной продукции.

В ситуации войны 1877—1878 годов в восприятии публики, которое отчетливо передается в публицистике — в первую очередь в военных корреспонденциях В. И. Немировича-Данченко и затем многочислен-

были регулярны, а для кавказского региона центральным событием на протяжении полувека стала Кавказская война 1817—1864 годов. Для офицеров и солдат боевой опыт этого периода, в отличие от периода 1860—1890-х, был практически универсальным, в свою очередь, поступить «вольноопределяющимся» было достаточно обиденной практикой (напомним об опыте Льва Толстого, поступившего добровольцем в Кавказскую армию и собиравшегося подать в отставку в 1853 году, но в связи с началом Крымской войны отставки были отменены, и таким образом он оказался в Севастополе). Однако, во-вторых, с этим связано и другое значение войны как «повседневности» — в том плане, что военное состояние, за исключением войны 1812 года, практически не меняло ритма жизни тех слоев общества, которые непосредственно не были связаны с войной. Нам сейчас затруднительно это осознать в силу радикально иного опыта военных противостояний последующего века, но война между державами в некоторых случаях могла даже не исключать сохранения между их подданными торговых отношений. Отражая уже меняющийся опыт, В. Аксакова в письмах М. Карташевской высказывает возмущение тем, что в Петербурге война практически незаметна, светские и публичные увеселения идут своим чередом, обсуждаются новые книги, ездят в театр и т. д., а московское общество также во многом не меняет своих обычных дел, разве что приобретая новые предметы для салонных разговоров и новые темы для благотворительных балов (см.: Дмитриев, Федоров, 2016). Но и для нее одним из основных предметов внимания в 1854 году является, с одной стороны, выход в свет первой биографии Гоголя, а с другой — подготовка ее отцом, С. Т. Аксаковым, воспоминаний о Гоголе для П. А. Кулиша, занятого работой над новым, расширенным изданием биографии (см.: Аксакова, 2013). Тем самым она демонстрирует разрыв между уже активно складывающимися новыми, позднемодерными представлениями о войне как феномене, затрагивающем все общество, что станет вполне осознанным и реализованным в опыте «тотальной войны» Первой мировой, предполагающей «тотальную мобилизацию» (см.: Юнгер, 2002; исторический комментарий: Гузикова, 2004), и воспроизводимыми ею на практике иными, прежними моделями поведения.

ных романах, написанных им на те же сюжеты, — появляется новый феномен — «воюющего народа». События войны теперь относятся не к солдатам и офицерам, людям особой социальной группы, всем стилем и образом жизни отделенной от остальных, а к самой читающей публике. В этом смысле показателен выбор персонажей одного из самых популярных романов В. И. Немировича-Данченко на эти темы, «Плевна и Шипка» (Немирович-Данченко, 1902), вышедшего первым изданием в 1881 году: (1) сестра милосердия, из бедных дворян, ранее театральная драматическая актриса, игравшая и в провинции, и в столицах; (2) офицер, из студентов, ее поклонник — между ними и строится любовная линия романа; (3) московская семья ее друзей — доктор и два его сына: старший уходит вольноопределяющимся рядовым, а доктор поступает добровольцем в военный госпиталь, оставляя младшего учиться, дабы было кому позаботиться о матери в случае смерти отца и сына на войне; (4) старый солдат-вольноопределяющийся, бывший швейцар, из крестьян, уходящий на войну ради исполнения христианского долга. Здесь примечательно и то, что все персонажи, поставленные в центр повествования, оказываются вольноопределяющимися, то есть в современной терминологии добровольцами, что позволяет автору показать войну глазами своих читателей — обычных людей, тех, с чьим опытом легко себя соотнести².

В позднемодерных условиях, в частности в процессе возникновения публичной сферы и всеобщей воинской повинности, требовалась принципиально другая риторика, чем в предшествующих военных конфликтах. Власти надлежало для успеха общественной мобилизации сформулировать риторику, позволяющую присоединиться и разделить ее, интроецировать сторонникам самых разных позиций и взглядов. В результате ключевыми образами, в которых репрезентируется сначала балканский кризис, а затем война 1877–1878 годов, становятся отражающие/выражающие следующие дихотомии:

- (1) свобода vs. рабство;
- (2) цивилизация vs. варварство;
- (3) гуманность vs. жестокость;
- (4) Запад vs. Восток;
- (5) христианство vs. ислам.

---

² Отметим, что близкий друг Немировича-Данченко В. В. Верещагин в своих очерках, посвященных тем же событиям (Верещагин, 1898), занимает последовательно иную позицию — человека знающего, имеющего военный опыт, объясняющего военные события и психологию похода, атаки, обороны. Его основными персонажами, соответственно, выступают профессиональные военные, в первую очередь генерал Скобелев и отчасти сам Немирович-Данченко, участвующие в тех же событиях в статусе, сходным с художником. То есть Верещагин акцентирует особость, отличие своего опыта от опыта читателя, понимание, ему недоступное — профессиональный взгляд, тогда как Немирович-Данченко принципиально старается выстроить единое пространство опыта с читателем, говоря с позиции непрофессионального военного, добровольца, оказавшегося на войне впервые, — и для которого этот опыт так и остается уникальным, нетривиализируемым.

На них мы остановимся чуть позже, а пока уделим пристальное внимание сложной судьбе шестой, самой универсальной дихотомии: мужское vs. женское. Разумеется, в ситуации военного конфликта своя сторона должна ассоциироваться с «мужским» (выступающим в ряду понятий «активное», «воинственное» и т.п.). Однако реальность предсказуемым образом оказывается гораздо более сложной — не останавливаясь на расхожести представления Отечества в женской ипостаси, отметим привычную для XIX века связь Отечества со Свободой, а система образов обретает законченность в «Свободе на баррикадах» Эжена Делакруа. Как известно, Делакруа, много раз редактируя центральный образ картины, в итоге создает из «Марианны» (репрезентации Отечества) не только визуализацию Свободы, но и, что особенно важно, придает ей пластику античной Ники, то есть победы, соединяя тем самым Отечество, Свободу и Победу в единый образ, что и сообщает ему такую силу и значимость (см.: Кожина, 1969).

Романтический набор образов значим в данном случае постольку, поскольку именно «романтическое» прочтение играло определяющую роль в формировании «ориентализма» 1830—1840-х годов, на протяжении десятилетий затем ставшего готовой системой образов и представлений, к которым обращались, говоря о «Востоке».

«Восток» в смысле ориентализма явился базовой рамкой для репрезентации образов, связанных с балканским кризисом 1876 года — достаточно вспомнить известные работы «Болгарская мученица» М.О. Микешина (1876) и «Болгарские мученицы» К.Е. Маковского (1877)³. Здесь «ориентальное» позволяло многое:

(1) изображать полунагую натуру, в иных случаях строго возбранявшуюся в силу вкусов русского общества (напомним, что в собрание П.М. Третьякова не вошла ни одна картина с обнаженной или полуобнаженной натурой);

(2) в политических и общественно приемлемых формах соединять садомазохистские образы — сцены сексуального насилия одновременно предьявлялись и осуждались, причем сами жертвы насилия выступали в эстетически привлекательном виде;

(3) в случае «Болгарской мученицы» Микешина есть и прямое обращение к христианской иконографии — мученичеству св. Себастьяна, заменяемого здесь на конвенциональную (в отличие от перверсивного в восприятии многих римского мученика) молодую женщину, христианский иконографический мотив легко увидеть и у Маковского в его изображении предстоящей жертвы насилия — молодой матери с младенцем.

Вообще тема мученичества — и в первую очередь именно сексуального насилия, зачастую с детально и сладострастно описываемыми пытками, иногда лишь в виде отсылки — оказывается ключевой при описании «болгарских страданий». Этот мотив сохранится на долгое время — так, классик болгарской литературы Иван Вазов, участник ап-

³ См. специальное рассмотрение визуальных репрезентаций русско-турецкой войны 1877—1878 годов в аспекте данной работы: (Тесля, 2018).

рельского восстания 1876 года, много лет проведший в России и в Одессе написавший большую часть своего классического романа «Под иггом» (Вазов, 1985), начинает последний именно со сцены грозящего изнасилования, причем для усиления эффекта жертвой изнасилования предстоит стать тринадцатилетней дочери мельника, а потенциальными насильниками выступают два турка-башибузука. Отметим, что для Вазова эта тематика совершенно не ключевая — он вводит ее как шаблонный прием, но именно в шаблонности соединяется ориентальная тематика в истолковании Эдварда Саида. «Восток» здесь пространство того, что запрещено на «Западе», дозволенность или возможность таких чувств и действий, которые на «Западе» поставлены под запрет: сексуальное насилие над малолетней, публичность сексуальных действий (на глазах отца), групповой секс. Для Вазова реакция главного героя романа, ведущего себя как конвенциональный «западный»/«европейский» человек и защищающего жертву, убивающего в порыве безотчетного гнева обоих насильников, — демонстрация «европейскости» болгар, точнее, «лучших представителей» болгарского народа, что доказывает его право на независимость и т. д. Болгары оказываются «Европой» по отношению к туркам. Что одновременно вскрывает и соотносительность этих категорий — «Запад» и «Восток», «Европа» и «Турция» определяются по контексту: то, что выступает «Европой», «европейским» по отношению к одному, само оборачивается «Востоком» в сопоставлении с иным. Эти мотивы, в частности, будет обыгрывать Алеко Константинов в своих фельетонах про бая Ганю (Константинов, 1979), демонстрируя «ориентальность», «турецкость» болгар и необходимость для них воспитывать себя, проводить над собой работу цивилизации, а в ситуации 1876 года оборачиваемость «Востока» станет исходной точкой рассуждений Драгоманова, сопоставляющего «турок внешних» с «турками внутренними», под которыми будет понимать наличный режим Российской империи⁴.

В противостоянии Османской империи Российская представала, во первых, носительницей «европейских» начал (вне зависимости от того, как уже каждый из участников дискуссии сам определял положение России по отношению к Европе), что снимало внутреннее напряжение и позволяло, в разных интерпретациях, одним соотнести себя с «Европой», устранить разрыв между «русским европейцем» и собственной страной, где значительная часть интеллигенции воспринимала себя в качестве носителей иных, более высоких — и, самое главное, внешних — культурных норм по отношению как к правительству, так и к

⁴ Отметим, что в русской литературе 1870-х годов, есть два значимых исключения иной работы с «ориентальным» при воспроизведении самой матрицы ориентализма, где «Восток» оказывается носителем положительного, переосмысляемого по отношению к «Западному». Это тексты Н.И. Костомарова и К.Н. Леонтьева (причем Костомаров в данном случае опирается на восходящую еще к 1850-м модель восприятия «турецкого» и «восточного», выработанную П.А. Кулишем и, в свою очередь, связанную с «туркофильством» в польской прозе кресов 1830–1840-х годов).

большинству «народа», для других же — определять себя и Россию как «подлинную Европу» в смысле носительницы христианских ценностей, защитницы народов и т.д. в противопоставление половинчатой и прагматичной позиции иных европейских держав. Во-вторых, в этом противостоянии на стороне Российской империи оказывалась вся первая часть дихотомий, тогда как Турции безусловно отводилась вторая — когда, например, жестокость и сладострастное мучение интерпретировались как «женственность», то есть жертва и насильник совпали в ключевом, выступая двумя вариантами «женской» части оппозиции «мужскому» как способности контролировать свои чувства и влечения и защищать слабого. При этом насилие над слабым в рамках выстроенной иерархии, в свою очередь, интерпретировалось «ориентально», как черта слабого и женственного, стремление мучить того, кто слабее тебя, в отличие от мужественного поведения соревнования с равным.

Следует отметить, что один мотив войны почти совершенно не звучит в публичной сфере, хотя имеет значение с точки зрения правительства⁵: это реванш за Крымскую войну 1853—1856 годов. Напротив, этот же мотив воспоминаний о Крымской войне возникнет позже, в обстановке дипломатического кризиса весны — лета 1878 года, завершившегося Берлинским договором; это обстоятельство связано с тем, что Крымская война воспринимается в русском обществе того времени как противостояние «Европе» (см., например, характерную первую главу «России и Европы» Данилевского, печатавшуюся в начале 1870-х годов), в отличие как от предшествующих, так и от текущей русско-турецкой войны.

Данная матрица понятий и выстраиваемых в тесной связи с ними образов оказалась весьма эффективной в аспекте общественной мобилизации, позволяя включение в общее действие самых разных общественных групп. Так, земледелец Дмитрий Клеменц, один из создателей радикальной партии, отправляясь из Франции в Россию с целью организации побега Н.Г. Чернышевского, по его собственным воспоминаниям, относился к «общественному возбуждению» 1876 года весьма критично, полагая, что все ограничивается шумихой дозволенных общественных организаций вроде Славянского комитета и заявлениями официозных публицистов. Однако путь до Иркутска и обратно (Клеменц быстро обнаружил невозможность организовать задуманный побег) продемонстрировал ему такую глубину общественного интереса и вовлеченность самых разных народных слоев в происходящее, что во второй половине 1876 года он отправился добровольцем в Сербию, стремясь принять участие в войне (см.: Милевский, Панченко, 2017,

---

⁵ Показательно, что по итогам войны Российская империя вернет себе Бессарабию, с 1856 по 1878 год входившую в состав Дунайских княжеств (Румынии), произведя обмен территориями на Добруджу. Этот «размен» вызовет большое недовольство в Бухаресте, но для Петербурга принцип восстановления власти над прежними имперскими владениями будет преобладающим.

гл. 3). Представитель совершенно других, консервативно-либеральных взглядов Б. Н. Чичерин, достаточно далекий от увлечений панславизмом в предшествующие годы, в 1876 году оказывается, на недолгое, правда, время, сам увлечен происходящим, заявляя в письме к А. В. Станкевичу от 21 июля 1876 года: «Я на войну смотрю как на грозу, освежающую воздух» (цит. по: Китаев, 2004, с. 102)⁶.

Таким образом, мы видим, во-первых, что в отличие от предшествующих аналогичных ситуаций значительных военных конфликтов, участником которых выступала Российская империя, балканский кризис 1876 года и последовавшая за ним русско-турецкая война 1877–1878 годов потребовали со стороны властей активной работы с общественным мнением, причем эта потребность так и не была до конца осознана⁷.

⁶ В скором времени, правда, он изменит свой взгляд — в силу разочарования в южных славянах. Тому же корреспонденту уже 22 ноября 1876 года он пишет: «Я сначала сам готов был стать горою за так называемое правое дело, но видя, как ведут себя наши братья-славяне, я прихожу к убеждению, что они не стоят того, чтобы из-за них проливать кровь. <...> Во всяком случае, глупо проливать кровь из филантропии. Если бы южные славяне были на что-нибудь годны, понимаю, что им можно было бы и следовало бы помочь; но так как из них, очевидно, может быть, еще в течение нескольких столетий ничего не выйдет, то совершенно достаточно общим европейским напором помешать, чтобы их не резали» (цит. по: Китаев, 2004, с. 102–103).

⁷ Последнее обстоятельство заметно по цензурной политике властей — на всем протяжении военных действий они не препятствовали самым радикальным «патриотическим» высказываниям в печати о целях и задачах войны, вплоть до водружения «креста над Святой Софией». При этом в рамках дипломатической подготовки войны изначально правительством были согласованы с Австро-Венгрией возможные территориальные приобретения и в качестве компенсации, для сохранения баланса сил, оговорено установление протектората Вены над Боснией и Герцеговиной, последующая военная кампания сопровождалась постоянными дипломатическими переговорами стран-участниц «европейского концерта». Тем самым и московская, и петербургская печать создавали у публики самые нереалистичные ожидания о возможных результатах военных действий, в связи с чем и прелиминарный договор с Турцией, заключенный в Сан-Стефано, существенно нарушавший оговоренные ранее с европейскими державами территориальные изменения, был воспринят русской публикой как далеко не соответствующий ее надеждам, а Берлинский мирный договор, сильно сокративший приобретения, и вовсе консенсуально был воспринят обществом как «позорный», едва ли не аннулировавший достигнутые военные результаты, и тем самым надолго, едва ли не до наших дней, сообщил войне 1877–1878 годов репутацию «неудачной» именно в аспекте напрасно понесенных военных жертв и недостаточности приобретений. Если не касаться собственно содержательных оценок войны и достигнутых ею результатов, такого рода общественная реакция, выразителем которой стал Иван Аксаков, выступивший с резкой речью против Берлинского договора и призвавший едва ли не к европейской войне — во всяком случае предложив не опасаться оказаться в конфронтации со всеми остальными европейскими державами (см. подробнее: Тесля, 2015), — обусловлена именно тем, что на протяжении войны власти никак не сдерживали «патриотическую» пропаганду, оставляя без внимания последствия «разгорания» общественных настроений. В итоге сама война стала восприниматься как едва ли не

В отличие от предыдущих русско-турецких войн, где цели и оправдание войны обозначались в высочайших манифестах, содержащих общую идеологическую рамку, и имели весьма ограниченный круг и глубину воздействия⁸, война 1877—1878 годов потребовала создания широкой идеологической рамки — в качестве последней оказалась избрана тема «освобождения», далее варьируясь как освобождение «славян», «православных братьев» и т. п.

Во-вторых, эта рамка оказывается базовой для репрезентации всего царствования — от «освобождения крестьян» до «освобождения славян»/«освобождения Балкан», что создает своеобразные логические и риторические последствия:

— с одной стороны, включая саму власть в «освобожденческий» дискурс — дополняя им предшествующую риторику «реформ». Если последняя не предполагала автоматически бесконечной прогрессии⁹, то дискурс «освобождения» означал имплементацию либеральной доктрины — с бесконечностью «освобождения», связанного лишь фактическими условиями. Поскольку фундаментальным здесь, в понятиях дихотомии Исайи Берлина (Berlin, 1969), выступает «негативное понимание свободы» («свобода от»), то достигнуть собственно «свободного состояния» невозможно, свобода оказывается соотносительной — данное состояние более свободно, чем предшествующее, крестьяне свободны в том смысле, что с них сняты ограничения крепостной зависимости, они пользуются правами, которых ранее были лишены, но лишены иных прав или возможности ими воспользоваться, печать свободна в том смысле, что ограничена теперь в меньшей, чем ранее, степени, и т. д. Не случайно следующее царствование начнется с принципиального изменения риторики — на смену «освобождению» и «реформам» как требующим постоянного продвижения на пути изменений в лучшую сторону, в сторону большей свободы, придет риторика «надлежащего», естественного состояния, предполагающего онтологический порядок («естественных мест», в конце концов отсылающих к аристотелевской физике) и тем самым идеальное состояние как состояние покоя/кругового движения (см.: Уортман, 2004), что довольно полно будет представлено в задававших ключевые понятия и круг ассоциаций выступлениях К. П. Победоносцева (см.: Полунов, 2010; Тесля, 2017б)¹⁰;

«бесплодная», вместо ожидаемого укрепления авторитета власти приведет к его ослаблению, что особенно ярко проявилось в начале народофильского террора при безразличии или во всяком случае пассивности общества (см.: Сафронова, 2014).

⁸ См. обсуждение вопроса и текст манифеста 1828 года: (Велижев, 2018).

⁹ Что, кстати, проявлялось в риторике конституционалистов вплоть до начала XX века — достаточно напомнить знаменитую формулу «увенчания здания», то есть логику некоего предела, доведения до логического конца, предполагающегося другими мерами, от гласного суда и свободы печати от предварительной цензуры до земского самоуправления.

¹⁰ Благодарю Ф. А. Гайдю (МГУ, Москва) за соображения по поводу логики и риторики либерализма, которыми он поделился в частных беседах во время его пребывания в Калининграде и на которые опирается предшествующее изложение.

— с другой стороны, это же позволяло оппонентам власти «слева» (разной степени радикализма или умеренности) публично опираться на тот же язык, то есть осуществлять риторически переинтерпретацию властной риторики и, более того, презентировать власть либо как непоследовательную, либо как лицемерную, на практике не исполняющую собственные заявления. Особенно ярким примером этого рода служит известный текст М. П. Драгоманова «Турки внешние и турки внутренние» (1876), где, используя многозначность понятия «свобода», он утверждает, что, дабы освободить балканских славян от «турок внешних», необходимо прежде освободиться самим от «турок внутренних», достигнув политической свободы:

Только эта политическая свобода: всенародное, земское представительство, с контролем над действиями исполнительной власти, с неприкосновенной свободой лица, слова, сходов, обществ — и может обеспечить хоть сколько-нибудь согласие деятельности правительства с национальными интересами и общественным мнением, своевременность проявления этой деятельности, не ждущей, чтоб турки вырезали десятки и сотни тысяч братьев наших прежде, чем мы надумаемся помочь им, а также только политическая свобода может хоть сколько-нибудь охранить нашего солдата от тех злоупотреблений и хищничества, которые были причиной неудачи восточной войны 1854—56 гг. (Драгоманов, 1876).

Этот текст весьма примечателен сразу с нескольких точек зрения. Прежде всего, в нем используется многозначность понятия «свобода» и «освобождение». С правительственной точки зрения под «освобождением славян», «решением славянского вопроса» понималось достижение ими политической независимости, самостоятельного политического существования — или, в компромиссном варианте, наделение православных подданных султана действительными политическими и гражданскими правами (ответом на эту интерпретацию и станет октроирование Абдул-Хамидом II конституции Османской империи в 1876 году). Здесь уже можно видеть возникающую двойственность, на которую опирается Драгоманов в своей риторике: если целью Российской империи является не непременно образование самостоятельных национальных славянских государств на Балканах (а такая цель официально и не ставилась — задачей объявлялась защита православных/славянских подданных султана от угнетения), то одним из способов обеспечения этого становился конституционный порядок. В отсутствие такового в России это означало, что требование «освобождения» может быть (в том числе и в рамках озвученных российскими дипломатическими представителями вместе со своими коллегами из других великих держав требований к Османской империи) понято как утверждение свобод (правовых), обеспеченных конституцией.

Вместе с тем вопрос переносился и в иную плоскость — отсутствие правового порядка, «свобод» и конституционного режима в России означало неэффективность правительственных действий, то есть неспособность выполнить задачу «освобождения славян». Здесь задей-

ствовалась другая логика, подкрепляющая первую. На сей раз на передний план выступал прагматический аспект, который усилили последующие неудачи в войне и в особенности болезненная реакция русского общества на дипломатические итоги войны, достигнутые на Берлинском конгрессе 1878 года, в свою очередь укрепив аспект собственно политической свободы — поскольку Российская империя после победы в войне ввела в Болгарском княжестве разработанную ее юристами конституцию (так называемую Тырновскую конституцию 1879 года). Тем самым уже собственно правительственные действия вновь утверждают представление о «политической свободе» не только как о свободе от внешнего господства, но и как о внутреннем «свободном» (конституционном, либеральном) устройстве — так что требование к правительству о введении в России конституционного правления означает то, что за благо *de facto* признано самой же верховной властью.

Еще более любопытен иной поворот сюжета: Иван Аксаков, один из основных пропагандистов войны, выступает со схожей логикой. По его мысли, «освобождение» южных славян должно привести к глубоким внутренним переменам в Империи, освободить ее саму (и вывести, как он надеется, на славянофильский путь), а конечная неудача интерпретируется им в 1878—1881 годах как результат внутренней неготовности — и в силу моральной неготовности Российская империя оказывается неспособна достигнуть своих целей в войне, отстоять в Берлине достижения Сан-Стефано, а плодом моральной «гнилости» власти и общества становится террор (см.: Тесля, 2015).

Так широкая риторическая схема, положенная в основу публичной репрезентации балканского кризиса и последовавшей русско-турецкой войны 1877—1878 годов, в силу своей универсальности позволила объединить самые разнородные силы и политические позиции — и именно в силу универсальности не только послужила в дальнейшем основанием для размежеваний через переинтерпретацию каждой из групп основополагающих образов и понятий, но и сделала власть во многом заложником ставки на ключевые понятия «свобода» и «освобождение», что побудило ее в дальнейшем, в 1880-е годы, существенно модифицировать основной набор образов, возвращая себе власть над языком самоописания.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

Аксакова В. С. Дневник. Письма / сост., подгот. текстов, вступ. и сопровод. ст., коммент. Т. Ф. Пирожковой. СПб., 2013.

Вазов И. Под игом / пер. с болг. ; сост. и вступ. ст. Н. Симакова ; примеч. Н. и К. Державиных. М., 1985.

Велижев М. Б. Чаадаев против национализма / сост. и вступ. ст. М. Б. Велижева. М., 2018.

Верецагин В. В. На войне в Азии и Европе. С рисунками художника В. В. Верецагина. М., 1898.

Гузикова М. В. «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Драгоманов М. П. Турки внутренние и внешние: Письмо к издателю «Нового времени». Genève ; Bale ; Lyon, 1876.

Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004.

Кожина Е. Ф. Романтическая битва: Очерки французской романтической живописи 1820-х годов. Л., 1969.

Константинов А. Избранное / пер. с болг.; предисл. В. Андреева. М., 1979.

Крымская война в истории России и в жизни славянофильского семейства: Переписка Веры Аксаковой и Марии Карташевской (1853–1856) / сост. А. П. Дмитриев, Д. А. Федоров ; ИРЛИ РАН. СПб., 2016.

Милевский О. А., Панченко А. Б. «Беспокойный Клеменц»: Опыт интеллектуальной биографии. М., 2017.

Немирович-Данченко В. И. Плевна и Шипка. Роман в двух частях. Из событий последней войны. 4-е изд. [1881]. СПб., 1902.

Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.

Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879–1881 годы. М., 2014.

Тесля А. А. «Единственные картины в воспоминание славной войны»: героика, ориентализм и проблемы живописной репрезентации Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, №3. С. 240–255.

Тесля А. А. Кто говорит и кого (не) надлежит слышать: «общественное мнение» в Российской империи 2-й половины XIX века // Пути России. Война и мир : сб. ст. Т. 22 / под общ. ред. М. Г. Пугачевой и В. П. Жаркова. М. ; СПб., 2017а. С. 93–109.

Тесля А. А. Русский консерватор: о системе политических воззрений К. П. Победоносцева 1870–1890-х годов // Социологическое обозрение. 2017б. Т. 16, №1. С. 151–172.

Тесля А. А. «Последний из “отцов”»: Биография Ивана Аксакова. СПб., 2015.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М., 2004. Т. 2 : От Александра II до отречения Николая II.

Юнгер Э. Тотальная мобилизация [1932] // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / пер. с нем. А. В. Михайловского. СПб., 2002.

Berlin I. Two Concepts of Liberty [1958] // Berlin I. Four Essays on Liberty. L., 1969. P. 121–172.

Об авторе

Андрей Александрович Тесля, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Академия Канта, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: mestr81@gmail.com

Для цитирования:

Тесля А. А. Риторика и логика репрезентаций русско-турецкой войны 1877–1878 годов в российском публичном пространстве // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 63–77. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-6.

THE RHETORIC AND LOGIC OF REPRESENTATIONS
OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877 – 1878
IN RUSSIAN PUBLIC SPACE

A.A. Teslya¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on August 10, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-6

The Balkan crisis of 1875 – 1876 and the ensuing Russo-Turkish war of 1877 – 1878 were the first major foreign policy challenges for the Russian Empire in the entirely new public sphere situation. The military reform of 1784, which replaced recruitment with conscription, translated in the involvement of the general public in the current events. The new public sphere, which had been developing from the 1850s, required new languages both to describe and to transform reality, as well as to produce a collective action. The tremendous public excitement, which spread across the most diverse strata of the Russian Empire in 1876 – 1877, was indicative of an effective mobilisation rhetoric. However, the disappointment, which quickly followed, and the devaluation of the events of those years by public opinion suggest that, although sanctioned by the authorities, the language of mobilisation was not effectively controlled by them. In this article, I analyse the structure of the public language of 1876 – 1877, which was shaped by different actors who used it to express their attitudes to the current events. I identify a series of principal oppositions employed by most actors. I analyse these oppositions from the perspective of orientalism and demonstrate that an orientalist vision of the conflict was instrumental in 'Westernising' the image of the Russian Empire. The critics of this model placed both parties of the conflict in a common oriental framework but did not equate them. Self-orientalisation was viewed as a political challenge that required Westernisation, which did not apply to the other party to the conflict that represented the Orient proper. The political authorities of the Russian Empire could not retain control over the broad rhetorical framework that they created. The awareness of these problems was a factor of the qualitative changes in the official rhetoric of the regime that took place in the 1880s.

Keywords: *Orientalism, political semiotics, political representation, official rhetoric, Russo-Turkish War of 1877 – 1878.*

References

- Aksakova, V.S., 2013. *Dnevnik. Pis'ma* [Diary. Letters]. St. Petersburg (in Russ.).
Vazov, V.S., 1985. *Pod igom* [Under the yoke]. Moscow (in Russ.).
Velizhev, M.B., 2018. *Chaadaev protiv natsionalizma* [Chaadaev against nationalism]. Moscow (in Russ.).
Vereshchagin, V.V., 1898. *Na voine v Azii i Evrope. S risunkami Khudozhnika V. V. Vereshchagina* [On the war in Asia and Europe. With drawings Artist V.V. Vereshchagin]. Moscow (in Russ.).
Guzikova, M.V., 2004. «Total'naya mobilizatsiya» Ernsta Yungera kak proekt modernosti: istoricheskaya rekonstruktsiya i interpretatsiya [“Total Mobilization” by Ernst Jünger as a project of modernity: historical reconstruction and interpretation]. Ph.D. Ekaterinburg (in Russ.).
Dmitriev, A.P., Fedorov, D.A., 2016. *Krymskaya voina v istorii Rossii i v zhizni slavyanofil'skogo semeistva: Peregovory Vera Aksakovo i Marii Kartashevskoi (1853 – 1856)* [The Crimean War in the history of Russia and in the life of the Slavophil family: Correspondence between Vera Aksakova and Maria Kartashevskaya (1853 – 1856)]. St. Petersburg (in Russ.).

Dragomanov, M.P., 1876. Turki vnutrennie i vneshnie: Pis'mo k izdatelyu "Novogo vremeni" [Turks internal and external: Letter to the publisher of "New Time"]. Genève: Bale; Lyon: H. Georg (in Russ.).

Kitaev, V.A., 2004. *Liberal'naya mysl' v Rossii (1860 – 1880 gg.)* [Liberal Thought in Russia (1860 – 1880)]. Saratov (in Russ.).

Konstantinov, A., 1979. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow (in Russ.).

Kozhina, E.F., 1969. *Romanticheskaya bitva: Ocherki frantsuzskoi romanticheskoi zhivopisi 1820-kh godov* [Romantic Battle: Essays on French Romantic Painting of the 1820s]. Leningrad (in Russ.).

Nemirovich-Danchenko, V.I., 1902. *Plevna i Shipka. Roman v dvukh chastyakh. Iz sobytii poslednei voiny* [Pleven and Shipka. A novel in two parts. From the events of the last war]. Vol. 4. St. Petersburg (in Russ.).

Milevsky, O.A., Panchenko, A.B., 2017. «Bespokoinyi Klements»: Opyt intellektual'noi biografii ["Restless Clementz": The Experience of Intellectual Biography]. Moscow (in Russ.).

Polunov, A.Yu., 2010. K. P. *Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoi i dukhovnoi zhizni Rossii* [K.P. Pobedonostsev in the socio-political and spiritual life of Russia]. Moscow (in Russ.).

Safronova, Yu., 2014. *Russkoe obshchestvo v zerkale revolyutsionnogo terrora. 1879 – 1881 gody* [Russian society in the mirror of revolutionary terror. 1879 – 1881 years]. Moscow (in Russ.).

Teslya, A.A., 2018. "The only pictures in memory of the glorious war": heroic, orientalism and the problems of the pictorial representation of the Russian-Turkish war of 1877 – 1878. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 17(3) [in Russ., in press].

Teslya, A.A., 2017. Who says and who (should) be heard: "public opinion" in the Russian Empire of the 2nd half of the XIX century. In: M.G. Pugacheva, V.P. Zharkova, eds. *Puti Rossii. Voina i mir: Sbornik statei* [Ways of Russia. War and Peace: Collection of articles]. Vol. XXII. Moscow, pp. 93 – 109 (in Russ.).

Teslya, A.A., 2017a. Russian Conservative: On the System of Political Views of K.P. Pobedonostsev of the 1870 – 1890s. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 16(1), pp. 151 – 172 (in Russ.).

Teslya, A.A., 2015. *Poslednii iz "ottsov"*: Biografiya Ivana Aksakova [The Last of the "Fathers": Biography of Ivan Aksakov]. St. Petersburg (in Russ.).

Wortman, P., 2004. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Junger, E., 2002. Total mobilization. In: E. Junger, ed. *Gospodstvo i geshtal't* [Domination and gestalt]. St. Petersburg (in Russ.).

Berlin, I., 1969. Two Concepts of Liberty. In: *Berlin I. Four Essays on Liberty*. London, Oxford Univ. Press, pp. 121 – 172.

The author

Dr Andrey A. Teslya, Associate Professor, Senior Research Fellow, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: mestr81@gmail.com

To cite this article:

Teslya A.A. 2018, The rhetoric and logic of the representations of the Russian-Turkish War of 1877–1878 in Russian public discourse, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 63 – 77. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-6.

«СЛОВО — ЯЗВА...»:
СЕМИОТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ АЛЕКСЕЯ ЧИЧЕРИНА

Т. В. Цвигун¹, А. Н. Черняков¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 10.09.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-7

Анализируется семиотическая концепция искусства конструктивиста Алексея Чичерина, представленная в его трактате «Кан-Фун». Устанавливается соотношение чичеринской концепции «знака Поэзии» с теоретическими поисками раннего русского авангарда, а также с рядом базовых постулатов семиотического описания языка. Анализ теории Чичерина показывает, что ее основу составляет попытка преодолеть линейность языковых знаков и построить иконический «знак Поэзии», способный максимально полно отображать художественные интенции поэта-«конструктивиста». На фоне тотального логоцентризма историко-культурной парадигмы начала XX века. семиотическая позиция Чичерина выглядит как провозглашение радикального «антилогоцентризма», полемизирующего с любыми синхронными и диахронными автору литературными традициями и экспериментами. Вместе с тем последовательный текстовый анализ трактата «Кан-Фун» и сопоставление ключевых тезисов семиотической теории Чичерина с примерами его творчества («конструэмами») вскрывает утопический характер данного эстетического проекта: несмотря на декларативный отказ от естественного языка как «неконструктивного» материала поэзии в пользу иносемиотических средств, теория Чичерина обнаруживает внутреннюю противоречивость, ее художественные репрезентации не способны преодолеть базовые конвенции текстопорождения и рецепции художественного текста, а привлечение иносемиотических (визуальных и аудиальных) означающих ведет не только к семантическому обогащению знака, но и к неконтролируемому росту его энтропии, лишаящему знак предсказуемых интерпретационных рамок.

Ключевые слова: невербальная семиотика, теория поэтического языка, конструктивизм, авангард, А. Н. Чичерин, «Кан-Фун».

Интерес к тотальному реформированию знаковой среды — *idée fixe* авангарда как широкого ансамбля персональных и коллективных творческих практик и как типа художественного мышления. Семиоцентрический взгляд на авангард, которым отмечены литературоведческие, лингвистические и искусствоведческие исследования начиная с 1980-х годов (ср. принципиально различные по методологии и основным тезисам работы И. П. Смирнова, Ю. С. Степанова, М. И. Шапира, Н. С. Сироткина, В. В. Фещенко, Е. Фарыно, М. Грыгара, А. Флакера, Д. Ораич Толич, Дж. Янечека и др.), дает основания усматривать в авангарде единый в своем многообразии глобальный проект по рево-

люционной реорганизации базовых механизмов коммуникации (от эстетической до обыденной) и ее знаковых репрезентаций. Знаменитый тезис А. Кручёных «Художник увидел мир по-новому и, как Адам, дает всему свои имена» (Кручёных, 1999 [1913], с. 44) предельно четко зафиксировал начало построения той утопии, в которой новый мир не довольствуется старыми коммуникативными и художественными средствами и вырабатывает новый — идеальный — язык; утопии в том смысле, что этот проект «семиотической революции», как все утопические проекты, столь же идеален, сколь неосуществим.

Особое место в этой утопической программе русского авангарда занимает фигура Алексея Чичерина, одного из наиболее радикальных теоретиков и практиков русского поэтического конструктивизма, и его трактат «Кан-Фун» (М., 1926). В общем контексте русского авангарда теоретическое наследие и поэтические практики Чичерина до сих пор изучены крайне слабо. За последние 30 лет «Кан-Фун» пережил три переиздания — в этапной для своего времени антологии К. Кузьминского, Дж. Янечека и А. Очеретянского «Забытый авангард. Россия. Первая треть XX века» (Wiener Slawistischer Almanach. Sb. 21. 1988) и в чрезвычайно авторитетных компендиумах «Семиотика и Авангард» (2006) и «Три века русской метапоэтики: легитимация дискурса» (2006), — а чичеринские поэтические «конструэмы» были широко представлены в книге С. Бирюкова «Зевгма» (1994). Однако монографические исследования о Чичерине, кажется, пока представлены лишь статьями Дж. Янечека (Janecsek, 1989), Р. Грюбеля (Grübel, 1987), И. М. Сахно (Сахно, 2011) и А. Ю. Панфилова (Панфилов, 2015), хотя фамилия Чичерина не так уж редко встречается в самых разных исследованиях истории и поэтики русского авангарда. При этом исследователями очень высоко оценивается проективный потенциал чичеринских семиозстетических поисков: так, по мысли С. Сигея, «задолго до возникновения современного концептуализма с его идеей замены изображения словом в живописи Алексей Чичерин выдвинул идею замены слова в литературе живописным или графическим изображением... Чичерин не только первый в этой области поэт, но и первый теоретик, причем теория, им созданная, актуальна по сей день»¹ (Сигей, 1996, с. 63), а С. Бирюков рассматривает теорию Чичерина как «резкий шаг в сторону поэтической сонористики» (Бирюков, 2006, с. 569), почти не знающий аналогов в художественных практиках первой трети XX века.

На фоне тотального логоцентризма историко-культурной парадигмы начала XX века (см. об этом подробнее: Цвигун, Черняков, 2001) исходный тезис трактата «Кан-Фун», вынесенный на обложку издания 1926 года (рис. 1), выглядит как провозглашение радикального «антилогоцентризма», полемизирующего одновременно с любыми синхронными и диахронными Чичерину литературными традициями и экспе-

¹ К очень близким чичеринским «конструэмам» результатам — совершенно независимо от него — в 1950–60-е годы придут латиноамериканские поэты, работавшие в русле «семиотической поэзии» (см. об этом: Падин, 1996), а также представители «конкретной поэзии».

риментами: «Слово — болезнь, язва, рак, который губил и губит Поэтов и неизлечимо пятит Поэзию к гибели, к разложению» (Чичерин, 2006 [1926], с. 550)². На смену футуристическому принципу «Слова как

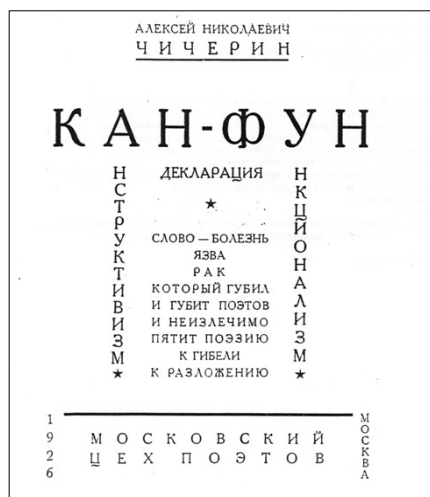

Рис. 1

деляемый как «формула Локса», в 1923 году был предвосхищен в подписанной Чичериним и Сельвинским «Клятвенной конструкции конструктивистов-поэтов»: «Локализованным приемом мы называем центро-стремительную организацию материала. Организованный таким образом материал мы называем *конструкцией, организатора — конструктивистом*, а принцип организации — *конструктивизмом*. <...> Принцип *конструктивного* распределения материала — *максимальная нагрузка потребности на единицу его*, то есть — коротко сжато, в малом — многое, в точке — все» (Знаем, 2001 [1923], с. 323); К. Зелинский определяет его в статье «Конструктивизм и поэзия» (1924) следующим образом: «Прием локализации или локальный семантический принцип... *выражается в том, что весь поэтический изобразительный материал, которым конструируется тема, строго определяется магистральной конструиемой (основным заданием)*» (Зелинский, 2015, с. 42). Итак, основная задача, которая ставится перед поэтом-«конструктивистом», — это поиск такого знака, в котором «потребность», то есть поэтическая задача, максимально полно соответствует используемому для ее выражения материалу.

Применяемое Чичериним понятие «знак Поэзии» требует, однако, некоторого прояснения. Велико искушение видеть в Чичерине последователя семиотика, который рефлексировал над вопросом о соотношении обозначаемых и знаковосителей почти в бинарной сосюрской логике «означаемое — означающее». Тем не менее, хотя это нигде не проговаривается в «Кан-Фуне» напрямую, «знак Поэзии» правильнее связывать не с сингулярными знаками, так или иначе соотносящи-

такового» в конструктивизме Чичерина приходят концептуализация Поэзии как «образования в синтетический знак реакции действительности» (с. 549) и декларирование глобального «закона организации материала в поэтический знак»: «Организация знака Поэзии идет по единственному, неизменному, вечному, в идеале постигнутому, в материале стремящемуся закону конструктивной устойчивости — *максимальной нагрузке потребности на единицу организуемого материала, в минимальном пространстве, при неразрывной, кратчайшей, исчерпывающей обозреваемости в значащем виде*» (с. 550). Этот закон, опре-

² Далее ссылки на «Кан-Фун» приводятся по данному изданию с указанием цитируемой страницы в скобках. Во всех цитатах курсив наш, сохранены орфография и пунктуация оригинала.

мися со сферой вербального (точнее, стремящимися преодолеть границы вербального), а с художественным произведением как целостным знаком, и в этом смысле логика рассуждений Чичерина в каком-то смысле наследует учению А. А. Потебни о литературном произведении как слове (ср. почти потебнианский по звучанию тезис в самом начале «Кан-Фуна»: «Поэтическое восприятие мира свойственно каждому; оно сохраняется или утрачивается *в зависимости от характера знака, в котором показано*», с. 549) и предвосхищает идеи Ю. М. Лотмана о художественном тексте как едином знаке иконической природы. Ср.: «Утилитарным применением конструктивного знака, методом публицистическим, — явился плакат, действовавший на многомиллионные, как на "безграмотные", так и на "грамотные" массы, действенной слов, и карикатура» (с. 551), «Чем больше материал может прибавить к существующим из свойственных ему оригинальных возможностей, чем больше он склонен *унагрузить* знак слиянием своих качеств с качествами других материалов — тем он ценнее, тем значение его больше» (с. 552), «...явление Поэтического состояния, которое доступно каждому, сохраняющему или теряющему его в зависимости от *характера знака*, характера материала и принципов его организации, — вот та основа, на которой впервые в Поэзии с гранной четкостью строятся наши школы» (с. 559), «*Всякий знак есть материал, организованный на основе реакций действительности*, способами профессионального мастерства, тождественно потребности организатора. Все реакции в неорганизованном виде — бесцельны; *целевыми становятся они только в знаке*. <...> Цель знака — образование данного состояния; знак есть корректив жизненных сил» (с. 561) и др.

Вместе с тем основания соотносить чичеринские теоретические построения с идеями классической семиотики все-таки имеются, и в первую очередь это касается одного из центральных положений «Кан-Фуна» — последовательно декларируемого преодоления обоснованного Ф. де Соссюром принципа линейности означающих. Основная семиотическая претензия, которую Чичерин предъявляет естественному языку как «неконструктивному» материалу «знака Поэзии»³, состоит в линейно-синтагматическом характере естественных языковых знаков. Негодность для «конструкции знака Поэзии» слова как традиционного поэтического материала Чичерин усматривает в том, что естественный язык является «материалом, имеющим характер *аналитический, разлагающий* в выражении Поэтический *сгусток* в *пространственный ряд* буквенной, произносительной, звуковой или "образной" *рядности*» (с. 550). Наиболее очевидным проявлением подобной аналитичности, по мысли Чичерина, выступает алфавитное письмо («Аз-Бука»), роль которого как «системы фонограмм — знаков, обозначающих определенные звуки, а следовательно, и — восприятие слухом» «ни в коем случае нельзя

³ Дифференциация написания слова «поэзия» с прописной или строчной литеры для Чичерина, очевидно, имеет концептуальную значимость: «Поэзия» и ее лексические дериваты последовательно встречаются в «Кан-Фуне» тогда, когда речь идет об утопии «конструктивного» знака, в то время как «поэзия» характеризует «до-конструктивный» этап эстетической деятельности.

характеризовать как "развитие", а разве что — вырождение» (с. 551). Рассуждения в главе «Как должен "выражаться" поэт» приводят Чичерина к фактическому отрицанию самой процедуры чтения как пути рецепции «знака Поэзии» в пользу чисто визуального восприятия: «Закон конструктивной поэтики предопределяет восприятие знаков ее путем зрения — посредством глаз. Первое место в Поэтическом "языке" должен занять *знак картинного предствояния*, называемый пиктограммой, и образ в предмете... Путь развития Конструктивизма — к картинным предметным конструкциям без названия» (с. 551) — именно такое восприятие является оптимальным с утилитарно-прагматической точки зрения.

Явное тяготение Чичерина к иконическим знакам в непосредственно Пирсовом понимании — как знакам, идеальным примером которых служит «любое изображение (как бы оно ни было условно)» (Пирс, 2000, с. 77), — позволяет увидеть в теоретических построениях русского конструктивиста почти что дублирование мысли американского логика: «Единственный способ прямой передачи идеи — при помощи иконы» (там же). Считать подобный «иконоцентризм» уникальным, конечно же, не приходится: интерес к разработке визуальной составляющей поэтического знака как пути преодоления конвенциональной природы естественного языка — общее место семиотической программы раннего русского (и не только русского) авангарда. Так, чичеринское требование использовать в поэзии «все наличие знаков, существующих для самых разнообразных целей условного обозначения»⁴ еще в 1914 году предвосхитил в «Поэтических началах» Н. Бурлюк: «Я понимаю кубистов, когда они в свои картины вводят цифры, но я не понимаю поэтов, чуждых эстетической жизни всех этих $\int$, $\sim$, $+$, $\S$, $\times$, † , $\sqrt{\quad}$, $=$, $>$, Δ и т. д. и т. д.» (Бурлюк, 1999 [1914], с. 56); в той же плоскости лежат хлебниковские поиски универсальных изобразительных аналогов звука в статье «Художники мира!», типографические эксперименты А. Кручёных, И. Терентьева, И. Зданевича и др. Однако семиотический радикализм Чичерина идет значительно дальше простого декларирования примата визуального в поэтическом знаке — он требует не просто перевести «знак Поэзии» из вербальной в изобразительную сферу, а бук-

⁴ «Из типографских касс в первую очередь должно быть использовано все наличие знаков, существующих для самых разнообразных целей условного обозначения, должны быть использованы знаки: математические, интегральные, корни, счетные, календарные, планетные, фигурные, траурные, музыкальные, аптекарские, корректорские, почты и телеграфа, шахматные фигуры и шашки, медали, знаки астрономические (лунные, созвездий зодиака, планет и пр.), параграф, кавычки, тире и дефис, градус, проценты, гербы, стрелки, руки и пальцы, все существующие и возможные акцидентные "украшения" (головки, птигмы, эмблемы, цикламы, средники, заставки, виньетки, концовки, углы, усики, бордюры, пластинки, фоны, закругления, круги и овалы, звездочки, скобки, комбинационные комплексы, росчерки и прочий линейный "орнамент"), рисунки животных, растений, цветов, рыб, птиц, обуви, головных уборов, медалей, знаки корреспондентские, рудников и плавильных заводов, различных компаний, фабричные и торговые клейма, штампы счетов, гербов и рецептов, печати и многие прочие по потребности смысла» (с. 552).

важно семиотизировать окружающую действительность в качестве материала, наделив знак не умоглядной, а материальной телесностью: «Для знака Поэзии годны: камни, металлы, дерево, тесто, материя, красящие вещества и прочие многие материалы» (с. 552). Таким образом, отказывая естественному языку в роли «материала Поэзии», Чичерин взамен провозглашает тотальную эстетическую (!) семиотизацию окружающего мира. Следует заметить, что этот теоретический ход, несмотря на его кажущуюся чистую декларативность, имел вполне конкретную, абсолютно уникальную для своего времени реализацию: в 1924 году Чичерин выпустил поэму «Авэки викоф» в формате пряничной доски — «пряник, испеченный в 15 экземплярах, был продан в Моссельпроме и съеден тогдашними потребителями поэзии» (Сигей, 1996, с. 63). Как отмечает Р. Грюбель, «выражение "материал" у Чичерина обозначает не новую концепцию содержания, ставшую в соотношении с понятием "прием" на место старой дихотомии "содержание — форма", но обозначает единицу материи коммуникативного средства, обозначающего» (Grübel, 1987, p. 54).

Необходимость преодоления линейной природы языкового знака в пользу нелинейной (очевидно, симультанной) пиктографической «конструэмы» Чичерин усматривает, среди прочего, в «нерациональном», по его мнению, принципе алфавитного письма, при котором возникают «междустрочные промежутки, по которым скользит наше зрение при переносе с конца одной строки к началу другой — наискось» (с. 557). Размышляя об этом, Чичерин фактически возвращается в сферу вербальных знаков, предлагая реформировать принцип их письменной фиксации в целях «экономии времени» читательской рецепции через «переход от строки к строке не наискось, а по вертикали — так, чтобы одна строчка читалась слева направо, а вторая наоборот — справа налево», чем должен достигаться «минимум строчечных "швов"» (с. 557); для реализации этого идеалистического проекта требуется «отливать шрифт как для прямого набора, так и для набора обратного и необходима соответствующая школьная подготовка» (там же). В общем контексте рассуждений автора такой логический ход выглядит весьма парадоксальным, поскольку радикально отрицаемая ранее линейность «словесного ряда» здесь подменяется пусть иной — по фокусировке точки зрения читателя/зрителя, — но столь же линейной установкой; однако он же свидетельствует о том, что, пытаясь высвободить «знак Поэзии» из-под диктата слова и «Аз-Буки», Чичерин все-таки остается связан субстанциональной логикой естественного языка, где «означающее... разворачивается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно представляет протяженность и б) эта протяженность лежит в одном измерении: это линия» (Соссюр, 1998, с. 70).

Еще одно значимое подтверждение принципиального семиоцентризма эстетической установки Чичерина мы находим во второй «сюжетной линии» «Кан-Фуна» — в оригинальной разработке теории поэтической фонетики. Наряду с визуальными «конструэмами», принци-

пы построения которых были рассмотрены выше, Чичерин декларирует необходимость создания аудиальных, или акустических, «конструэм», перед которыми ставится задача максимально «конструктивно» репрезентировать звучащую фактуру речи. Большая роль в этом отводится разработке и обоснованию концепции поэтического ритма, основу которого, предположительно, должно составить понятие такта «в связи с основным законом равнения по ударному слогу» (с. 554)⁵. «Языку нашему, — подчеркивает Чичерин, — несвойственны метры и стопы», поэтому «единица ритмического измерения должна быть иной — тактовой» (с. 555). В своем интересе к такту в стиховедческом аспекте Чичерин не одинок: с более или менее близкими «Кан-Фуны» установками мы встречаемся в «Метротронике. Кратком изложении основ метротонической междуязыковой стихологии» (1925) М. Малишевского и особенно в «Тактометре: опыте стиха музыкального счета» (1929) соратника Чичерина по конструктивизму А. Квятковского. Однако при всей важности для общей теории «Кан-Фуна» идеи такта особый акцент Чичерин делает на другом: он требует, чтобы «конструктивный» подход к художественному знаку учитывал все богатство акустической материи звучащей речи — «краткостей и долгот, тембров, темпов, тонаций, интонаций и проч.; усложнения показателей "пауз" и их сочетаний; введения показателей разнохарактерных призвуков; изобретения новых знаков для новых звучаний» (с. 556). Таким образом, кажущийся редукционизм Чичерина в его отношении к естественно-языковому выражению на деле оборачивается исключительным расширением сферы означающих: «Не все слышимые звуки можно схватить — записать; влияние этих призвуков на ритм несомненно, и несомненна важность *планового использования*, а следовательно, и возможный... *строжайший учет их*» (с. 557).

Итак, конструктивистская поэтическая теория Чичерина, провозглашенная в трактате «Кан-Фун», несмотря на ее кажущуюся стройность и последовательность, оказывается противоречивой, а в каком-то смысле даже внутренне конфликтной: выдвигая постулат о том, что вербальный знак «губил и губит Поэтов и неизлечимо пятит Поэзию к гибели, к разложению», в результате Чичерин создает такой семиотический проект, в котором слово одновременно и преодолевается, и максимально расширяет комплекс своих потенциальных означающих — за счет наделения эстетико-семиотическим статусом объектов материального мира, расширения знаковых валентностей, переконцептуализации процесса эстетической рецепции и т.д. «Антилогоцентризм» исходного тезиса на деле оборачивается радикальным логоцентризмом, главная целевая установка которого — «конструктивное» реформирование сферы означающих для достижения эффекта иконичности, реа-

⁵ «В связи с тем, что смысловой и формальный сплав слова функционирует вокруг ударного слога, и что все прочие сложные и простейшие звуки в нем являются только оттеночными призвуками, — выявляется удельная разновесность частей словесного слитка и устраняется привилегия единицы стопного измерения принятой метрики» (с. 554).

лизуемого всей материальной фактурой художественного произведения как «знака Поэзии». Для того чтобы увидеть утопическую нереализуемость — даже на уровне индивидуальных художественных практик — декларируемого Чичериным проекта «преодоления языка», достаточно сопоставить указанные постулаты в проекции на примеры чичеринских конструэмов. Рассмотрим в качестве иллюстрации некоторые конструэмы, опубликованные Чичериным в сборнике «Мена всех» (1924), и поэму «Звонок к дворнику» (1926).

ЧИТЬЫ́РІ КНСТРУЭ́мы
ПЕ́мы
„О СЫН СЕ́ни“

I

ЛЕДДЕ́та;
ЧЕ́мтБО́льнЗАДЕ́та
СЕ́риц
СЫ́ПЕ:риц
ДЬБИВН́яКАТЪЛЪ́Ета

II

ПДАЖЬ ДЬЖЬ И́
РЗДАЖЬ ДЬЖЬ я́тцДАЖЬ ДЬЖЬ И́:
ПАТЛ́И
вхПАТО:кѣ
ПАТО
кѣ
ПАТТО́кѣ
ЗХЬЛЮПЯТ
ЗАТХЬЛЮТЛ́Ю!
ЗКЪЛ́ИПЯТ.

Рис. 2

IV

> > > > > > > > > >
Ф И И И У У У В В В Ф Ф Ф

Ельтц МИТЕльц
МО́рьцутц ЛИ́ца —
ПРАЙТИ́тц ХАТИ́тц

ПУСЬТИ́ И́ И́ ТЕ Э Э

ТАПО́рьштц ПЬТИ́ца — ЛИТИ́ца.

А СЬТИ́ И́ И́ ТЕ Э Э

Рис. 3

Тексты из цикла «ЧИТЬЫ́РІ КНСТРУЭ́мы ПЕ́мы "О СЫН СЕ́ни"» (рис. 2, 3) демонстрируют «инфляцию» словесной массы в попытке иконически воспроизвести особенности звучания московской разговорной речи — эта установка задана в требовании «ЧИТАЙТЕ ВСЛУХ МОСКОВСКИМ ГОВОРМОМ», которой Чичерин завершает развернутый автокомментарий к опубликованным в «Мене всех» конструэмам, где обосновываются «основные приемы» — «энантисемия» и «амфиболия», а также приводится перечень условных знаков, в финале которого дано указание на то, что «за недостатком в типографиях знаков, тембры и интонации с точностью подлинника в этой книге шрифтоваться не могут» (цит. по: Janesek, 1989, p. 482). Иконическое подобие «московскому говору» достигается здесь за счет вытеснения из графиче-

ческого облика слов гласных в безударных позициях (для создания эффекта их усиленной редукции), а также объединения отдельных литер в подобие дифтонгов (в автокомментарии Чичерин указывает, что «буквы, заключенные в □ значат комплексный звук Московского произношения»). Кроме того, несложно предположить релевантность различения литер в верхнем и нижнем регистре как возможной дифференциации громкости или силы произношения, для акцентирования звуковой природы конструиемы в текст вводятся знаки ударения, + («центральное ударение всей конструиемы»), объединяющие скобки над литерами («такая скобка значит неразрывный звук, равный по времени произнесения двум»), надстрочные цифры в верхнем регистре («второстепенные ударения конструиемы») и др. — благодаря подобной шрифтовой аранжировке визуально оформленный текст приобретает такие акустические измерения, как долгота, паузность, тон, сила ударения, интонация и др. Относительная скудность визуальных трансформаций текста в первых двух текстах дополняется в четвертой конструиеме введением графических компонентов, напоминающих партитурные знаки, а также угловых скобок (в автокомментарии определенных очень лапидарно: «> — Музыкальный знак»). Тем не менее в каждой из трех конструием природа текста остается по преимуществу вербальной, визуальнo-аудиальные модификаторы не препятствуют «возведению» текста к его вербальному «оригиналу», а скорее напротив, генерируют такую возможность (например, в первой из конструием «реконструкция» поэтического микросюжета «Ледетга / чем-то больно задета / сердце / с перцем / отбивная котлета» не составляет для читателя никакого труда); и даже изобразительные графические знаки в четвертой конструиеме лишь частично смещают рецепцию в иносемиотическую область (музыку).

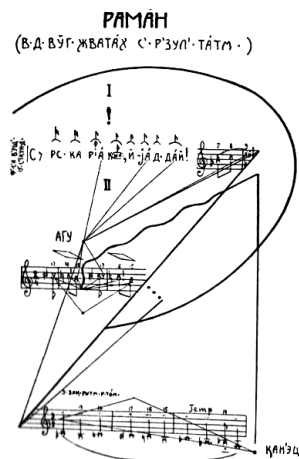

Рис. 4

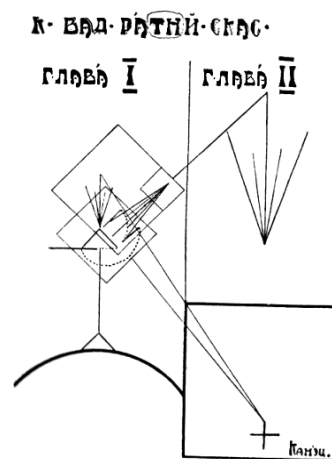

Рис. 5

В следующих примерах, «Раман (в двух животах с результатом)» (рис. 4) и «Квадратный скас» (рис. 5), представляющих собой показательные примеры чичеринской визуальной поэзии, роль вербального компонента существенно переосмысливается. Основой текстовой композиции здесь выступает музыкальная партитура (в «Рамане») или аб-

стракная графическая композиция (в «Квадратном сказе»), а вербальные знаки по отношению к ней становятся своеобразными «инклюдзами», оставаясь при этом мощными семантическими генераторами. В первую очередь это касается самих заглавий, роль которых в визуальной поэзии, как показала Н. А. Веселова, исключительно важна: «Вообще в визуальной поэзии часто только заглавие позволяет сделать выбор в пользу принадлежности данного текста к литературе, а не к изобразительному искусству. <...> Смыслообразующая роль заглавия сказывается особенно очевидно, когда без заглавия интерпретация текста затруднена» (Веселова, 2001, с. 103–104). Именно вербальное — заглавия, а также слово «КАН'ЭЦ», присутствующее в обеих конструируемых, — обеспечивает возможность «прочитывать» эти конструируемые как подобие литературных нарративов, где линии обозначают гипотетическое движение «визуального сюжета» между «двумя животами» к «результату» в первом случае и между двумя «главами» (еще один семантический генератор) к финалу — во втором. Если от этих конструируемых вернуться к основным постулатам «Кан-Фуна» (что вполне закономерно, поскольку, как неоднократно подчеркивается в трактате, эта теория есть своеобразная «сумма» поэтического опыта, накопленного ранее в конструируемых), утопичность семиотического проекта Чичерина становится особенно очевидной: несмотря на весь пафос преодоления линейности означающих в теоретических построениях, обе рассмотренные конструируемые эксплуатируют линейность максимально активно — они буквально заставляют читателя (зрителя?..) двигаться глазом в пространстве композиции, для того чтобы семантически собрать полисемиотическую структуру в единый «знак Поэзии». Наиболее радикальным воплощением такой стратегии может считаться поэма «Звонок к дворнику» (Чичерин, 2017 [1926]), где жанровое обозначение на титульном листе и указание глав задают реципиенту хотя бы минимальную интерпретационную рамку (рис. 6–9).

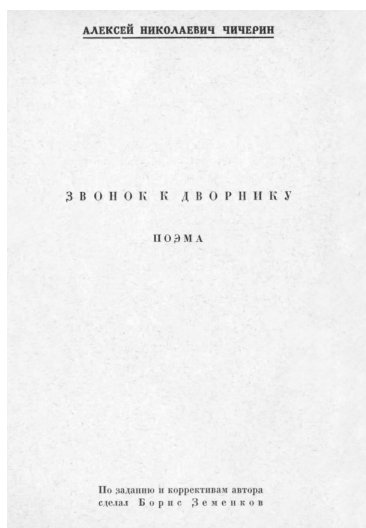

Рис. 6

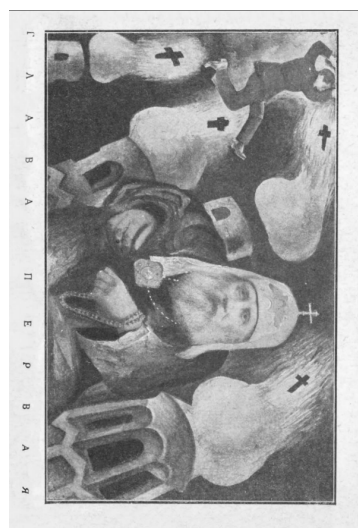

Рис. 7

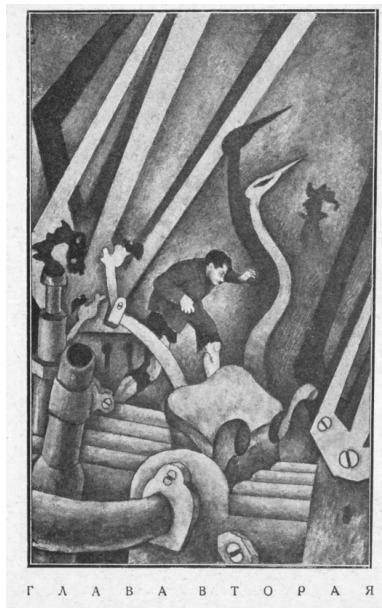

Рис. 8

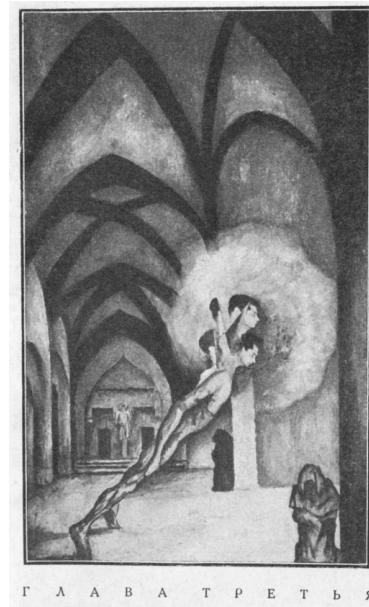

Рис. 9

Жанровое обозначение серии рисунков как «поэмы» вводит мощную читательскую пресуппозицию воспринимать этот художественный артефакт именно как *литературное* произведение. Шесть «глав» поэмы, выполненные по заказу Чичерина художником-экспрессионистом Борисом Земенковым, будучи расположены в линейной последовательности, подобно некоему «протокомиксу», могут быть так или иначе семантизированы в подобие сюжета только в том случае, если применять к поэме стандартные процедуры чтения вербального текста, двигаясь от страницы к странице и следя за потенциальным линейным развертыванием художественного высказывания.

Диктат визуального начала в подобных текстах имеет еще одно важное семиотическое последствие. В отличие от футуристов, провозглашавших заумь как «самое краткое искусство, как по длительности пути от восприятия к воспроизведению, так и по всей форме» и утверждавших эстетическую значимость «наобумного», случайного (Кручёных, 1923, с. 46), конструктивизм последовательно декларировал себя как школу прагматического начала (ср. знаменитую формулу К. Зелинского «Госплан литературы»), акцентируя «локальный семантический принцип» как путь приблизить искусство к реципиенту и создать такой эстетический знак, информационная нагрузка которого будет максимальной. Однако чичеринские конструируемые, перед которыми ставилась задача стать избыточными, семантически «насыщенными» знаками, зачастую оказываются знаками чистой энтропии, интерпретационный потенциал которых столь же вариативен, сколь и малопредсказуем. Семиотическая утопия Алексея Чичерина, которая была призвана преодолеть «неконструктивный» языковой материал, в итоге оказывается неспособной перешагнуть через базовые механизмы естественно-языка как первичной знаковой системы; построение «знака Поэзии»

может идти лишь путем бесконечного тиражирования означающих, которые, даже будучи иносемиотичными по своей природе, все равно подчинены «логоцентрическому» взгляду на искусство и мир.

Список литературы

- Бирюков С. Е. О проективных теориях русского авангарда. «Фоническая музыка» и акустическое напряжение в авангардных поэтических системах XX века // Семиотика и Авангард : антология / ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин ; под общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 2006. С. 565–573.
- Бурлюк Н. Поэтические начала [1914] // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. М., 1999. С. 56–58.
- Веселова Н. А. Вербальное в визуальной поэзии // Внутренние и внешние границы филологического знания : матер. Летней школы молодого филолога. Приморье. 1–4 июля 2000 г. Калининград, 2001. С. 101–105.
- Зелинский К. Конструктивизм и поэзия [1924] // Зелинский К. Поэзия как смысл: Книга о конструктивизме. М., 2015. С. 27–46.
- Знаем. Клятвенная Конструкция (Декларация) Конструктивистов-поэтов [1923] // Литературные манифесты: От символизма до «Октября» / сост. Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М., 2001. С. 322–326.
- Кручёных А. Апокалипсис в русской литературе. М., 1923.
- Кручёных А. Декларация слова как такового [1913] // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. М., 1999. С. 44–45.
- Падин К. Семиотическое стихосложение // Экспериментальная поэзия: избранные статьи / сост. и общ. ред. Д. Булатова. Кёнигсберг ; Мальборк, 1996. С. 101–110.
- Панфилов А. Ю. К проблеме творческой биографии А. Н. Чичерина [дата размещения документа: 29.12.2015]. URL: http://samlib.ru/p/panfilow_a_j/chicherin2.shtml (дата обращения: 03.09.2018).
- Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков. [Начала прагматизма]. СПб., 2000.
- Сахно И. М. Визуальные артефакты поэтического конструктивизма // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2011. №2. С. 73–83.
- Сигей С. Краткая история визуальной поэзии в России // Экспериментальная поэзия: избранные статьи / сост. и общ. ред. Д. Булатова. Кёнигсберг ; Мальборк, 1996. С. 60–67.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1998.
- Цвигун Т. В., Черняков А. Н. Формирование логоцентрической парадигмы в русской культуре начала XX века // Проблемы русской философии и культуры : сб. науч. тр. Калининград, 2001. С. 56–66.
- Чичерин А. Кан-Фун [1926] // Семиотика и Авангард: антология / ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин; под общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 2006. С. 549–564.
- Чичерин А. Н. Звонок к дворнику: Поэма [1926]. Б. м., 2017.
- Grübel R. Кан-Фун: конструктивизм-функционализм // Russian Literature. 1987. Vol. 22. P. 51–62.
- Janecek G. A. N. Čičerín, konstruktivist poet // Russian Literature. 1989. Vol. 25. P. 469–524.

Об авторах

Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

Для цитирования:

Цвигун Т.В., Черняков А.Н. «Слово — язва...»: Семиотическая утопия Алексея Чичерина // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 78—92. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-7.

'THE WORD, AN ULCER...': ALEKSEY CHICHERIN'S SEMIOTIC UTOPIA

T. V. Tsvigun¹, A. N. Chernyakov¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on September 10, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-7

In this article, we analyse the semiotic concept of art created by the constructivist poet Aleksey Chicherin, as presented in his treatise Kan-Fun. We establish the connection between Chicherin's concept of the 'sign of Poetry', on the one hand, and the theoretical research of the early Russian avant-garde and the basic tenets of the semiotic description of the language, on the other. An analysis of Chicherin's theory shows that it rests on an attempt to overcome the linearity of linguistic signs and to build an iconic 'sign of Poetry', capable of almost a complete reflection of a constructivist poet's artistic intentions. Against the background of the total logocentrism of the early 20th-century historical and cultural paradigm, Chicherin's semiotic position looks like the proclamation of radical 'anti-logocentrism' that polemicalises against any literary traditions and experiments, either synchronic or diachronic in relation to the author. At the same time, a textual analysis of Kan-Fun and a comparison of the key theses of Chicherin's semiotic theory with the examples of his poetry ('construemas') show that his aesthetic project was of a utopian nature. Despite the outright rejection of the natural language as 'non-constructive' and the espousal of non-verbal semiotic means, Chicherin's theory has internal inconsistency. Its artistic representations are incapable of overcoming the basic conventions of text generation and reception. The use of non-verbal (visual and auditory) signs entails both the semantic enrichment of the sign and an uncontrolled increase in its entropy. This way, the sign is deprived of the predictable interpretive frameworks and conventions.

Keywords: non-verbal semiotics, theory of poetic language, constructivism art, avant-garde, Alexey Chicherin, Kan-Fun.

References

- Grübel, R., 1987. Kang-Fung: constructivism-functionalism. In: *Russian Literature*. Vol. XXII, pp. 51–62.
- Janecek, G., 1989. A.N. Čičerin, konstruktivist poet. In: *Russian Literature*. Vol. XXV, pp. 469–524.
- Biryukov, S. E., 2006. About projective theories of Russian avant-garde. “Phonic music” and acoustic tension in avant-garde poetic systems of the twentieth century. In: Yu. S. Stepanov, ed. *Semiotika i Avangard: Antologiya* [Semiotics and Avant-garde: An Anthology]. Moscow, pp. 565–573 (in Russ.).
- Burlyuk, N., 1999. Poetic beginnings (1914). In: V. N. Terekhina, A. P. Zimenkov, eds. *Russkii futurizm: Teoriya. Praktika. Kritika. Vospominaniya* [Russian futurism: Theory. Practice. Criticism. Memories]. Moscow, pp. 56–58 (in Russ.).
- Veselova, N. A., 2001. Verbal in visual poetry. In: *Vnutrennie i vneshmie granitsy filologicheskogo znaniya: Mat-ly Letnei shkoly molodogo filologa* [Internal and external boundaries of philological knowledge: Materials of the Summer School of Young Philologist]. Kaliningrad, 1-4 July 2000, pp. 101–105 (in Russ.).
- Zelinskii, K., 2015. Constructivism and poetry (1924). In: K. Zelinskii, ed. *Poeziya kak smysl: Kniga o konstruktivizme* [Poetry as a Meaning: A Book on Constructivism]. Moscow, pp. 27–46 (in Russ.).
- Chicherin, A., Sel'vinskii E., 2001. We Know. Oath construction (Declaration) of constructivists-poets (1923). In: N. L. Brodskii, N. P. Sidorov, eds. *Literaturnye manifesty: Ot simvolizma do «Oktyabrya»* [Literary manifestos: From symbolism to “October”]. Moscow, pp. 322–326 (in Russ.).
- Kruchenykh, A., 1923. *Apokalipsis v russkoi literature* [Apocalypse in Russian literature]. Moscow (in Russ.).
- Kruchenykh, A., 1999. Declaration of the word as such (1913). In: V. N. Terekhina, A. P. Zimenkov, eds. *Russkii futurizm: Teoriya. Praktika. Kritika. Vospominaniya* [Russian futurism: Theory. Practice. Criticism. Memories]. Moscow, pp. 44–45 (in Russ.).
- Padin, K., 1996. Semiotic versification. In: D. Bulatov, ed. *Eksperimental'naya poeziya: izbrannye stat'i* [Experimental Poetry: Featured Articles]. Königsberg – Malbork: Simplicius, pp. 101–110 (in Russ.).
- Panfilov, A. Yu., 2015. *K probleme tvorcheskoi biografii A. N. Chicherina* [To the problem of the creative biography of A. N. Chicherina]. Available at: http://samlib.ru/p/panfilow_a_j/chicherin2.shtml [Accessed 03 September 2018].
- Pirs, Ch. S., 2000. *Logicheskie osnovaniya teorii znakov* [The logical foundations of the theory of signs]. St. Petersburg (in Russ.).
- Sakhno, I. M., 2011. Visual artifacts of poetic constructivism. *Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury* [House Burganova. Culture space], 2, pp. 73–83 (in Russ.).
- Sigei, S., 1996. A Brief History of Visual Poetry in Russia. In: D. Bulatov, ed. *Eksperimental'naya poeziya: izbrannye stat'i* [Experimental Poetry: Featured Articles]. Königsberg – Malbork: Simplicius, pp. 60–67 (in Russ.).
- Saussure, F., 1998. *Kurs obshchei lingvistik* [General Linguistics Course]. Moscow (in Russ.).
- Tsvigun, T. V., Chernyakov, A. N., 2001. The formation of the logo-centric paradigm in Russian culture of the early twentieth century. In: *Problemy russkoi filosofii i kul'tury: Sb. nauch. tr.* [Problems of Russian philosophy and culture: Collection of scientific works]. Kaliningrad, pp. 56–66 (in Russ.).

Chicherin, A., 2006. Kang-Fung (1926). In: Yu.S. Stepanov, ed. *Semiotika i Avangard: Antologiya* [Semiotics and Avant-garde: An Anthology]. Moscow, pp. 549–564 (in Russ.).

Chicherin, A.N., 2017. *Zvonok k dvorniku: Poema* [Call to the janitor: Poem]. Salamandra P. V. V. (in Russ.).

The authors

Dr Tatiana V. Tsvigun, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Dr Alexey N. Chernyakov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

To cite this article:

Tsvigun T. V., Chernyakov A. N. 2018, 'The Word, an Ulcer...': Aleksey Chicherin's semiotic utopia, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 78–92. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-7.

УДК 7.01

ЭСТЕТИКО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. Г. БАУМГАРТЕНА

А. И. Васкиневич

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 05.08.2018 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-8

*Рассматривается семиотическая концепция основателя эстетики Александра Готлиба Баумгартена. Подробно излагаются принципы знаковой теории, выраженной в его работе «Метафизика» (частях «Онтология» и «Психология»), где вводится основная семиотическая терминология. Особое внимание уделяется общему контексту труда Баумгартена «Эстетика», обуславливающему специфику получающих дальнейшее развитие семиотических идей. Семиотика в этой работе понимается как часть эстетики, «обозначающая эстетику». Указывается на неразрывность эстетики и семиотики в концепции Баумгартена, определяющего эстетику как науку о чувственном познании и выражении, которые принципиально нераздельны. Воззрения Баумгартена анализируются с исторической точки зрения, в сопоставлении с античными авторами, Дж. Локком, а также во взаимосвязи с дальнейшим развитием семиотики в XX веке, взглядами Ф. де Соссюра, Р. Барта. Особое место отводится связи эстетических и семиотических идей с понятием *fundus animae*, его трансформации из теологической сферы немецкой мистики в эстетику и гносеологию XVIII века и соотношению с эстетическими и семиотическими концепциями XX века. Подчеркивается значение Баумгартена для развития новых эстетических систем, отказывающихся от традиционных систем поэтики и риторики. Указывается на социальную значимость идей Баумгартена о совершенствовании чувственного познания как цели эстетики, развитых Ф. Шиллером в «Письмах об эстетическом воспитании человека».*

Ключевые слова: семиотика, эстетика, знак, познание, Баумгартен.

В последние годы возрастает интерес к начальному периоду формирования семиотики как науки (Дили, 2014, с. 23–25; Фомин, 2017, с. 28; Шатин, 2015, с. 13). При этом обходится стороной семиотическая концепция Александра Готлиба Баумгартена (1714–1762). Баумгартен вообще остается недооценен, несмотря на то что он явился основателем новой науки — эстетики, дав толчок ее бурному развитию в конце XVIII — начале XIX века, что в итоге привело к существенному изменению традиционных представлений об искусстве. На преуменьшение заслуг Баумгартена указывают в «Истории эстетики» К. Гилберт и Г. Кун (Гилберт, Кун, 2000, с. 307), на его недостаточную изученность

© А. И. Васкиневич

сетовал И.С. Нарский, изучавший влияние философско-эстетических идей Баумгартена на И. Канта (Нарский, 1985, с. 46), и до сих пор существует явный дефицит посвященных философу серьезных работ, в том числе диссертационных. В Германии рецепция идей Баумгартена имеет долгую традицию, начиная с его современников, однако в основном дискутируется его эстетическая концепция. На русский язык даже сами его труды переведены лишь фрагментарно (Баумгартен, 1964; Баумгартен, 2012). Наиболее обширным и авторитетным российским исследованием эстетической теории Баумгартена остается глава из «Немецкой эстетики XVIII века» В.Ф. Асмуса (Асмус, 1963, с. 3–56), но ни там, ни в новейших статьях, стремящихся реабилитировать немецкого философа и воздать ему почести по заслугам (Иванов, 2012, с. 108–109; Прозерский, 2015, с. 420), семиотическая концепция Баумгартена не рассматривается.

Вероятно, недостаточное внимание к ней связано в первую очередь с тем, что в своей «Эстетике» (1750–1758) Баумгартен лишь заявил о семиотике как разделе эстетики, но часть, которую он планировал ей посвятить, осталась ненаписанной (Baumgarten, 1750; Baumgarten, 1758). Однако некоторые параграфы этой работы, а также отдельные места его более ранних сочинений, в особенности «Метафизики», позволяют сделать некоторые выводы относительно семиотической концепции немецкого философа.

Наиболее развернуто эта концепция раскрыта у Баумгартена в «Метафизике». Поскольку она малоизвестна, представляется уместным изложить ее тут достаточно подробно, сохранив употребляемую философом латинскую терминологию.

В «Метафизике» семиотика понимается Баумгартеном как теория знака (*scientia signorum*), занимающаяся вопросами создания и интерпретации знаков. В первой части («Онтология») семиотике посвящен заключительный четвертый раздел третьей главы «Знак и означаемое» (*Signum et signatum*), § 347–350. Здесь Баумгартен вводит основную семиотическую терминологию, § 347 гласит: «Средством познания существования чего-либо является знак (*signum*), целью знака — означаемое (*signatum*)» (Baumgarten, 1739, S. 70). Знак, по Баумгартену, является принципом познания означаемого, связь между знаком и означаемым он называет сигнификативом (устаревшее название сигнификанта), а знаковое выражение — сигнификатом (на немецкий язык понятия сигнификатива и сигнификата в позднейших изданиях были переведены как «взаимосвязь знаков» и «значение» (Baumgarten, 1779, S. 108; Baumgarten, 1783a, S. 102)): «Hinc signum est signati principium cognoscendi, et nexus inter signum et signatum significativus est signoque tributis significatus dicitur» (Baumgarten, 1739, S. 70). В § 348 он вводит деление знаков по принципу времени. Если означаемое существует в настоящем, то соответствующий ему знак называется демонстративным, указующим знаком (*signum demonstrativum*), если означаемое относится к прошлому — мнемоническим знаком (*signum mnemonicum*), если к будущему — прогностическим знаком (*signum prognosticon*). Как отмечает У. Франке, у Баумгартена «знаки являются средством познания реаль-

ности настоящих, прошедших и будущих вещей» (Franke, 31, S. 1253). В § 349 Баумгартен дает следующее определение: «Наука о знаках — это семиотика, или семиология, или искусство обозначения» («Scientia signorum est semiotica seu semiologia seu characteristica») (Baumgarten, 1739, S. 70). Он подразделяет эту науку на эвристику и герменевтику. В эвристике знаки делятся по происхождению на простые (primitivus) и сложные, производные (derivativus). Герменевтика занимается познанием означаемого знаков (de cognoscendis signorum signatis). Прогностические знаки изучает мантика (искусство прорицания). В § 350 он рассматривает лингвистику и филологию как часть семиотики (Baumgarten, 1739, S. 70–71). В последующих изданиях имеются некоторые изменения и дополнения этой концепции.

Значительное внимание семиотической теории уделено в третьей части «Метафизики». Одиннадцатый раздел «Психологии» называется «Способность к обозначению» (лат. «Facultas characteristica», в нем. переводе — «Bezeichnungsvermögen») и посвящен теории знака (§ 619–623). Баумгартен придерживается двоичной системы разделения на знак и означаемое. Способность к обозначению, по Баумгартену, состоит в том, что знаки воспринимаются вместе с обозначаемыми вещами. Человек обладает способностью соединять знаки и обозначаемые вещи в едином представлении. Так, § 619 гласит: «Я воспринимаю знаки (signa) вместе с означаемыми (cum signatis), то есть у меня есть способность соединять в представлении знаки с означаемыми» (Baumgarten, 1983б, S. 62). При этом в мире существует взаимосвязь знаков (nexus significativus), актуализируемая силой души. Связь знаков может восприниматься более или менее отчетливо, то есть, соответственно, интеллектуально или чувственно.

Взаимосвязь между знаком и означаемым может быть различной. В § 620 Баумгартен различает два типа познания, связанных с разным восприятием знаков: «Если знак и означаемое связаны в представлении, и представление знака значимее, чем представление означаемого, соответствующий тип познания называется символическим (cognitio symbolica), если представление означаемого значимее, чем знака, — интуитивным познанием (cognitio intuitiva, в немецком переводе — созерцательным познанием: anschauende Erkenntnis. — A.B.)» (Baumgarten 1983б, S. 62). В обоих случаях действует закон: одно из представлений является средством познания сущности другого.

При этом Баумгартен допускает в § 621 и возможность того, что как за знак, так и за означаемое может приниматься то, чем они не являются. В случае такого иллюзорного восприятия возникает ложное символическое и интуитивное познание, порождающее, соответственно, ложные прогнозы и ожидания.

В § 622 дается определение новой науки, занимающейся знаками: «Наука, занимающаяся чувственным познанием знаков и соответствующим выражением, является обозначающей эстетикой» («Scientia sensitivae cognitionis circa signa occupatae et propositionis eiusmodi est aethetica characteristica») (Baumgarten, 1983б, S. 64). При этом она может

носить как эвристический, так и герменевтический характер (*tam heuristica quam hermeneutica*). Общая наука о чувственном познании знаков имеет частные разделы. Искусством обозначения на уровне средств языка занимается филология, специальными правилами построения речи и текста — риторика и поэтика. Правила, по которым из представлений, порождаемых снами, возникают предчувствия, изучает искусство толкования сновидений (*oniocritica*). Ей посвящен § 623 «Метафизики» (Baumgarten, 1983b, S. 64).

Свои семиотические идеи Баумgarten намеревался более подробно раскрыть в следующей работе, «Эстетике», однако, как отмечено выше, эта ее часть не была написана. Вместе с тем некоторые положения «Эстетики» дополняют семиотическую концепцию, намеченную в «Метафизике». Более того, в контексте идей, развиваемых в «Эстетике», семиотический подход Баумгартена получает новое звучание.

В § 13 своей «Эстетики» Баумgarten подразделяет новую науку на теоретическую и практическую эстетику, теоретическую же, в свою очередь, делит на эвристику, методологию и семиотику. Каждому из этих разделов должна была быть посвящена особая глава. Предполагалось, что семиотика (*semiotica*) будет рассматриваться в третьей главе, в начале книги, в § 13 она определяется как учащая «о знаках прекрасно мыслимых и располагаемых» (*de signis pulchre cogitatorum et dispositorum*) (Baumgarten, 1983b, S. 8). В таком трехчастном членении Баумgarten следует за Дж. Локком (1632—1704), считавшим, что человек направляет свои мысли или на рассмотрение самих вещей, или на свои действия относительно этих вещей, или на знаки и их упорядоченное расположение, «для более ясного познания» (Локк, 1985, т. 2, с. 201).

В § 18—20 «Эстетики» Баумgarten уточняет, что является содержанием трех частей новой науки: эвристики, методологии и семиотики. Красота чувственного познания (*pulchritudo cognitionis sensitivae*) выражается тройко: через красоту вещей и мыслей (*pulchritudo rerum et cogitationum*), красоту порядка (*pulchritudo ordinis*) и красоту выражения (*pulchritudo significationis*). О последней речь идет в § 20: «Универсальная красота чувственного познания есть, поскольку обозначаемое мы не воспринимаем без знаков, внутреннее согласие знаков (*consensus signorum internus*) как с порядком, так и с вещами» (Baumgarten, 1983b, S. 12—13). Иными словами, поскольку означаемое не воспринимается без опосредования знаком, прекрасным является соответствие знаков (средств выражения) положению вещей и их упорядоченность внутри самой знаковой системы. Красота выражения проявляется, например, в формулировке и стиле. Эта «красота сигнификации» и является объектом изучения семиотической эстетики.

Уже само понимание семиотики как части эстетики включает ее в полемическую сферу. Ведь Баумgarten обосновывал необходимость эстетики наряду с ее «старшей сестрой» логикой, признавая за чувственным познанием собственную ценность, требующую изучения отдельной наукой. Ценность чувственного познания, конечно, подчеркивал не только Баумgarten. А.А. Леонтьев указывает на то, что чувственному познанию придается особое значение в трудах многих пред-

ставителей классической европейской философии, ссылаясь на Ф. Бэкона, Т. Гоббса и Дж. Локка (Леонтьев, 2001, с. 32–35). В «Опыте о человеческом разумении» Локк пишет о словах как о «чувственных знаках» (Локк, 1985, т. 1, с. 461). Однако Локк синонимически использует понятия семиотики и логики (Локк, 1985, т. 2, с. 200). И Локк, и Баумгартен связывают сферу семиотики с познавательной деятельностью. Локк не исключает и возможность создания некоей иной, до сих пор не знакомой логики, изучающей эти вопросы ради полноты человеческого познания (Локк, 1985, т. 2, с. 201). Баумгартен в своем обосновании эстетики руководствуется схожими рассуждениями. Для расширения сферы познания, достижения его полноты он предлагает ввести в научный обиход помимо логики еще и эстетику, призванную заниматься чувственным познанием. Эстетика как раз и становится тем самым новым аналогом логики и новой критикой, отличными от прежде известных. Г.Р. Швейцер в предисловии к немецкому изданию фрагментов «Эстетики» указывает на то, что изначально изучение чувственного познания Баумгартен включал в сферу логики (Baumgarten, 1983в, S. VIII), и это отражено в § 115 его ранней работы «Философские размышления о некоторых вопросах, касающихся поэтического произведения» (1735), однако уже здесь он задумывается о необходимости отдельного изучения этой области познания и впервые вводит термин «эстетика» для обозначения новой науки. Тем не менее в § 533 «Метафизики» он определяет эстетику не только как науку о чувственном познании и выражении (*scientia sensitive cognoscendi et proponendi*), но в скобках предлагает и альтернативные определения, в том числе — не только *философия граций и муз* или *искусство прекрасно мыслить*, но и *логика низших познавательных способностей* (*logica facultatis cognoscitivae inferioris*), *искусство, аналогичное разуму* (*ars analogi rationis*) (Baumgarten, 1983б, S. 16). Формирование эстетики и семиотики происходит во взаимосвязи и знаменует переход от классической риторики и поэтики (полностью не порывая с ними) к новой системе изучения искусства и смежных феноменов. На это обращает внимание и сам Баумгартен, и современные справочники по семиотике (Nöth, 2000, S. 425).

Однако А.Ф. Лосев, не употребляя сам термин «семиотика» указывает на то, что связь эстетики и семиотики (и их равенство философии) специфическим образом проявлялась еще в Античности: «...чувственно-материальный космос является в античности и выражаемым, и выражающим, и выраженным. Следовательно, нужно считать окончательно установленным, что античная эстетика и античная философия есть одно и то же» (Лосев, 1992, с. 402). Баумгартен заимствовал термин «айстесис» именно из Античности, исходя из его значения в ту эпоху: «чувственное ощущение», «чувственное восприятие» (Лосев, 1992, с. 434–436). Хотя А.Ф. Лосев указывает, что в Античности эстетика относится к онтологической сфере, к бытию вообще (Лосев, 1992, с. 402), он подчеркивает, рассматривая сам термин «айстесис», что в древнегреческих текстах тот чаще всего означает чувственное восприятие, чувственное познание (Лосев, 1992, с. 435–436). Баумгартен оконча-

тельно переносит его в сферу гносеологическую и семиотическую, определяя эстетику как науку о чувственном познании и выражении.

Что касается основных семиотических понятий, считается, что они сформировались в учении стоиков. На это указывает Р. Якобсон: «Знак (*sēmeion*) рассматривался как сущность, образуемая отношением означающего (*sēmainon*) и означаемого (*sēmainōmenon*). Первое определялось как «воспринимаемое» (*aisthēton*), а второе — как «понимаемое» (*noētōn*)» (Якобсон, 1983, с. 102). А. А. Леонтьев, однако, опровергает такую взаимосвязь (Леонтьев, 2001, с. 19). Р. Якобсон утверждает также, что именно от стоиков исследования в области знакообозначения были усвоены Августином, применившим латинские термины *signum*, *signans*, *signatum* (Якобсон, 1983, с. 102).

В наиболее близком к тому, как его заимствует Баумгартен, виде термин «айстесис» был разработан тоже на «сломе эпох», на излете античной культуры, когда она активно замещалась культурой христианской, а именно у Плотина (204–269). В его учении уже содержится целый ряд черт, которые развивает Баумгартен. Во-первых, это представление о том, что чувственное ощущение имеет свой собственный смысл, и, хотя является сниженной «энергией мышления», лежит в основе размышлений. В результате происходит эволюция чувственных ощущений, превращение их в ясное восприятие разумом (Лосев, 1992, с. 437). Баумгартен еще в работе «О некоторых вопросах, касающихся поэтических произведений» ставит вопрос о независимом существовании эстетической сферы познания. Используя терминологию Христиана Вольфа (1679–1754), он относит эстетику к «низшей сфере» познания, имеющей тем не менее свои преимущества. С его точки зрения, логическое представление о чем-либо представляет собой формальное совершенство, но абстрагирование достигается путем значительной утраты полноты представления об объекте. «Темное» чувственное представление лежит в основе познания, трансформируясь затем в ясное логическое обоснование. При этом теряется непосредственная, конкретная, чувственно познаваемая данность объекта. Более темное, но более сложное, комплексное, обладающее большим количеством признаков представление сильнее, чем более ясное, но обладающее меньшим количеством признаков (Baumgarten, 1983b, S. 9; Baumgarten, 1983a, S. 5, 145). Тут Баумгартен снова идет вслед за Плотиним, считавшим, что в чувственном восприятии возможно ощущение всего космоса целиком. Во-вторых, по Плотину, прекрасное возможно именно на пути движения от чувственных ощущений к сверхчувственному разуму. Душа не имела бы образов ощущаемого без самих ощущений (Лосев, 1992, с. 437–438). У Баумгартена эстетика также поднимает вопрос о сущности прекрасного, искусстве, образном мышлении. Хотя к сфере эстетического познания он относит и те области, которые не могут быть познаны логически, но играют большую роль в жизни человека и должны быть интегрированы в познавательную деятельность, например сфера фантазии, область сновидений, далекое историческое прошлое, предчувствуемое будущее, субъективные индивидуальные пред-

ставления. И в-третьих, у Плотина появляется представление о том, что чувственное познание имеет символический характер (Лосев, 1992, с. 439). Понятие «символического», конечно, многозначно, но у Баумгартена оно имеет семиотическое значение. Баумгартен часть эстетики, занимающуюся чувственным познанием знаков и знакового изображения, называет в «Метафизике» и «Эстетике» как семиотикой, так и «обозначающей эстетикой» (*aesthetica characteristica*, в нем. переводе — *bezeichnende Ästhetik*), в «Метафизике» и в более поздней работе «Общая философия» (*Philosophia generalis*, 1770) — также семиологией или символикой (Baumgarten, 1739, S. 70; Baumgarten, 1983b, S. 75). В «Метафизике» символическим он называет тип познания, ориентированный на знак (Baumgarten, 1983b, S. 62). В XX веке понятие символического тоже может входить в круг семиотических понятий, например, у Р. Барта в работе «Воображение знака» (1963) «внутреннее отношение, соединяющее означающее с означаемым» понимается как отношение символическое (Барт, 1994, с. 246), однако Барт понимает его иначе, чем Баумгартен. С его точки зрения, символическое сознание интересуется означаемым, а не сам знак (Барт, 1994, с. 249), Баумгартен же такое познание называет интуитивным. Но здесь важнее рассмотреть не терминологическую разницу, а конгруэнтность символического и семиотического, их укорененность в глубинах человеческого сознания. «Именно ярусное залегание означаемого и означающего создает символ» (Барт, 1994, с. 246), — пишет французский семиолог, подчеркивая глубинное измерение знака, характерное для символического сознания. Барт, кстати, критически оценивает произошедший терминологический сдвиг от «символа» к «знаку»: «Слово *символ* теперь слегка устарело; его охотно заменяют выражениями *знак* или *значение*. Этот терминологический сдвиг свидетельствует о некотором размывании символического сознания» (здесь и далее курсив Р. Барта) (Барт, 1994, с. 248).

Но самое интересное заключается в продолжении этой мысли о глубинном измерении знака, в близости представлений Р. Барта как к теории символизма, так и к основам эстетической концепции Баумгартена. Французский автор, подчеркивая чувственно-эмоциональный характер символического восприятия, использует в своем высказывании немецкое слово *Abgrund* (бездна): «Символическое сознание предполагает образ глубины; оно *переживает* мир как отношение формы, лежащей на поверхности, и некоей многоликой, бездонной, могучей пучины (*Abgrund*), причем образ этот увенчивается представлением о ярко выраженной динамике» (Барт, 1994, с. 251). Русский поэт-символист А. Белый в статье «Эмблематика смысла» писал о том, что «символизм выражений характеризует низины познания» (Белый, 1994, с. 36), а «прекрасное — пена на гребне темной волны первобытного творчества; первобытное же творчество — пена на гребне хаоса. Стоя на круче сознания и познанием же определяя творчество как нечто, что мы должны пережить, мы видим, что Лики этого творчества — игра солнечных лучей над океаном бушующего хаоса» (Белый, 1994, с. 63). В одном из фрагментов, посвященных Баумгартену, И.Г. Гердер восклицает: «Че-

ловеческая душа лежит перед ним... как огромный океан... о философ чувства, взглядишь же в темную бездну (Abgrund) человеческой души, где ощущения животного становятся ощущениями человека... взглядишь в бездну темных мыслей... помести чувство прекрасного между ангелом и зверем... покажи мне путь, как ощущения моих органов чувств становятся образами моей души, а мое воображение волнует мне кровь... А теперь сотвори мне из всего этого поэзию... и я стану почитать тебя как своего учителя по части вкуса» (Herder, 1985, S. 685–686). Это скептическое высказывание Гердера отсылает к § 511 «Метафизики», где Баумгартен, рассуждая о психологии познания, пишет о том, что темные, смутные, неясные представления (*perceptionis obscurae*), которые и должна будет изучать новая наука эстетика, в том числе и такая ее часть, как семиотика, приходят из самой глубины души, «основы души» (*fundus animae*), в немецком переводе — *Grund der Seele* (Baumgarten, 1983b, S. 4–5).

Было бы, конечно, неверно, говорить об абсолютном новаторстве Баумгартена в этом вопросе. Само представление о специфике «темного», смутного познания (*cognitio obscura*) было выработано еще Лейбницем в полемике с Декартом, а затем разработано Х. Вольфом, на концепцию которого, разделявшую познание на «высшую» и «низшую» сферы, и опирался Баумгартен (Adler, 1988, S. 198–203). Нужно отметить, что кроме заимствованных у Вольфа причисляемых к «низшей сфере» познавательных способностей, таких как чувство, воображение, поэтические способности и память, Баумгартен добавляет еще целый ряд: пронизательность (*perspicacia*), предвидение (*praevisio*), способность суждения (*iudicium*), дар прозорливости (*praesagitio*) и способность обозначать, лежащую в основе семиотики (*facultas characteristic*) (Baumgarten, 1983b, S. XII).

С другой стороны, понятие «основы души» заимствовано из средневековой теологии, в первую очередь из мистики Мейстера Экхарта (1260–1328) (словосочетание *grunt der sêle*, используемое Экхартом (Pfeifer, 1857, S. 5), в современном немецком языке принято передавать композитом *Seelengrund* (Haas, 1995, S. 445)), согласно которому «в глубине, в недрах души» совершается вечное рождение человека, познание человеком Бога, единение человека с Богом (Экхарт, 1991, с. 69). Эта теологическая традиция остается значимой и сама по себе и преломляется в XIX веке в философии Шеллинга, ставящего в работе «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах» (1809) вопрос о становлении человека через слияние «воли основы» с «универсальной волей» и определяющего через понятие «темной основы» и личностное познание: «Только в личности есть жизнь: и всякая личность покоится на темной основе, которая, следовательно, должна быть и основой познания» (Шеллинг, 1989, с. 156), ведь «лишь из мрака неразумного вырастают светлые мысли» (Шеллинг, 1989, с. 109).

Однако понятие *fundus animae* прочно входит в немецкую гносеологию второй половины XVIII — начала XIX века именно с подачи Баумгартена (Adler, 1988, S. 206). В том числе и И.Г. Гердер, штудировавший работы Ба-

умгартена и критиковавший ряд положений его «Эстетики», в частности ее определение как науки о чувственном познании, считая употребление слова *cognitionis* совершенно неуместным (Herder, 1985, S. 671), обращает на понятие *fundus animae* особое внимание (Adler, 1990, S. 64).

«Эстетика» Баумгартена была не просто новой теорией искусства (хотя и ею тоже, и этот вопрос заслуживает особого изучения, выходящего за рамки данной статьи), целью эстетики он видел «совершенство чувственного познания» (*perfectio cognitionis sensitivae*) (Baumgarten, 1983b, S. 10), имевшего в том числе и социальную, образовательную и воспитательную значимость. Ф. Шиллер, хотя и заявляет в «Письмах об эстетическом воспитании человека» (1795), что его тезисы «покоятся главным образом на Кантовых принципах» (Шиллер, 1957, с. 252), высказывает в восьмом письме мысли, близкие Баумгартену, что «самая настоящая потребность времени — развитие способности чувствовать; и это не только потому, что оно служит средством к внедрению лучшего понимания жизни, но и потому, что оно само побуждает к лучшему пониманию» (Шиллер, 1957, с. 274).

Значение идей, развитых Баумгартеном, определяет отказ от традиционной поэтики и риторики и создает предпосылки для формирования новых эстетических систем и теорий не только в ближайшую после него эпоху, но и в XX веке Бенедетто Кроче (1866–1952), при всех различиях между взглядами его и Баумгартена, в работе «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1902) также подчеркивает неразрывность чувственного познания и выражения: «Каждому дано испытать в себе самом тот свет, который ему внутренне открывается, когда ему удастся — и только в тех пунктах, в которых удастся, — сформулировать для себя самого свои впечатления и свои чувства. Тогда чувства и впечатления силою слова переходят из темной сферы психики в ясность созерцательного духа. В этом познавательном процессе нет возможности отличить интуицию от выражения» (Кроче, 2000, с. 19).

Как видно из изложенной выше семиотической концепции Баумгартена, он подчеркивает чувственную природу знака, в «Метафизике» помещая семиотику в раздел о психологии и считая ее частью эстетики, науки о чувственном познании и выражении. Развитие семиотики показало продуктивность такого подхода. Ф. де Соссюр в работе «Курс общей лингвистики» подчеркивает, что «обе стороны языкового знака», для которых он использует понятия «означаемое» и «означающее», «психичны и связываются в нашем мозгу ассоциативной связью», и «чувственная сторона знака предполагает знак как целое» (Соссюр, 1977, с. 99–100). Эти положения являются для него базовыми, исходными при рассмотрении знака, он формулирует их в первой главе, называющейся «Природа языкового знака», части «Общие принципы». Далее, в §1 четвертой главы, носящей название «Языковая значимость», Соссюр подчеркивает, как выразился бы Баумгартен, комплексность, «смутность», «неясность», «темноту» изначально чувственного познания, лишь впоследствии перерастающего в познание логическое, фор-

мирующее отчетливые понятия. У Соссюра эта мысль звучит так: «В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собой аморфную, нерасчлененную массу. Философы и лингвисты всегда сходились в том, что без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого» (Соссюр, 1977, с. 144). Кстати, именно в этой главе Соссюр, опираясь на представление о произвольности знака, формулирует и важную для развития социальной семиотики мысль о том, что «языковую систему может создать только социальная жизнь» (Соссюр, 1977, с. 146).

Таким образом, можно утверждать, что эстетико-семиотическая концепция Баумгартена дала импульс развитию целого ряда идей, не только повлиявших на гносеологию и эстетическую мысль его времени, но и ставших актуальными в семиотике XX века, и несомненно заслуживает внимания и дальнейшего изучения.

Список литературы

- Асмус В. Ф. *Немецкая эстетика XVIII века*. М., 1963.
- Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М., 1994.
- Баумгартен А. Г. *Метафизика // EINA1: Проблемы философии и теологии*. 2012. Т. 1, №1/2. С. 141–156.
- Баумгартен А. Г. *Фрагменты по эстетике // История эстетики : в 5 т. М., 1964. Т. 2. С. 449–465.*
- Белый А. *Символизм как миропонимание*. М., 1994.
- Гилберт К., Кун Г. *История эстетики : в 2 кн. М., 2000. Кн. 1.*
- Дили Дж. *Литературная семиотика и доктрина знаков // Критика и семиотика*. 2014. №1. С. 18–29.
- Иванов В. Л. «Метафизика» Баумгартена в традиции немецкой школьной философии XVIII в. Предисловие к переводу // *EINA1: Проблемы философии и теологии*. 2012. Т. 1, №1/2. С. 108–140.
- Кроче Б. *Эстетика как наука о выражении и общая лингвистика*. М., 2000.
- Леонтьев А. А. *Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность)*. М., 2001.
- Локк Дж. *Соч. : в 3 т. М., 1985.*
- Лосев А. Ф. *История античной эстетики : в 8 т. М., 1992. Т. 8 : Итоги тысячелетнего развития*. Кн. 1.
- Нарский И. С. *Философско-эстетические идеи А. Баумгартена как один из стимулов теоретического развития И. Канта // Кантовский сборник*. 1985. Вып. 1 (10). С. 40–51.
- Прозерский В. В. *У истоков эстетики // Казанский педагогический журнал*. 2015. №4. С. 420–423.
- Соссюр Ф. де. *Труды по языкознанию*. М., 1977.
- Фомин И. В. *Семиотический фронтир: Сквозь глубины веков и границы дисциплин // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. 2017. №7. С. 26–37.
- Шатин Ю. В. *Семиотика vs семиология: к вопросу о полноте знаковой теории // Критика и семиотика*. 2015. №2. С. 10–17.
- Шеллинг Ф. В. Й. *Соч. : в 2 т. М., 1989. Т. 2.*
- Шиллер Ф. *Собр. соч. : в 7 т. М., 1957. Т. 6.*
- Экхарт М. *Духовные проповеди и рассуждения*. М., 1991.
- Якобсон Р. *В поисках сущности языка // Семиотика*. М., 1983. С. 102–117.

Adler H. Die Prägnanz des Dunklen. Gnoseologie, Ästhetik, Geschichtsphilosophie bei J.G. Herder. Hamburg, 1990.

Adler H. Fundus Animae — der Grund der Seele. Zur Gnoseologie des Dunklen in der Aufklärung // Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1988. 62. Jg. Heft 2. S. 197–220.

Baumgarten A. G. Aesthetica. Traiecti cis Viadrum, 1750.

Baumgarten A. G. Aestheticorum pars altera. Francofurti cis Viadrum, 1758.

Baumgarten A. G. Metaphysica. Halae Magdeburgicae, 1739.

Baumgarten A. G. Metaphysica. Ed. VII. Halae Magdeburgicae, 1779.

Baumgarten A. G. Metaphysik. 9. Aufl. Halle, 1783a.

Baumgarten A. G. Texte zur Grundlegung der Ästhetik / lat.-dt. Hg. H. R. Schweizer. Hamburg, 1983b.

Baumgarten A. G. Theoretische Ästhetik. Die grundlegenden Abschnitte aus der „Aesthetica“ (1750/58) / lat.-dt. Hg. H. R. Schweizer. Hamburg, 1983b.

Franke U. Zeichenkonzeptionen in der Kunstphilosophie und Ästhetik von der Renaissance bis zum frühen 19. Jahrhundert // Semiotik. Ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur / Hg. R. Posner, K. Robering, Th. A. Sebeok. Berlin ; N. Y., 1998. Bd. 2. S. 1232–1262.

Haas A. M. Eckehart, Meister // Lexikon für Theologie und Kirche. 3. Aufl. Freiburg u. a., 1995. Bd. 3. S. 443–446.

Herder J. G. Werke : in 10 Bdn. Frankfurt a/M, 1985. Bd. 1 : Frühe Schriften. 1764–1772.

Nöth W. Handbuch der Semiotik. 2. Aufl. Stuttgart ; Weimar, 2000.

Pfeifer F. (Hg.) Deutsche Mystiker des 14. Jahrhunderts : in 2 Bdn. Bd. 2 : Meister Eckhart. Leipzig, 1857.

Об авторе

Ангелика Игоревна Васкиневич, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AVaskinevich@kantiana.ru

Для цитирования:

Васкиневич А.И. Эстетико-семиотическая концепция А.Г. Баумгартена // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 93–105. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-8.

A. G. BAUMGARTEN'S AESTHETIC-SEMIOTIC CONCEPT

A. I. Vaskinevitch¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo Str., Kaliningrad 236041 Russia
Submitted on August 05, 2018
doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-8

In this article, we consider the semiotic concept developed by Alexander Gottlieb Baumgarten, a founder of modern aesthetics. We describe the principles of the semiotic theory, as expressed in Baumgarten's Metaphysica, particularly in the parts 'Ontology' and 'Psychology', in which he introduced the basic semiotic terminology. We pay special attention to the general context of Baumgarten's Aesthetica. This context had determined the characteristics of the semiotic ideas that he developed later. In this work, semiotics is considered as part of

aesthetics, as 'denotative aesthetics'. Within Baumgarten's concept, aesthetics and semiotics are closely interrelated. He described aesthetics as a science of essentially inseparable sensible cognition and expression.

We analyse Baumgarten's attitudes from a historical perspective and compare them with those of the ancient authors, John Locke, F. de Saussure, and R. Barthes. We emphasise the connection between the aesthetic and semiotic ideas, on the one hand, and the concept of *fundus animae*, on the other. We address the transition of the latter term from the theological realm of German mysticism to the aesthetics and gnosiology of the 18th century and examine its correlation with the 20th-century aesthetic and semiotic concepts. We stress the significance of Baumgarten's ideas for the development of new aesthetic systems rejecting the traditional poetic and rhetorical systems. Baumgarten made an important contribution to the development of the idea of sensible cognition as the goal of aesthetics, which was formulated by F. Schiller in his Letters upon the Aesthetic Education of Man.

Keywords: aesthetics, semiotics, sign, cognition, Baumgarten.

References

- Asmus, W.F., 1963. *Nemetskaja estetika XVIII veka*. [German Aesthetics of the 18th Century]. Moscow (in Russ.).
- Barthes, R., 1994. *Izbrannyje raboty: Semiotika. Poetika*. [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow (in Russ.).
- Baumgarten, A.G., 2012. Metaphysics. *EINAI: Problemy filosofii i teologii* [EINAI: The Problems of Philosophy and Theology]. 1(1/2), pp. 141 – 156 (in Russ.).
- Baumgarten, A.G., 1964. Aesthetic fragments. *Istorija estetiki* [A History of Aesthetics]. Vol. 2. Moscow, pp. 449 – 465 (in Russ.).
- Bely, A., 1994. *Simvolizm kak miroponimaniye* [Symbolism as Worldview]. Moscow (in Russ.).
- Gilbert, K., Kuhn, H., 2000. *Istorija estetiki* [A History of Esthetics]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).
- Deely, J., 2014. Literary semiotics and the doctrine of signs. *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics], 1, pp. 18 – 29 (in Russ.).
- Ivanov, V.L., 2012. Baumgarten "Metaphysics" in the Tradition of the German School Philosophy of the 18th Century. Preface to the Translation. *EINAI: Problemy filosofii i teologii* [EINAI: The Problems of Philosophy and Theology], 1(1/2), pp. 108 – 140 (in Russ.).
- Croce, B., 2000. *Estetika kak nauka o vyrazhenii i obshchaya lingvistika* [Aesthetics as a Science of Expression and General Linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Leontyev, A.A., 2001. *Deyatelny um (Deyatelnost, Znak, Lichnost)* [Active Mind (Activity. Sign. Personality)]. Moscow (in Russ.).
- Locke, J., 1985. *Sochineniya* [Works]. Moscow (in Russ.).
- Losev, A., 1992. *Istorija antichnoy estetiki* [The History of Classical Aesthetics]. Vol. 8/1. Moscow (in Russ.).
- Narsky, I.S., 1985. Philosophic-Aesthetic Ideas of A. Baumgarten as an Impetus for Kant's Theoretical Development. *Kantovskiy sbornik* [Kantian Journal], 1(10), pp. 40 – 51 (in Russ.).
- Prozersky, V.V. At the Beginning of Aesthetics. *Kazansky pedagogichesky zhurnal* [Kazan pedagogical Journal], 4, pp. 420 – 423 (in Russ.).
- Saussure, F. de, 1977. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on Linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Fomin, I., 2017. Semiotic frontier: Through centuries and across disciplines. *METOD: Moskovskiy yezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [Method: Moscow annual of works to social sciences], 7, pp. 26 – 37 (in Russ.).

- Shatin, Yu. V., 2015. Semiotics vs semiology: about completeness of the theory of signs. *Kritika I semiotika* [Criticism and Semiotics], 2, pp. 10–17 (in Russ.).
- Schelling, F. W. J., 1989. *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).
- Schiller, F., 1957. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]. Vol. 6. Moscow (in Russ.).
- Eckhart, M., 1991. *Duhovnye propovedi I rassuzhdeniya* [Spiritual Sermons and Reflections]. Moscow (in Russ.).
- Jakobson, R., 1983. In search of the Essence of Language. *Semiotika* [Semiotics], pp. 102–117 (in Russ.).
- Adler, H., 1990. *Die Prägnanz des Dunklen. Gnoseologie, Ästhetik, Geschichtsphilosophie bei J. G. Herder*. Hamburg.
- Adler, H., 1988. Fundus Animae – der Grund der Seele. Zur Gnoseologie des Dunklen in der Aufklärung. *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*, 62/2, pp. 197–220.
- Baumgarten, A. G., 1750. *Aesthetica*. Traiecti cis Viadrum: Kleyb.
- Baumgarten, A. G., 1758. *Aestheticorum pars altera*. Francofurti cis Viadrum: Kleyb.
- Baumgarten, A. G., 1739. *Metaphysica*. Halae Magdeburgicae: Hemmerde.
- Baumgarten, A. G., 1779. *Metaphysica*. Ed. VII. Halae Magdeburgicae.
- Baumgarten, A. G., 1783. *Metaphysik*. 9. Aufl. Halle.
- Baumgarten, A. G., 1983. *Texte zur Grundlegung der Ästhetik*. Lat.-dt. Hg. H. R. Schweizer. Hamburg: Meiner.
- Baumgarten, A. G., 1983. *Theoretische Ästhetik. Die grundlegenden Abschnitte aus der „Aesthetica“ (1750/58)*. Lat.-dt. Hg. H. R. Schweizer. Hamburg: Meiner.
- Franke, U., 1998. Zeichenkonzeptionen in der Kunstphilosophie und Ästhetik von der Renaissance bis zum frühen 19. Jahrhundert. In: Hg. R. Posner, K. Robering, eds. *Semiotik. Ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur*. Vol. 2. Berlin, New York: Gruyter, pp. 1232–1262.
- Haas, A. M., 1995. Eckehart, Meister. In: *Lexikon für Theologie und Kirche*. Vol. 3. Freiburg u. a.: Herder, pp. 443–446.
- Herder, J. G., 1985. *Werke*. Vol. 1. Fr. a. M.: Deutscher Klassiker Verlag.
- Nöth W., 2000. *Handbuch der Semiotik*. Stuttgart, Weimar: Metzler.
- Pfeifer, F. (Hg.), 1857. *Deutsche Mystiker des 14. Jhs*. Vol. 2. Meister Eckhart. Leipzig: Göschen.

The author

Dr Angelika I. Vaskinevitch, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: AVaskinevich@kantiana.ru

To cite this article:

Vaskinevich A. I. 2018, A. G. Baumgarten's aesthetic-semiotic concept, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 93–105. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-8.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Словарь народной духовной культуры болгар / З. Барболова, М. Симеонова, М. Китанова, Н. Мутафчиева, П. Легурска. — София : Наука и искусство, 2018. — 504 с.

Болгарский лексикографический ландшафт обогатился словарем, который как по замыслу, так и по структуре можно назвать принципиальным новшеством. За всю историю болгарской лексикографии этот словарь впервые фиксирует оригинальным образом и в полном объеме народную культуру болгар в ее языковом выражении. Словарь явился результатом труда авторского коллектива, кропотливо собирающего и обрабатывающего этнолингвистический корпус данных на протяжении 25 лет с тем, чтобы структурировать материал в форме систематизированных словарных статей.

Работа по составлению этого оригинального труда, отражающего народную духовную культуру болгар, началась в начале 1990-х годов. Авторский коллектив состоял из сотрудников секции этнолингвистики при Институте болгарского языка Болгарской академии наук. Параллельно с работой над этим лексикографическим проектом развивалась и сама болгарская этнолингвистика, следующая зигзагам лингвистической науки. Во времена глобализации и бума информационно-коммуникативных технологий национальные науки переживают трудный период. Несмотря на декларации об уважении различий между народами и о необходимости сохранения культурного своеобразия, формируются новые ценностная система и мировоззрение, изменившее традиционный взгляд на народную традицию и культуру. Эпистемологическая дивергенция и конкуренция между разными направлениями бросают дополнительный вызов науке. Молодая болгарская этнолингвистика исследует связи языка с культурой, народными обычаями и социумом и ищет ключ к познанию национального и культурно-специфического в рамках антропологического подхода. В процессе восприятия окружающего мира человек противопоставляет свое «Я» всему «не-Я» и неслучайно в лингвистике именно эти представления связаны с «рассмотрением языка как средства, при помощи которого можно проникнуть в ментальность и стереотипы данной народности или нации и одновременно с этим возможно восстановить взгляды на мир и верования древних людей» (цит. по: Легурска, 2017, с. 5).

Исследуя эту модель человеческого познания и акт его выражения средствами языка, болгарские лингвисты предпосылают априорное представление «моего мира» и отграничение последнего от всего того, что не «мое», средствами современной лексикографии. Традиционная народная культура является огромной национальной ценностью, ибо

сохраняет культурную память каждого народа и этноса. Тем самым она заслуживает специального внимания и изучения. Выбор конкретного подхода — дело непростое. В рамках европейской науки существуют французская, польская, сербская и другие национальные традиции. В русской традиции данная проблематика исследуется этнолингвистической, лингвокультурологией и лингвострановедением. Американский и австралийский подходы сосредоточены на лингвистической относительности и языковой картине мира, на поиске языковых лингвокультурных констант и пр. Достаточно упомянуть попытки реконструкции этнической территории на базе языковой территории, материальной и духовной культуры этноса по данным языка, индоевропейской протокультуры и соответствующего языкового материала, взаимодействия культуры и языка в синхронии, в диахронии или в диахронно-синхронном плане, в сопоставительном плане двух или более языковых реальностей, языковых проекций народного мировоззрения, космогонии, мифологии, ментальных стереотипов как возможных «кодов ментальности».

В контексте этого сложного эпистемологического ландшафта выбор болгарской этнолингвистики пал на расширение методологического аппарата, объединяющего «ученых разных исследовательских территорий», непосредственно или косвенно связанных с исследованием языковых средств. Этот подход пользуется методами и средствами, заимствованными из области диалектологии, этнологии, этнографии, фольклористики, истории языка, сопоставительного изучения языков, культурологии, истории и других смежных дисциплин. На этом фоне «Словарь народной духовной культуры болгар» выступает специфическим хронотопом болгарской школы этнолингвистики и лингвокультурологии. Словарь не только объединяет ученых и подходы в рамках этнически маркированной интерпретации конкретного языкового материала, он стимулирует исследовательский дух в обостренной конкурентной борьбе.

Исследователи Института болгарского языка параллельно с этим лексикографическим проектом разрабатывают тематические этнолингвистические словари: «Тематический словарь терминов народного календаря» (Легурска, 2000 — зимний цикл; Легурска, 2001 — осенний цикл, Легурска, Китанова, 2008 — зимний, осенний, весенний и летний циклы); «Тематический словарь семейной обрядности — рождение, свадьба, похороны» (Легурска, Павлова, Китанова, 2012). Сходной тематике посвящены этнодиалектные словари В. Радевой, Бл. Шклифова и пр. Последний словарь этого направления — «Болгарская семейно-родовая лексика» (Холиолчев, Младенов, Радева, 2013). Эти словари разрабатываются на основе материала диалектов, поэтому их можно определить как этнодиалектные. Именно так поступает С. М. Толстая в журнале «Живая старина» (2000 г.) в отношении «Тематического словаря терминов народного календаря осеннего и зимнего циклов» П. Легурской. Но это определение неточно. Уже в 1981 году Юрий Николаевич Караулов (Караулов, 1981) указывал, что следует учитывать лексикографические принципы и теоретическую рамку создания словаря,

процедуры лингвистического конструирования и параметры, согласно которым материал включается в словарь. В определении «этнодиалектный» эти принципы не учтены.

«Словарь народной духовной культуры болгар» является оригинальным вкладом в современную этнолингвистику и трассирует болгарский интердисциплинарный подход в этом сложном исследовательском поприще. Этот словарь венчает долгосрочный национальный проект сбора, осмысления и классификации болгарской этнокультурной лексики, отражающей традиционную духовную культуру древнего народа.

Авторы принимают, что *между языком и культурой существует изоморфизм*, и это делает возможным описание и анализ народной духовной культуры посредством *применения лингвистических методов*. Элементы духовности народа представлены в форме лексикографического *текста*: в словарных статьях духовная культура как набор этнолингвистических единиц транспонируется через призму ключевых лингвистических понятий – переводимость, диалект, реконструкция, ареология, картографирование. Для этой цели использованы те элементы накопленного материала этнографических, фольклорных и диалектологических исследований, в которых содержится *языковое* проявление этнокультурной традиции. Поскольку язык дает возможность описать любой культурный фрагмент в его целостности, терминология народной культуры обработана и представлена через призму этнолингвистической лексикографии.

В «Словаре народной духовной культуры болгар» культурная терминология оформлена как «корпус духовной культуры болгар на всей их этнической и языковой территории». Таким образом, словарь представляет собой справочник лексикографического типа, охватывающий народные термины, связанные с болгарскими обрядами, обычаями и верованиями. Средствами языка адекватно реконструирована духовная картина мира традиционного болгарина. В качестве источника материала были использованы опубликованные письменные тексты, материалы из диалектных, этнографических и фольклорных архивов, а также полевой материал, собранный авторами. Толкования раскрывают семантику отдельных культурных элементов и сферу функционирования индивидуальных единиц.

В словаре нет исторических реконструкций. Авторам удалось представить народную культурную традицию через синхронное состояние языковых единиц. Это несомненное достижение авторов, и, по видимому, оно является специфическим болгарским вкладом в этнолингвистическую лексикографию. Структура словаря и способ представления материала вполне оригинальны и применяются впервые как самостоятельная модель лексикографической практики в области этнолингвистики.

Энциклопедический характер словаря предопределяет широкий круг пользователей и вполне естественно вызывает интерес всех, кто интересуется народной традицией, болгарским языком и болгарской народной культурой, культурным наследием болгарской языковой

территории. География словаря охватывает все болгарские языковые пределы и отражает историческую обоснованность и специфику национальной традиции. Основной словарной единицей выступают только те элементы и свойства окружающего мира, которые получают в народном сознании символическое значение и толкуются через призму этого значения.

В словарные статьи включаются диалектные слова (словосочетания) и народные термины, связанные с духовной культурной традицией, а также общеупотребительная лексика, претерпевшая специфическую этнолингвистическую терминологизацию. К примеру, лингвоэпистема («логоэпистема», по Костомарову – Верещагину) «вятър» (ветер) интерпретируется лишь как «персонифицированное природное явление, связанное в народном сознании со злыми силами», а «бұхал» (филин) – как «ночная птица, связанная с хтоническим миром».

Лексика, включенная в словарь, охватывает следующие тематические области: календарная обрядность, семейная обрядность (рождение, свадьба, похороны), терминология родства, народное право, демоны, мифонимы. Таким образом, в словник попадают названия обрядовых действий, обрядовых предметов, обрядовых лиц, мифологических существ, термины семейной обрядности с акцентом на терминологию родства, эвфемизмы. Растения и животные представлены лишь в том случае, если имеют отношение к определенной обрядности. Важным элементом словарной статьи является перечень территориальных разновидностей термина. Поэтому «Словарь народной духовной культуры болгар» можно определить одновременно как диалектный по составу подобранного материала, толково-функциональный по способу организации и энциклопедический по богатству информации. Все эти аспекты являются необходимыми конструктивными элементами новой лексикографической модели, отражающей комплексную этнолингвистическую сущность словаря.

В структуру словарной статьи включены следующие элементы: заглавная словарная единица; толкование; перечень распространения вариантов с указанием на источник; фонетические варианты с указанием на их распространение. Варианты в акцентуации представлены вместе с фонетическими вариантами. В тех случаях, когда слово характерно для литературного языка и для большинства диалектов, отмечается его общеполитическая сфера распространения. Семантические эквиваленты даются без индикации на распространение, но в алфавитной структуре они фигурируют как отдельные единицы и их распространение, со ссылкой на описанный ранее семантический эквивалент. Прочие названия отмечаются при основном слове. Словообразовательные варианты даются в алфавитном порядке.

пеперѹда¹ – Обряд вызывания дождя, совершаемый во время засухи (Восточная и Западная Болгария [*Пеперѹга* /Дупница, Панагюрище, Струга, Хасковско/; *Пемперѹга* /Западная Болгария/, *Пеперлюга* /Ивайловградско/, *Пяпярѹда* /Преславско/].

< **вай гугу, вай дудула, ой люле, росоманка**. ∞ Обряд без фиксированной даты. Совершается во время засухи весной и летом.

пеперуда² — Главное действующее лицо в обряде пеперуда. /ВБ/; [пеперуга / Западная Болгария/; пеперюга /Ивайловградско/; пиярүда /Преславско/]. < **додола, додолярка, кукаля, росоманка, циганка**. ∞ Главным обрядовым лицом выступает девочка, обычно сирота. В некоторых областях болгарской языковой территории это может быть первый или последний ребенок в семье. Обязательным условием является половая чистота. Это условие обязательно и в тех случаях, когда главным действующим лицом является взрослая женщина. Пеперуда одета в рубаху, увешанную зеленью, с распущенными волосами. Иммитативная магия нацелена на вызывание дождя.

Петковден Праздник на 14.X, посвященный *Свeтoй Пeткe* — *Параскеве-Пятнице* /Борисово, Поп.; Бяла река, Първом.; Стражица и Драганово, Г. Орях./. < **Пейчинден, Света Пётка, Труняска**. ∞ По народному календарю этот день знаменует конец сельскохозяйственного года и уборки урожая. Начинается период смотрин, помолвок и свадеб. Организуются семейно-родовые праздники. В некоторых местах П. считается женским праздником, и бабы пекут лепешки, обмазанные медом, называемые *света Петка*. Вне деревни приносят в жертву черного петуха или черную курицу. Пока курица варится, поп изображает на земле крест, а бабы — борозду. Рядом с бороздой ставят миску с едой, чтобы болезнь не входила в деревню. Дни между праздниками Петковден и Димитровден в некоторых районах называются Волчьими днями и считаются погаными.

шарка — Женское демоническое существо, вызывающее у детей болезнь, сопровождаемую жаром и сыпью — оспу или корь /общebolг./. < **Шаруля, Баба Шарка, Баба Лешка, Богинка, Гдска, Добрина², Кожовленка, бабичката, леличка, либурка, Марчинка, маслена, медена, медена и маслена, милата майчица, писанка, редушка, сипка, сипаница, сладка и медена, цветенцето, червенка¹, червенуша**. ∞ Большинство названий представляют собой эфемизмы, направленные на умилоствление.

Думается, все этнолингвистические словари находятся в точке пересечения языка и культуры народа, отражая разные аспекты лексической семантики включенных в словарь единиц. В описании этих единиц можно делать упор на разные стороны семантики символов, и семантику можно описать кратко в словарном определении или же разработать в отдельной части словарной статьи.

Словари оценивают в отношении макро- и микроструктуры. Макроструктура — это словник, а микроструктура — конструкция словарной статьи. Следует подчеркнуть, что «Словарь народной духовной культуры болгар» отражает новаторский взгляд авторов на этнолингвистический словник, который заметно отличается от всех существующих словарей.

В принципе подход к словарной статье определяется типом организации — алфавитной, тематической или идеографической, а у каждой из них — своя специфика (см. «Источники», с. 489–490). Наиболее эклектичны статьи в алфавитных словарях, так как они следуют основным рубрикам словарных определений и дополнительным характеристикам в зависимости от типа словаря (см. с. 10, где дается описание структуры словарной статьи). В этом случае эклектику нельзя охарак-

теризовать как отрицательное явление. Идеографические словари создаются на базе определенного лексического корпуса, и в их структуре семантика представлена в цифровом виде, отражающем структуру лексики как замкнутого пространства (см.: Холиолчев, Младенов, Радева, 2013), то есть их структура закрыта. Конструкция тематических словарей открыта по отношению как к общей структуре, так и к словарной статье, которую можно дополнять новыми лексическими единицами. Идеографические словари соблюдают иерархическую структуру представляемых слов, и в их структуре иерархия обозначена цифрами. Тематические словари ситуативны, иерархической структуры лексики в них нет. Это пояснение необходимо, так как оно оправдывает существование разных по типу словарей в одной и той же области, когда они формируются по разным лексикографическим параметрам и на основе разной лексической совокупности. Отдельные словарные продукты взаимно дополняют друг друга в духе принципа дополнительности Нильса Бора. Языковое богатство неисчерпаемо, его можно упорядочить и осмыслить при помощи разных исследовательских картин. Поэтому разные технологии составления словарей приводят к разным продуктам: любая теоретическая конвергенция взглядов и подходов имеет смысл, когда она порождает мысли, рассуждения и результаты.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что «Словарь народной духовной культуры болгар» является новаторским вкладом в болгарское языкознание и в современную этнолингвистику и лингвокультурологию. Создана оригинальная лексикографическая антология, в которой впервые исчерпывающе представлены языковые средства выражения болгарской народной духовной культуры. Богатая информация, содержащаяся в словарных статьях, подталкивает читателя к неожиданным интерпретационным странствованиям в постижении многовековой народной ментальности.

Д. Веселинов

Список литературы

- Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
- Легурска П.* Тематичен речник на термините на народния календар (зимен цикъл). София, 2000.
- Легурска П.* Тематичен речник на народния календар (есенен цикъл). София, 2000.
- Легурска П., Китанова М.* Тематичен речник на народния календар. София, 2008.
- Легурска П., Павлова Н., Китанова М.* Човешкият живот – раждане, сватба, погребение : тематичен речник на българската семейна обредност. София, 2012.
- Легурска П.* Етнолингвистика и лингвокултурология // Български език. 2017. № 1. С. 5–8.
- Толстая С.М.* Этнодиалектная лексикография // Живая старина. 2002. № 1. С. 2.
- Холиолчев Хр., Младенов М., Радева Л.* Българската семейно-родова лексика : етнолингвистичен речник. София, 2013.

Об авторе

Димитр Веселинов, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского, Болгария.
E-mail: d_vesselinov@yahoo.fr

Для цитирования:

Веселинов Д. [Рецензия] // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 106–112. Рец. на кн.: Словарь народной духовной культуры болгар / З. Барболова, М. Симеонова, М. Китанова, Н. Мутафчиева, П. Легурска. – София : Наука и искусство, 2018. – 504 с. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-9.

References

- Karaulov, Yu.N., 1981. *Linguisticheskoe konstruirovaniye i teaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic Design and Literary Language Thesaurus]. Moscow (in Russ.).
- Legurska, P., 2000. *Tematichen rechnik na terminite na narodniya kalendar (zimen tsik"l)* [Thematic dictionary of the terms of the national calendar (winter cycle)]. Sofia.
- Legurska, P., 2000. *Tematichen rechnik na narodniya kalendar (esenen tsik"l)* [Thematic Dictionary of the National Calendar (Autumn Cycle)]. Sofia.
- Legurska, P., Kitanova, M., 2008. *Tematichen rechnik na narodniya kalendar* [Thematic Dictionary of the People's Calendar]. Sofia.
- Legurska, P., Pavlova, N., Kitanova, M., 2012. *Choveshkiyat zhiivot – razhdane, svatba, pogrebenie : tematichen rechnik na b"lgarskata semeina obrednost* [Human life - birth, wedding, funeral: Topical Dictionary of Bulgarian family rituals]. Sofia.
- Legurska, P., 2017. Ethnolinguistics and Linguistic Culture. *B"lgarski ezik* [Bulgarian language], 1, pp. 5–8.
- Tolstaya, S.M., 2002. Ethnodialect lexicography. *Zhivaya starina* [Live old], 1, p. 2 (in Russ.).
- Kholiolchev Khr., Mladenov M., Radeva L., 2013. *B"lgarskata semeino-rodova leksika : etnolingvistichen rechnik* [The Bulgarian family-vocabulary vocabulary: ethnolinguistic vocabulary]. Sofia.

The author

Prof. Dimitar Vesselinov, Sofia University 'St. Kliment Ohridski', Bulgaria.
E-mail: d_vesselinov@yahoo.fr

To cite this article:

Vesselinov D. 2018, Slovar narodnoy dukhovnoy kultury bolgar (Z. Barbolova, M. Simeonova, M. Kitanova, N. Mutaficheva, P. Legurska) [The Dictionary of the Folk Spiritual Culture of the Bulgarians]. – Sofia: Nauka i izkustvo, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 106–112. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-9.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА КАК СОЦИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА:
СОЕДИНЯЯ ТЕОРИИ, МЕТОДЫ И ПРАКТИКИ»
(Калининград, БФУ им. И. Канта, 25—27 сентября 2018 года)**

Конференция «Социальная наука как социальная семиотика: соединяя теории, методы и практики», прошедшая в Балтийском федеральном университете им. И. Канта 25—27 сентября 2018 года¹, стала важным международным научным событием, в котором приняли участие более 70 участников из 15 стран (Россия, Австралия, Албания, Армения, Беларусь, Великобритания, Венгрия, Греция, Египет, Индия, Китай, Литва, Нидерланды, Польша, Эстония). Россия была представлена шестью городами — Москва, Санкт-Петербург, Калининград, Екатеринбург, Казань, Челябинск. Своеобразным «предисловием» к конференции стала Осенняя школа по социальной семиотике «Знаки и действия» (Калининград, 23—25 сентября 2018 года), научными руководителями которой выступили доктор филологических наук профессор С. Золян и доктор политических наук профессор М. Ильин².

Конференция была посвящена памяти одного из отцов-основателей системно-функционального подхода к социальной семиотике Майкла Халлидея, скончавшегося 15 апреля 2018 года. Сорок лет назад именно М. Халлидей ввел в оборот термин социальная семиотика, поставив его в заглавие своей книги «Язык как социальная семиотика» (1978). Сегодня социальная семиотика переживает ревизию своего инструментария, ищет новую научную фокусировку, вовлекает в оборот новейшие феномены, и прошедшая в Калининграде конференция позволила увидеть в этой дисциплинарной области мощный стимул к развитию кроссдисциплинарных связей и научных интерференций.

В рамках конференции с докладами выступили ведущие мировые ученые — специалисты в области социальной семиотики. В пленарных сессиях свое видение истории и современного состояния социальной семиотики представили ученики Майкла Халлидея, лидеры этого исследовательского направления Боб Ходж (Университет Западного Сиднея, Австралия) и Гюнтер Кресс (Университетский колледж Лондона, Великобритания). Именно с выпущенной ими 30 лет назад, в 1988 году, книги «Социальная семиотика» началась история социальной семиотики как самостоятельной дисциплины.

В своем пленарном выступлении *Гюнтер Кресс* отметил, что на сегодняшний день основным подходом в рамках социальной семиотики является мультимодальность. Многие области гуманитарных и социаль-

---

¹ Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-20072).

² Мероприятие проведено при финансовой поддержке Проекта повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров «5—100».

ных наук позаимствовали это термин, и теперь он используется в самых разных исследовательских проектах, часто без применения системно-функциональной теории социальной семиотики или вообще без ссылок на какую-либо теорию. В качестве основных задач, стоящих перед социальной семиотикой сегодня, Г. Кресс отметил, во-первых, выстраивание исчерпывающих описаний составных элементов каждого из семиотических модусов и присущих этим модусам внутренних взаимосвязей, во-вторых, развитие теоретических и дескриптивных ресурсов, необходимых для реконструкции смыслов в различных модусах. При этом Г. Кресс подчеркнул, что формирование отдельных семиотических подходов для каждой предметной области неоправданно, поскольку существует только одна семиотическая теория и один семиотический ресурс для всех значений, характерных для одной социальной группы.

Боб Ходж в своем докладе обратил внимание на необходимость развития «прикладной социальной семиотики» как исследовательского направления, соединяющего метатеоретический потенциал социальной семиотики с проблематикой социальных наук. Также Ходж указал на важность интеграции социальной семиотики, биосемиотики и когнитивной науки в рамках эпигенетической трансформационной теории.

Джефф Безмер (Университетский колледж Лондона, Великобритания), в свою очередь, наметил ряд векторов, по которым может пойти развитие социальной семиотики. Безмер предположил, что такое развитие может быть, во-первых, связано с выходом за рамки доминирующих публичных областей и их канонических жанров и с перефокусировкой на более специализированные сферы (например, рабочие пространства или сообщества профессионалов). Во-вторых, новые возможности для развития социальной семиотики открывает исследование, сфокусированное не только на анализе артефактов и ситуативных взаимодействий, но и на прямом взаимодействии с представителями изучаемых сообществ. Таким образом, речь идет о том, чтобы, оставаясь верным «археологической» оптике семиотики, внедрить в социально-семиотические исследования «этнографический» метод.

Большой резонанс вызвали выступления *Анти Рандвийра* (Тартуский университет, Эстония), *Сурена Золяна* (БФУ им. И. Канта, Россия) и *Михаила Ильина* (НИУ ВШЭ, Россия), которые представили альтернативные подходы к исследованию социосемиотических феноменов. Сурен Золян дал систематизированный обзор социосемиотических концепций в работах исследователей Московско-тартуской школы по семиотике поведения. Анти Рандвийр представил социосемиотическую проблематику через призму лотмановской концепции семиосферы и категории социокультурных систем. Михаил Ильин затронул проблему дивергенции агентивных и символических, социальных и когнитивных функций, обратив особое внимание на их конвергенцию в виде «социальных семиотических функций». При этом М. Ильин указал, что политическая перформативная роль значимого действия или экономи-

ческая символическая роль материального обмена суть частные случаи социально-семиотической конвергенции, а также продемонстрировал возможности и перспективы развития методов исследования политических перформативов в мультимодальной перспективе.

Ряд пленарных сессий мероприятия был организован в лекционном формате с ориентацией преимущественно на молодых участников конференции. С открытыми лекциями перед слушателями конференции выступили ведущие российские лингвисты *Максим Кронгауз* (НИУ ВШЭ, Россия), посвятивший свое выступление проблематике лингвистической конфликтологии как новой области лингвистической науки, и *Владимир Плунын* (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН), рассмотревший дисциплинарные связи социальной семиотики в контексте корпусной лингвистики.

Секционные доклады конференции были посвящены исследованиям, имеющим преимущественно эмпирический характер. Их тематика позволяет сделать вывод о потенциале применения инструментария семиотики в самом широком спектре предметных областей: от литературоведения и лингвистики до социологии и политологии, от изучения дизайна интерфейсов социальных сетей до исследований фотографии. В секциях «Политическая семиотика», «Семиотика: модусы и контексты», «Семиотика идентичностей», «Семиотика литературы», «Семиотика философии и этики», «Межкультурная коммуникация и социальная семиотика», «Концепты, методы, дисциплины», «Семиотика истории и политики», «Литература в мультимодальной перспективе», «Семиотика коммуникационных технологий», «Семиотика пространства» было представлено более 60 докладов и сообщений. Распределение докладов по секциям обозначило основные векторы применения семиотики в российском исследовательском сообществе: затронутая участниками конференции проблематика и подходы к ее решению показали, как социальная семиотика, сама по себе являющаяся полем взаимодействия мощных семиотических традиций, сегодня открывает новые возможности кроссдисциплинарных исследований и перенастраивает аналитическую оптику гуманитарного знания. Об этом свидетельствуют предпринятые в докладах попытки приложения методологического аппарата социальной семиотики к исследованию таких разноплановых феноменов культуры, как художественный текст, межкультурная коммуникация, модели философского знания, исторические и политические процессы, механизмы репрезентации и саморепрезентации и мн. др. Есть предпосылки видеть в этом одну из тенденций развития социальной семиотики на современном этапе: существенная доля выступлений молодых ученых, а также презентации проектов участников Осенней школы по социальной семиотике «Знаки и действия» продемонстрировали расширение исследовательской оптики за счет привлечения ряда ранее не исследованных областей, далеко выходящих за пределы традиционных форм устной и письменной коммуникации.

В целом состоявшееся мероприятие позволило определить круг наиболее актуальных вызовов, с которыми сталкивается современная

социальная семиотика в России и за рубежом, а также наметить наиболее перспективные точки роста для этого исследовательского направления. Прошедшие в рамках конференции выступления с докладами, дискуссии и круглые столы показали, что к числу наиболее насущных проблем современной социальной семиотики относятся:

а) интеграция социосемиотического инструментария с инструментарием социальных наук;

б) выход семиотики за пределы социальной проблематики (развитие биосемиотики и интерфейсов между социальной семиотикой и биосемиотикой);

в) необходимость развития более совершенного инструментария для изучения лингвистических семиотических феноменов;

г) потребность в более активном взаимодействии между различными семиотическими школами (школой системно-функциональной социальной семиотики, Московско-тартуской школой, Копенгагенско-тартуской школой, Парижской семиотической школой А. Ж. Греймаса, а также исследователями, развивающими семиотические концепции Ч. С. Пирса);

д) поиск путей прикладного использования семиотических разработок и более активного включения специалистов-семиотиков в жизнь социальных сообществ.

Российские исследователи могут внести существенный вклад в решение перечисленных проблем. Ключевым ресурсом при этом может стать развитая в России социолингвистическая школа и богатая отечественная традиция литературоведческих изысканий с опорой на семиотические концепции (в особенности на наследие Московско-тартуской школы). При этом главной точкой приложения усилий должно стать развитие социосемиотической исследовательской работы за пределами этих привычных направлений — более активное и систематическое изучение лингвистических артефактов с постановкой не только литературоведческих и лингвистических, но и обществоведческих вопросов. Особую роль в развитии отечественной социосемиотической школы может сыграть Балтийский федеральный университет им. И. Канта: формирование точки роста на территории российского эксклава на Балтике способно открыть новые перспективы благодаря интеграции потенциалов семиотических сообществ Варшавы, Вильнюса, Гданьска, Копенгагена, Минска, Москвы, Риги, Санкт-Петербурга, Стокгольма, Таллина, Тарту и других научных центров.

И. В. Фомин, Т. В. Цвигун

Об авторах

Иван Владленович Фомин, кандидат политических наук, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; научный сотрудник, ИНИОН РАН, Россия.

E-mail: fomin.i@gmail.com

Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Для цитирования:

Фомин И. В., Цвигун Т. В. Международная научная конференция «Социальная наука как социальная семиотика: соединяя теории, методы и практики» (Калининград, БФУ им. И. Канта, 25–27 сентября 2018 года) // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 113–117. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-10.

The authors

Dr Ivan V. Fomin, Immanuel Kant Baltic Federal University; National Research University 'Higher School of Economics'; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: fomin.i@gmail.com

Dr Tatiana V. Tsvigun, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

To cite this article:

Fomin I. V., Tsvigun T. V. 2018, The 'Social Science and Social Semiotics: Bridging Theories, Methods and Practices' (Kaliningrad, IKBFU, September 25–27, 2018), *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 113–117. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-10.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЛИЧНОЕ ПИСЬМО НА НЕЛИЧНУЮ ТЕМУ (ФАНТАЗИИ В МИРЕ «ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТИ»)

Н. С. Автономова

Это отклик на статью С.Г. Исаева «Алфавит случайностей: о “Записях и выписках” М.Л. Гаспарова» (опубликована в журнале «Слово.ру: балтийский акцент». Первая часть: 2015. №4. С. 61–73; вторая часть: 2016. №1. С. 40–54). Я не ставлю целью анализ статьи целиком, хотя некоторые ее положения напрашиваются на обсуждение, в том числе и полемическое. Внимание будет обращено только на вторую часть статьи, а в ней — на те моменты (см. особенно с. 49, 50, 51), которые грубо искажают биографию М.Л. Гаспарова; само их наличие делает абсурдной претензию автора на то, чтобы проследить в жизни Гаспарова становление «единства поколений», опровергнуть «семейные мифы» и др.

Суть ошибки автора в том, что он смешивает две «отцовские фигуры» из биографии Гаспарова, сливает их в одну-единственную и строит фантастический кентавр-объект. А именно, он фактически считает одним и тем же человеком двух совершенно разных людей: Леона Арсентьевича Гаспарова, армянина из Нагорного Карабаха, горного инженера (в течение нескольких лет он был мужем матери М.Л.; хотя они рано разошлись, она дала сыну его фамилию и отчество) и Дмитрия Ефимовича Михневича, талантливого редактора, много лет работавшего в издательстве Академии наук, реального отца М.Л. (с матерью М.Л. его связывали долгие и глубокие отношения, но в брак они не вступали; у него была семья). Д.Е. регулярно приходил в дом и общался с сыном, хотя мать сказала сыну *expressis verbis*, что Д.Е. — его отец, только после смерти последнего в 1959 году. Полное имя реального отца в «Записях и выписках» не встречается (наверное, это и сбилось с толку автора статьи), однако никакого сомнения в том, что «Леон Гаспаров» и «мой отец» — разные люди, у читателя не возникает, если читать книгу внимательно.

Уточню, что моя бабушка по отцу и мать М.Л., Елена Александровна Будилова (1909–1991) (я называла ее «тетя Ляля»), были двоюродные сестры, так что я прихожусь М.Л. троюродной племянницей. Помню, что фотография Е.А. и Леона Гаспарова была у нас в семейном альбоме. Позднее мне доводилось гостить на Пятницкой, в центре Москвы, где жила Е.А. с сыном, чтобы приобщаться к цивилизации (в моем детстве наша семья жила за городом). В эти моменты мне доводилось встречаться с Д.Е., который вместе с Е.А. участвовал в наших общих походах в музей. Большой фотографический портрет Д.Е. висел в комнате Е.А.; физическое сходство отца с сыном было поразительное. Судя по тому, что пишет о нем автор «Записей и выписок», сходство это было не только физическое, писательский, стилизаторский, редакторский

талант он унаследовал от отца. При этом я не могу не сказать и о влиянии его матери — в тех аспектах, где оно было глубоко позитивным. Мы были близки с Е. А., она очень поддерживала меня во всех научных начинаниях: сама она была страстным исследователем, историком психологии (причем не только «материалистической»), так что ее качества — устремленность, смелость, динамизм, глубокая преданность научной работе как содержанию жизни — повлияли на М. Л., как я считаю, не меньше, нежели выдающиеся качества его отца, независимо от того, насколько М. Л. готов был это признать. С некоторых пор имя Д. Е. Михневича, которого М. Л. публично обозначал только как Д. Е., указано в Википедии, хотя лишь в вероятностном модусе («отцом Гаспарова предположительно был...»). Этот модус следовало бы заменить реальным — ради памяти о человеке, которого М. Л. описывает в «Записях и выписках» в разделе «Мой отец», и ради памяти о его матери, для которой Д. Е. был любовью всей жизни, — тем более что тех людей, которых непосредственно затрагивала эта сложная личная ситуация, прежде всего двух женщин, уже давно нет в живых.

Применительно к статье С. Г. Исаева можно сказать лишь, что эта авторская фантазия искаженно окрашивает некоторые темы и мотивы в образе М. Л. и влияет на трактовку ряда вопросов, в том числе вопроса о «национальных началах в творческой личности». Так, в статье приводится по «Записям и выпискам» суждение (со слов матери М. Л.) о национальных корнях реального отца и дается реакция на него М. Л. (в нем «была то ли сербская, то ли болгарская кровь, еврейскую отрицала, но я не очень этому верю...»). В любом случае армянское тут не упоминается, но вовсе не потому, что разрушается семейный «миф о горном инженере» Леоне Гаспарове, но потому, что речь идет, как и во многих иных случаях, о совсем другом человеке. А вот еще пример якобы противоречия: автор сначала утверждает, что мать М. Л. (по некоторым свидетельствам) «не любила отца», а потом дотошно ищет опровержения этого тезиса и, конечно, находит их, однако при этом он по-прежнему не догадывается, что «противоречия» возникают из-за путаницы между персонажами, главный из которых так и остается в тени. Так как статья предлагается вниманию широкого читателя, помимо портала самого журнала, еще и в сети (<https://cyberleninka.ru/article/n/alfavit-sluchaynostey-o-zapisyah-i-vypiskah-m-l-gasparova-statya-vtora-ya>), я вижу прямую задачу моего письма в исправлении этой ошибки. Автора статьи уже нет в живых; если бы он был жив, он сам бы с удовольствием, как я думаю, ее исправил!

Для цитирования:

Автономова Н. С. Личное письмо на неличную тему (фантазии в мире «интердискурсивности») // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №4. С. 118–119. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-11.

To cite this article:

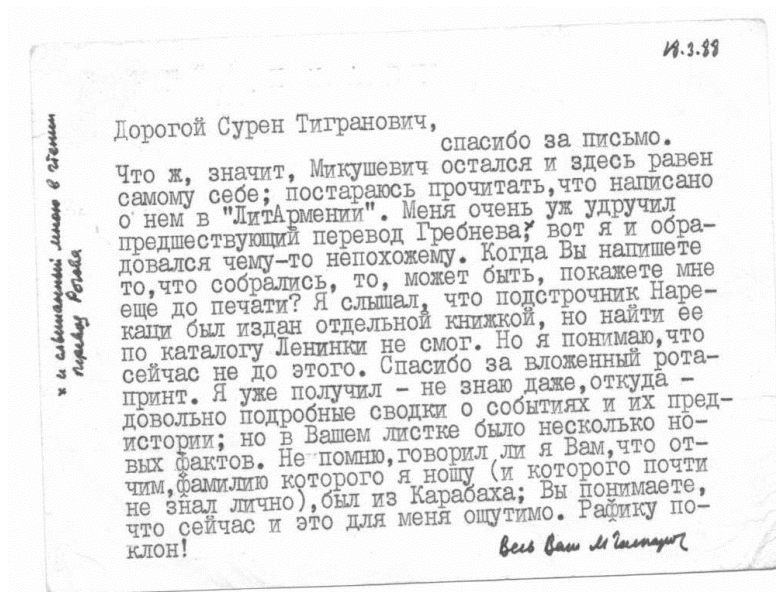
Avtonomova N. S. 2018, A personal letter on a public issue (Fantasies in the world of 'Interdiscursivity'), *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 9, no. 4, p. 118–119. doi: 10.5922/2225-5346-2018-4-11.

От редакции

От имени прежней и нынешней редакционной коллегии выражаю глубокое сожаление о допущенной на страницах нашего издания досадной ошибке. Хочу также поблагодарить Наталию Сергеевну Автономову за важное уточнение. Надеемся, что вопрос, который в силу его деликатности Михаил Леонович Гаспаров не выносил на публичное обсуждение, получил исчерпывающее объяснение и к нему более не будет нужды обращаться. Замечу, что в личном общении (особенно во время пребывания в Ереване) Михаил Леонович называл Леона Гаспарова отчимом, а о своих корнях иронично отзывался так: «Армянин я только по фамилии, а происхожу из старинного шуйского рода» — намекая на бабушку из Шуи. В подтверждение сказанного привожу открытку от 18 марта 1988 года. В ней речь идет о переводах на русский Григора Нарекаци, но в связи с начавшимися в то время событиями в Нагорном Карабахе Михаил Леонович вспомнил и о своем отчине.

Сурен Золян

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — до 1,5 п. л.; научного сообщения — до 0,5 п. л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;

- аннотацию на русском и *summary* на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, *summary* — после статьи перед *references*;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и *references* на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148 – 167.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D.A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K.G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией.

9. После принятия редколлекцией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2018

Том 9

№ 4

Редакторы *И. О. Дементьев, Д. А. Малеваная*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *А. В. Иванов*

Подписано в печать 29.10.2018 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,8
Тираж 120 экз. (1-й завод – 42 экз.). Заказ 271

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6